

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ГРАФИТ

№ 8

Тольятти
2015 год

Главный редактор: Сергей Сумин

Заместитель
редактора: Дмитрий Перегудов

Редколлегия: Татьяна Бочкарь

Кристина Власова

Художник номера: Александра Москалюк

Вёрстка: Сергей Пиденко

Все права принадлежат авторам.

В ряде случаев сохранена оригинальная авторская орфография.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Афиша культурной жизни Поволжья, тексты наших авторов и анализ событий культуры и искусства можно найти на сайтах: graffitt.ru и sumin.moy.su

Март 2015 года, г.о. Тольятти.

Для связи: sumin_sergei@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Сергей Щелоков.....	5
Кужак.....	15
Дарья Муранова.....	19
Владимир Камышин.....	25

АФОРИСТИКА

Михаил Бараш.....	28
-------------------	----

ПРОЗА

Алексей Аристов.....	36
Дмитрий Перегудов.....	46
Андрей Князев.....	47
Эдуард Учаров.....	52

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Евгений Стрелков.....	58
-----------------------	----

ИНАЯ ПТИЦА

Стихотворения.....	68
--------------------	----

NOTA VENE

Письмена листвы.....	88
----------------------	----

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Андрей Сергеев, Андрей Савкин, Любовь Денисова.....	96
---	----

МИР-ОТЕЧЕСТВО

Круглый стол.....	108
-------------------	-----

МИР-ЧУЖБИНА

Кристиан Лундберг.....	124
------------------------	-----

ПОСТСКРИПТУМ

Илья Дацкевич.....	133
--------------------	-----

КНИГА ЗА КНИГОЙ.....	149
----------------------	-----

АВТОРЫ.....	160
-------------	-----

ПОЭЗИЯ

Сергей Щелоков

Расставание со Святками

...Яко с нами Бог

(литургическое песнопение)

Что ты невесел и голову свесил авгур
Тающий лёд распадается сонмом фигур
Снега следы проступают в страницах домов
То что течёт это толща воды и томов
авторских песен нетронутых литератур
выше воды но пониже равнин и холмов

Что же ты хочешь то женщину книгу то книг
женщин таких от которых весна от каких
слипнется всё и уже не сумеешь листать
Вырвешь ли стих или скосишь последнюю статью
этой непрочной травы ещё до выходных
Праздник спасён Только и повторяй теперь ать

два и солому и сено ногами пихай
Так и идёт и по праздникам проклятый хам
Так и идёт этот снег пока падает лёд
Тающий лёд распадается и пропадёт
как твоё слово да ты не авгур а нахал
думал расчёт много позже а он уже вот

Снег это толща богов потому и идёт
Но с нами Бог и Он тонкий нетронутый лёд
Вот и язык у язычника к двери примёрз
Вырежешь бок перепортишь божественный торс
Сделаешь мощи и выстроишь жертвенный плот
Но ты привык что разлив а пока что мороз

Кончились Святки но помощь уже не нужна
Вот уже тут баба библиотека весна
Только не срок ещё сколько колодцев камней
сколько попьют но никто не пойдёт вслед за ней
Всё ещё в прятки игра всё ещё тишина
Всё ещё Бог с нами но будет всё холодней

2009 г.

ПОЭЗИЯ

* * *

По любви обещано всем поэтам

А в Китае медленная жара

Дождь который летом
по всем приметам
лучше чем сухая весна вчера

По любви ты топаешь берцем грязным
ни горяч ни холоден

Лучше разным
быть везде
потому что уже сегодня
в средней незасушливой полосе

А в Китае старая ива-сводня
любит больше чем ненавидят все

старая одинокая и больная
любит она не веруя а зная

По любви ты топаешь как в Китае
по стене идущие на бровях

и они не спрыгнут
они растают
в жаркий медленный газообразный прах

На любовь ты падаешь словно пух
не сильнее
не знаешь даже двух
любящих
даже двух слегка влюблённых

и уже предчувствуя общий род
на горе этой как у всех на склонах
ждёт любви шатающийся народ

ПОЭЗИЯ

словно сдвинешь гору
подсушишь реку

и придёшь к любимому человеку

А Янцзы в Китае теплее Волги
но похоже столько же общих мест

и любовь
то лёжа на верхней полке
то на нижней
празднует свой отъезд
А отъезд с приездом нигде не дружат
и жена не любит любиться с мужем

На любви танцуешь ты рок-эн-роллы
и чечётку
и отбиваешь марш

и она что сцена
и там под полом
слишком много брачующихся вань-маш

и трава забрызгана киноварью
и трава зовётся иван-да-марья

А в Китае когда зацветают вишни
слышно дождь потому что шуршит листва

а когда там засуха то не слышно
даже тех кто выкрикивает слова

и когда оседает пух
удар
его оземь всё обращает в пар

И в Китае сроду не будет Ноя
хотя рис залит и потоп везде
а глядишь на озеро Головное

ПОЭЗИЯ

и шизофрения и паранойя
бродят пешими по его воде

По любви ты ходишь как по мосту
Суета преследует суету

Те кто разговаривает с рассветом
любят больше всех землю и песок

По любви обещано всем поэтам

а прозаикам хватит и разок
потому что они слишком любят воду
и блюдут человеческую природу

Хоть и не Китай а гора повсюду
и меняет лики до темноты

и пока ты спишь я любить не буду
потому что спишь словно любишь ты

Вот уже сегодня и вон вчера
Если ты поляна то я гора

1

(Старый Новый год: тост)

А Крыса говорит

оранжевою мной
переполняйте новогодний цитрус
желтейте под столом
запоминайте цифры
под восходящей убывающей Луной

ПОЭЗИЯ

Почти не просят солнечные крысы
объедков крошек кожи кожуры

шаров и звезд гирлянд и мишуры

и даже шишек кипариса

Желтейте

Только не позеленейте

Луна бывает дома лишь у нас

А там где Солнце
разве только ананас
на мандариноапельсиновой планете

2008г.

2

Не с лохматой
но и не с лысой
утекающей вверх горой
с наступающей Желтой Крысой
поизодранной мишурой
пообкусанной булкой плюшкой
в час Быка
где рога Луны
не сравнишь ни с какой игрушкой
говоришь

и приходят сны

Неба дочь ты меня задела

ПОЭЗИЯ

Так сосулька сначала в глаз

а потом через сердце тела

С наступающею на Вас
с облакающею Вас в дождик
мое Солнце моя Луна
к Вам прокравшейся осторожно

Крысой
как не допить до дна

Сын земли
я хочу живее
бросить этот подлунный дом
пока гости оранжевеют

Пожелтеют они потом

а потом и позеленеют

ведь под солнцем не та не тот

Крыса чтобы пошла за нею
ловко перегрызает год

Значит и у Свиньи есть шея
значит и головы не жаль

потому что в своей душе я
твою душу не удержал

Твоим бредом и моим адом
стали цитрус и холодец

Новым годом крысиным ядом
заливает тела сердец

Дети мимо меня летели
тормозя из последних сил

ПОЭЗИЯ

потому что я в твоём теле
своё тело не поселил

и земля моя не пустила
в твоём небе ни корешка

и не ангельского вам стиля

ни бесовского вам стишка

Больше я ничего не буду
разделять на года часы

Все двенадцать животных Будды
будут брошены на весы

и двенадцать животных Будды
превратятся в свиней и крыс

С новым годом вас
моё чудо

Пейте воду и ешьте рис

Сыновья дочерей избрали
сыновья к дочерям вошли

Только небо моей печали
не укрыло твоей земли

Значит или с тех пор мы дети

или мы до сих пор во сне

Значит будет ещё тут ветер

Значит скроет ещё нас снег

2005 г.

ПОЭЗИЯ

* * *

Февраль кончал –

но не было стиха,
и оттепель сопливилась, как проза,
и несвобода белого письма
влетала снежным голубем, Лициний,

к тебе под крышу...

Кто же без греха?

В пути от целлюлита до цирроза
я, кажется, без рифм схожу с ума –

и мне не быть!..

Горацио, я циник.

О нет, я физик, лирик, что-нибудь
вертящееся на пупе, на попе
среди сугробов белого стиха,
и варваров, и римлян заваливших.

Хотя, когда я принимал на грудь,
я видел греков в Азии, в Европе
и в Африке –

но с криком петуха
всегда я оставался третьим лишним.

Лициний, отросли мои рога,
Горацио, уже обледенели.

Я между вами путаюсь, как чёрт, -

и путаю вас в лирике и в драме.

ПОЭЗИЯ

Мне надоели белые снега
и всё, что мы пропили и проели.

Тот свет – экзамен.

Этот – лишь зачёт.

Узоры на стекле и пыль на раме.

Весна, что паутина, тут гостит –
до первых буден и до первой тряпки.

А в выходные тут всегда зима –
и ничего не пахнет и не льётся.

Цирроз, Лициний, лучше, чем цистит, -
и тут не носят ни трусов, ни шапки.

Горацио, мне быть! –
хотя бы тьма
покрыла это призрачное солнце.
2008г.

Весенний реквием

Во времени – не в армии.
Устава
не чтят –
зато читают между строк.
И судорога каждого сустава
воспринимает это как порок.
Выходит так, что первая октава
проносится, как в дырку между ног.
Короче, очень холодно.
Любой
воспринимает это как любовь.

ПОЭЗИЯ

Мужчины входят к женщинам то спьяну,
то трезвыми, но ждущими игры.
И кажется, чтоходишь на поляну,
хотя на самом деле и с горы
едва сошёл –
и этому туману
мы посвящаем все свои пиры,
сходя на самом деле лишь с ума.
Октава номер два – почти чума.

Да, это смерть –
и толку, что отвага
бьёт изо всех щелей, включая ту...
И от любви до смерти – меньше шага,
и сердце больше любит пустоту,
чем половину.
Терпит лишь бумага.
Уста не терпят подвести черту.
И первый поцелуй октавы три
как зелье разливается внутри.

А дальше хоть пожизненно целуйся –
но ты уже погиб и сочтены
все дни твои, и сколько не балуйся,
не возжелаешь ближнего жены.
Четвёртою октавой полюбуйся:
она, как будто ты спустил штаны,
смеётся над тобой и говорит:
«Любовь рубашкой на тебе горит!»

Ты, думая, что ты сгораешь в страсти,
охвачен смертью и уже дымишь
довольно едко, и вопишь, как в пасти
льва самая малюсенькая мышь.
Уже никто не говорит ни «Здрате!»,
ни «До свиданья!».
Остаётся лишь
висящий на цепях хрустальный гроб -
и пятая октава скажет: «Стоп!»

2008г.

Кужак

Эротический альбом

1

Она начинается на букву «П».
В открытую дверь проникает ветер,
знаком-кивком головы уходящая манит,
без понятых – без-одежде.
Она начинается на букву «Ж».
Проникновение в полость тела, как и...
Личный свет вам в глаза.
Она начинается на букву «Г».
Лошадь ждет, что будут смотреть и бояться,
а жизнь мает, а.
(проникает в открытую как и будут смотреть бояться жизнь)

2

Деловито, как бывало, снег прятал...
Награбленное у лета, сдыхает снег.
Расцветают соски надгрудий,
где-то сердце кричит, пойманное в кулак.
(у лета соски снег прятал)

3

После ветра ревнивого как бы...
Вот и сосны остались несгиба – Немыми.
Полсна при свете глаз, в комнате из тел,
из маслом ее мешка мазанных, дня половина в радости
соития.
Пахарь ее земли уже не выйдет из леса.
(после немыми из тел мазанных выйдет как бы)

4

Против – стоящий Дом. Противовходящие гости,
на виду – где между ног, ватрушка пышная,
накрытая влажными листьями.
Два шага до ее темноты,
она со спины выглядит.

ПОЭЗИЯ

Она видит:

Гладкостенный Дом с трубой:

Женщина открывает дверь.

(стоящий дом влажная до темноты видит женщина с листьями)

5

Вот в открытую дверь проникают войти.

Грудь её бела – как свежий снег на ветке,

подъем и склон двух полушарий в тени цветущих слив.

Не за горами тень рассвета, красно-коричневый осенний сад.

Измокший и от ветра накрылся теснотой сжимающихся бёдер,
вошел – как гость,

и двигался – вот – как орда.

Можно и не хранить молчания,

весь голос состоит из нитей, вдох – колебания – выдох –
нервность.

Приступы желания, скользнуть на потрохах страсти,

и всё это без слова, лечь – войти, сесть – войти.

Он может стоять часами.

(в открытую дверь вошел стоит колебания нервность)

6

В целом доме цветы удаляются в пыль,

что темно за дверями,

говорят – это будет февраль,

бесконечные лестницы до утра

параллельно с бессонницей в душевной норе,

царство тела – кровьюмолоко,

частные узы,

цветы за дверями,

полеты в рай между бёдер,

зонты удаляются – бессонница в дождь,

февраль внутриутробный – дом не пускает чужого,

что говорят рты полные стонов –

что, в целом доме.

(это будет лестницы полные стонов февраль)

ПОЭЗИЯ

7

Мужчина переступил порог и тело женщины первобытная
цель.

Ещё не поздно

лечь и остаться в кармане бога.

После запятых на её теле запах бережно прописан в память.
(цель переступил переступил бога бережно)

8

Мускульное напряжение –

границы видимого вычертили линию выпуклости лобка.

Свеча ещё стоит – со льдом в ладонях дымится сладкий чай.

Глаза внимают совету Мадам Сижу войти сквозь задний двор.

Ночь в лесу – путники – на каждом треугольная шляпа,
канибально рисуют больше, чем дано увидеть в декольте.

Соблюдая декорум пьют не пьянея,

глазом следует вверх по её ноге, мысленно дорисовывая
лужок для орошения.

(мускул орошение больше чем надо)

9

а) Зачитанное до дыр её тело автономное

портит обедню – но охотно дает,

через забор полно непроницаемых кустарников,

оброненных иллюзий в виде колоченного стекла

на солнце именно режущих глаз.

б) Ледяной мир её пещер.

Всем хвала!

Входящие с дарами –

выходящие победителями.

(дыр ее тело иллюзий)

10

Странный язык оральных деяний хранится в пробирке
гортани.

(постигнут по каплям)

Славная слышится песня.

ПОЭЗИЯ

Полон рот смеха, тающего снега, как мозг в похмелье, пение.
Перья в паху – мёд из влагалища – зрение лошади ждёт –
вот как слушают рот смеха.

А есть утром закрытая дверь, пустой треугольник,
вот и безветрие, свист сквозь зубы,
невинность раздвинутых ног.

11

Её соски начинаются там,

где заканчивается территория поглаживания.

Превосходство, точнее – стиль подачи, строго в рамках
кружев.

Тонкий лиственный аромат зарисован в складках рельефных
интимных точек.

(рельеф превосходство соски в рамках подача).

Дарья Муранова

Звезды смотрели косо
на жизнь отданную за эмоции.
Деревья молча тянулись к солнцу,
без усилий росли.
И в этом пряталась Смерть,
как в детстве
в безразличной к тебе темноте,
в погасшем в кармане мобильном,
в бесцельных встречах
на чьих-то квартирах.
А еще
я видел её
свернувшуюся на твоих коленях.
И тогда я сказал тебе и ей:
"Мое место здесь.
Прекрати на меня смотреть,
как на глиняного.
Или как на то,
что трава пробивается сквозь снег.
Хватит мне говорить,
что тебе уже 30 лет.
Что только боль вечна,
и только ею
наполнено твое время.
И есть запретные темы".

Смерть на твоих коленях
бьет меня по рукам.
Но я тебе не дам
притворяться деревом.
Потому что только вещи
не могут касаться друг друга,
и даже хотеть этого.

ПОЭЗИЯ

Так что не смей говорить мне
о солнце и звездах.
Отдай мне
свою жизнь
за эмоции.

Смерть не хочет твоей крови,
она хочет покоя.
А я хочу в тебе
самое горькое,
самое болезненное
пустить сквозь себя,
как поезд,
который более жив,
чем трава и солнце.
Что тебя трогает?
Что стонет в тебе,
запутавшись в ребрах?
Отдай мне всё это
за эмоции,
потому что только против покоя
невозможно восстать.

И тогда я ей сказал,
на тебя указав:
"Это моё".

Будешь ли ты
меня любить
без руки?
Если дождь
будет идти,
и Стивен Кинг
докажет,
что это моя вина,
потому что я
живу в твоём городе,

а чаще в углах
твоей комнаты -
Ты соберешь мои вещи
или моя мать?
Будешь считать заботой
купить мне билет на поезд
и даже дать в дорогу?
И чем, без руки,
я буду все это держать?

Обросший неверием,
как бородой,
в пыли
пройденного пути,
остановился святой
и говорит: "Мы
стареем и умираем -
это всё, что я узнал
у мудрецов и женщин.
Я тратил благие дела
то на тех, то на этих:
"Вот тебе моя пыль,
вот и мои слова".

Так стоило ли идти?
Я обретал буддизм,
деревом крепнув в
кухню, диван и
женщин без языка.
Ветви росли в потолок,
путаясь в облака.
Пресный, безвкусный дзен
корни мои смирил.
Значит ли то, что я есть -
то, что я уже был?
И падали сотни книг,
ведь по плодам судить.

ПОЭЗИЯ

Я снова учился ходить
и продолжал идти.
Город мне стал мал,
как ремень или как
младенцу мать мала,
прежде, чем сделать шаг.

Я обретал Христа,
думая: "Если я -
дерево, из меня
выйдут крестов леса".
Каждому из мудрецов,
каждой из верных жен:
"Вот тебе пыль и крест,
а словом пусть будет Он".
Это конец пути?
Если из тела - крест,
если за все простить,
я все равно есть.

Ради чего шел?
Я познавал Любовь,
но ни один мой плод
не накормил её.

Мне не стоять в тени,
мне не уснуть в тебе -
Умею я только идти,
так обретая Смерть.
Вот что принес тебе,
всех обойдя и спросив -
Я есть и пыль, и крест,
и меня не спасти".

ПОЭЗИЯ

В бригаде восемь рабочих:
Первый - месит бетон,
а Второй
песок мелет с стеклом
и раскрытым ртом
вгрызается в порошок,
торопливо пьет.
Третий по голове его бьет,
хотя какой в этом толк?
Второй поехал,
но говорят -
все мы в итоге
едем домой.

Четвертый оторопел,
думал об этом весь день
и, той же ночью,
помирился с женой
еще на месяц
или даже на год,
"пока не случилось чего".

Третий всем говорит,
что всё видел давно,
но думал: "Бог спасет",
а точнее, что "пронесет".

Пятый взял выходной
за свой счет,
и перед сном, подумал:
"Мы все и всегда
едем домой -
к маме, в деревню,
на небеса,
в чистую кровать...
Так ли уж цель важна,
если так страшен маршрут?"

ПОЭЗИЯ

Так ли мы знаем себя,
если даже кошки в подъездах
дохнут у всех на глазах,
что уж там
Второй или Третий?
Или даже я сам?
Человек сложнее..."

Нет. Пятый подумал:
"Хорошо, что я, как кот,
расту у всех на глазах.
И дети растут,
и цветы, и деревья.
Растут к дому своему".

В бригаде восемь рабочих.
Первый - месит бетон,
Седьмой и Восьмой говорят:
"Сегодня ветер,
но дождя не будет",
и ничего не видят.
Второй месит песок,
бутылки кроша об кирпич.
И только Второй - громкий,
Только Второй - холостой.

Шестой встретит его
через год -
полезет менять провода.

Никто не умрет "никогда".
Все отправимся в срок.

Владимир Камышин

Как осень, шевеля листьями
Деревьев, книг, фортуны и судьбы,
Так за себя мы отвечаем сами,
И в гневе, и в работе, и в любви.

И каждый шаг божественен и кроток
Спиралью в небо ввинчивает ввысь
Вселенной нам отмеренные сроки.
Всё ближе к вечности земная мысль.

И осень уж к зиме всё ближе, ближе.
И руки крон холодны и чисты.
И чаще голос совести ты слышишь.
Дороги вверх становятся просты.

Когда тебя, родная сторона,
Увижу в полыхающем закате
Алания мне станет не мила
И русский ангел сядет тихо сзади.

Что горы, крепость, римский парапет?
Стары, но не древней ветров Борея.
Зелёный малахитовый хребет
Душа моя грустит о днях Рифея.

Всё чуждо: влажный воздух и тепло
И мёртвый стук волны о гравий чистый,
И не ласкает глаз уж паруса крыло,
И взгляд турчанки милый и лучистый.

Мне тёмный лес милее буйных трав.
И Чусовой реки неспешный шепот
Где лишь вчера арийский дикий нрав
Метался ветром, словно конский топот.

ПОЭЗИЯ

Перламутровые тени, зайчик солнца на стене
Деревенские плетени и сирень в моём окне.
Кошка прыгнет на коленки, замурлычет, спрячет нос.
Есть примета на тропинке поутру будет мороз.

Кислый запах простокваши, соты сладкие в руке.
Воск растаявший уставший янтарём прилип к щеке.
Скрип и шорохи за печкой. Тихо бродит домовой
Я хочу сидеть так вечно в сказке этой вековой.

Белка разгрызла осень,
Листья накинули плед.
Тонкая утром проседь
Трав, оставляет след.
Жёлтые фракы синичек.
Синее пламя небес.
Году приходит вечер
Требует свечи. Исчез
День как жизни страница.
Иней узоры плетёт.
Снег ещё только снится
Новый рождается год.

Всполохи осени синей
Скорбное торжество.
Звуки мессы Россини.
Тёмная кровь – вино.
Жёлтых измен страницы
Ветер в оскал домов.
Хочет в любви забыться
Солнце. Радуга снов
Снова захватит в лапы
Словно в берлогу медведь.
И разгоня сапой
Листья. Нужно успеть...
Ветер запутает мысли.
Цвет уберёт рассвет.
В тонкой пронзительной
выси
Музыки больше нет.

Михаил Бараш

«Случайность как танец»

Я не верю в существование мира

Бабочка, передвижная выставка

Господи, спаси все от всего

Никакая вещь не действительна, пока во всей воспринимаемой данности не станет вашим сокровенным символом

Если внимательно разглядывать севшую бабочку, то хорошо видно ту теплую и удачную неравномерность, которая отличает ручную работу

Можно сказать, что философия это сначала головой, потом прочим

Благотворнейшее ожидание. Кто не смыслит в жизни, тот и в ожидании

Будто глядишь на солнце сквозь лепесток

Если сегодня вы готовы объясниться в любви тому, кого вчера ненавидели, значит вы счастливы по-настоящему

Человек, причинивший мне больше всего зла, это я сам

АФОРИСТИКА

Звезды, облака, бабочки, цветы это одно и то же

В наших поступках мало причин и много предлогов

Борьба это недостойное занятие

Бог и Дьявол. В классе есть ученик. Когда он успевает, его называют по имени. Когда отстает, по фамилии

Дождь. Город. Толпа. Капли ее едва замечают

Жизнь по умолчанию

Я вообще думаю, что не чудес не бывает

В этом городе я, как ссыльное дерево

Смысл жизни загадывает загадку, и я должен отгадать, какую

Высшая человеческая способность это не разум, а счастье

Я не один, я с не-я

Весна, дерево в воробьях и цветах

Откуда вы знаете, кто вы, вы же переодеты?

АФОРИСТИКА

Они фотографируются в ландшафтах сказочной красоты так, что это показывает, что они ее не видят

Вместо « Свободы, равенства и братства » я бы предложил « Красоту, доброту и мудрость »

Журналисту полезно знать, что все статьи уже написаны

Всё, подумала пушинка, теперь мне не опуститься

Если кругом добрые люди, к чему быть богатым?

Это дивное сооружение, главенствующее на местоположении, есть обыкновенное облако

Что-то светское в дневных бабочках и церковное в ночных

Наблюдая весной за деревьями, понимаешь, что будни начинаются с праздников

Не писать стихов после Освенцима это продолжать тот же самый Освенцим

Справедливость это не перемена местами палача и жертвы

Был, есть и будет всяк герой
Дырой, дырой, дырой, дырой

АФОРИСТИКА

Вы спросите у меня, который час, и я отвечу вам, птица на ветке

Лучшая мысль это самая здоровая мысль

Каждое мгновение. Каждое мгновение. Упражнение в любви

Гусеница коконопряда на ладони клубком, как спящий котенок

Если бы я был Богом, то на чью-либо молитву вежливо помолился бы в ответ

Пробуждаюсь ночами в сказочном лесу положений своего тела

Да как вам не стыдно быть здоровым, когда все болят кругом

Весна это осень, сменившая платье

Беги. Пока из тебя не сделали своего

На протяжении рассвета не перестаем улыбаться друг другу мы с ранним утром

Объяснюсь в любви тому, кто пожелает

Пока я жив, жива культура

Земля излучает кусты, деревья, травы

АФОРИСТИКА

Откровение это явление внутреннее

Облако, по которому видно, что оно родилось под счастливой звездой

Я не понимаю, как историку удастся не быть все время красным до ушей?

Мне кажется, я бы любил цветы, даже если бы они были некрасивы

Тишина в моей комнате на заглядение

Все так сложно кругом, что не могу позволить себе не быть простым

Да, познай себя и развяжись при этом как узел

Компромисс это то, для чего существует принцип

Смерть это прежде всего конец некоторых усвоенных причуд

Поспорю, что в Аду каждый второй антисемит. В Раю куда меньше

Стоит посчитать ответственным каждого за публичное упоминание названий человеческих групп в отрицательном соотнесении

Существо в любое мгновение хочет, как это ни парадоксально : существовать. И не как-нибудь, а как хочет в это мгновение

АФОРИСТИКА

Если бы он был Богом, сказанное им значило бы меньше

Кому есть что жить, тому есть чем прощать

Старайся говорить, когда тебе хорошо, а когда плохо, молчать

Сегодняшний рассвет будет как бы моей свечкой

Сколько торжественности в этой туче, с ума сойти!

Вы, может быть, не догадываетесь, что самое естественное положение губ — это улыбка, чуточку шире, чем у Джоконды

Мужчина ищет женщину, которая любила бы то, что он делает, больше, чем его самого

Берегитесь, а то все и впрямь возвратится на круги своя

Крупицы мгновений, самородки часов, месторождения лет, столько сырья для драгоценных изделий

Растения - лестницы в небо, листья - перекладины

Посмотрел на небо, и звезды разом мне подмигнули. Черт

Не так увидеть, как посмотреть впервые, вот что важно

АФОРИСТИКА

Женское тело, обрамление глаз

Дикие цветы, это безумие, это безумие, это безумие

Мне нравится это мгновение, я в нем немного побуду

День так чудесен, что я немножко его стесняюсь

После ночного дождя листья шепотом передают капли друг другу

Ночью вселенная наряжается в черное платье с блестками

После точки последует молчание, в котором я предпринимаю попытку превзойти совершенством смысла все когда-либо мною сказанное.

Ничто так не прекрасно, как всё

Земля моя небесная

Алексей Аристов

Пойо и Тютто

Это было давно, когда лесорубов было меньше, а машин и городов вовсе не было. Повсюду тогда простирался лес. Он был совсем не похож на наши пригородные леса, где тропинки ведут во всех направлениях, а за каждым поворотом встречаются гуляющие. Этот лес был очень большим, и не удивительно, что для тех, кто жил в нём, весь мир им и ограничивался. Может быть, лес где-нибудь и заканчивался. Где-нибудь так далеко, где вообще леса не растут. Да только так далеко никто не заходил.

Через этот лес текли реки — большие и маленькие. В этом лесу поднимались холмы и горы. В этом лесу были и озёра, и старые болота. В нём были тёмные чащи, светлые опушки и залитые солнцем поляны. На крупных полянах стояли домики. Где-то по одному, где-то группками. Их жители добывали себе пропитание в том же лесу: охотились, бортничали, собирали грибы и ягоды, в речках ловили рыбу. Этого им хватало, и большую часть года они совершенно не общались с соседями. Но при случае, когда лес одарял кого-нибудь своими богатствами особенно щедро, звали гостей и устраивали угощение. Гости тоже приходили не с пустыми руками. Иной раз по рекам прибывали и жители далёких земель. А когда народу собирается много, то дело одним угощением уже никак не может ограничиться. Тут завязываются и новые знакомства, парни подбирают невест, и тогда угощение превращается в шумный праздник наподобие нашей ярмарки.

На одной поляне у соединения двух лесных речек стояла землянка. Не самое красивое, конечно, жилище, но зато очень удобное в холодное время года. Ветер воет над крышей, не задувает в окна, которых нет. Тепло от очага уходить некуда. А если зимой выпадет много снега, то тем только лучше. Этим снегом можно будет завалить такой домик так, что только дверь будет видно. И тогда станет ещё теплее.

В этой землянке жила семья: отец, мать и двое детей, мальчик и девочка. Мальчика звали Пойо, а девочку — Тютто. Отец на целые дни уходил в лес. Если повезёт — приносил мёда или зверя, но по большей части он стрелял белок на мех да искал молодые деревья, из которых получались хорошие древки для копий и гарпунов. Отец умел делать и всякую домашнюю деревянную утварь. Коса, где сливались речки, была кремнистая, и там можно было набрать материала для наконечников. Собственно, каменные наконечники использовали теперь всё реже, предпочитая им более удобные костяные или роговые. Но отец продолжал практиковать дедовское искусство, считая его тем

более ценным, что других мастеров обработки камня в его поколении уже почти не встречалось.

Мать, помимо домашнего хозяйства, небольшого огородика и сбора грибов, ягод, трав и кореньев, плела корзины. Время от времени, когда соседи устраивали праздник, корзины вместе с тем, что изготавливал отец, относились для обмена. А иногда с отцом приходили мужчины соседних деревень, и вместе они валили выбранные заранее деревья на какую-нибудь новую постройку.

Дети, как и полагается, помогали взрослым. Пойо ловил рыбу и уже несколько раз сопровождал отца в лес. Тютто помогала матери.

В ту зиму снега было немного, зато, как только он выпал, стал крепкий мороз. Речки промёрзли до самого дна, звери и птицы попрятались, ветра не было, и деревья стояли, словно боясь шелохнуться на холоде. Небо заволокли тёмно-серые тучи, и лишь в очень редкие дни над верхушками деревьев едва показывался слабый солнечный лучик.

Но вот уже по расчётам старика Тунти зима повернула на убыль, и несколько семей решили между собой, что это как раз хороший повод, чтобы устроить праздник. Раньше отец ходил один, но теперь дети были уже большими, и родители решили отправиться вдвоём. Готовить дети умеют, уходить из дома им не нужно, да в такой холод и не захочется. Звери же к землянке подходить боятся. Уже на третий день вечером взрослые вернутся, можно бы и оставить таких самостоятельных детей.

Первый день прошёл спокойно, как и надеялись родители. Сразу после их ухода Пойо занялся потрошением рыбы, которую Тютто и сварила с травами и кореньями. Остаток дня провели каждый за своим занятием. Пойо сделал веретено для мамы, но узоры на нём у него никак не получались как надо, поэтому он бросил работу и занялся вырезанием лесных зверей. Тютто весь вечер шила себе платье.

Наутро дети проснулись с мыслью о том, что день будет исключительно скучным. Если бы родители ушли летом, то можно было бы погулять у реки или сбегать к опушке за орехами. Но такой холодной зимой даже выглядывать за дверь не хотелось. «Папа придёт только завтра, хоть будет с кем поговорить. Не с девчонкой же, что она понимает!» — думал Пойо, снова берясь за нож. Тютто, видимо, думала похожим образом, потому что и не пыталась завести беседу, а сразу принялась за шитьё. К вечеру платье уже было готово, и Тютто стало скучно. Она подкинула дров в очаг, проверила, не дует ли из какой щели, и, наконец, подошла к брату, посмотреть, чем он занят. Деревянные фигурки медведя, рыси, ежа, волка и даже цапли (без ног) привлекли её внимание. Она захотела было взять одну, рассмотреть подробнее, но Пойо резко остановил её.

- Не трогай.

- Это почему?

- А незачем тебе.

- Я не сломаю.

- Всё равно не трогай. Нечего тебе там смотреть. Всё равно ты никого из них живым не видела.

- А ты что, видел?

- А я с отцом в лес хожу и, кого не видел, обязательно увижу.

- А медведя видел?

- Нет, медведя не видел. Но отец знает, где он живёт и летом покажет мне.

- А рысь ты видел?

- Рысь — видел!

- Врёшь, не видел ты никого! Мама говорит, она на деревьях живёт. Пока не нападёт — и не увидишь. А если бы она на тебя напала, то сразу съела бы!

- Это ты всё врешь! Не съела бы! Меня папа драться учит, я бы её убил и сам съел!

- А мама говорит, что рысь несъедобная! Сразу видно, что не видел ты её.

- Видел! Видел! А ты не видела!

Тютто хотела было ответить «Врёшь, не видел», но решила, что так они и поссориться могут (они часто так ссорились), поэтому продолжила разговор, как будто брат ничего и не говорил.

- А цаплю без ног ты тоже видел?

- Она с ногами, поджала просто.

- Опять всё ты врешь! Ты просто не смог ноги сделать!

- Я смог, просто они отломались сразу, и тогда я сделал цаплю с поджатыми ногами. Что ты ко мне пристала? Отстань!

Тютто отстала на какое-то время. Походила вокруг, но дела себе так и не нашла и, наконец, снова оказалась возле брата.

- А это у тебя кто, волк?

- Ну, волк. Отстань.

Но у сестры был ещё один вопрос, и она никак не могла отстать, не задав его. «И в самом деле поссоримся. Задам последний вопрос и пойду почию мамино платье», — решила она.

- А чем он тогда отличается от лисы? Или вот это — тоже волк?

- Лиса — рыжая.

- А ты чем-то их раскрашивать будешь?

- И буду! Отстань, говорю! Ты же платье себе шила. Вот и шей.

- А я дошила.

- Тогда орнамент вышей, какой нужно.

- Я и его вышила. И на подоле, и на рукавах.

- А ты у горла вышей, а то за горло схватят.

- Не схватят, у меня бусы есть!

- Да что ж ты за сестра такая! Чего ты вообще ко мне пристала? - рассердился не на шутку Пойо.

- Какая есть. — Обиделась Тютто. — Мы же живём вместе, куда ж я денусь? И мне скучно!

- Это потому, что у тебя дела нет. Ты не бездельничай, а дело себе найди, тогда и скучно не будет. Это я тебе как старший говорю. И вообще, если бы не я, тебя бы здесь вообще не было бы. Это потому, что я папу попросил себе братика, а мама перепутала, наверное, и родила тебя. Так что тебя здесь и быть не может. Поняла?

Тютто хотела было заплакать, но вместо этого почему-то набросилась с криком на игрушки брата.

- Мама не перепутала! Она хотела, чтобы была дочка! — кричала она, пиная деревянных зверушек так, что они разлетались во все стороны.

- Неправда! Не нужна нам девчонка! Тебя не должно быть! — кричал брат, отпихивая её в сторону.

Пойо наконец удалось толкнуть сестру посильнее, так что она попятилась к самой двери, запнулась там о поленницу, упала и заревела-таки. А мальчик торжествующе закричал во весь голос:

- Чтоб ты пропала!

В этот момент стало резко холоднее, видимо, откуда-то прорвался сквозняк. Пойо поёжился, огляделся и увидел, что дверь за спиной сестры приотворилась. Девочка всё плакала и, похоже, не заметила. Не успел Пойо удивиться, каким образом мог отодвинуться засов, как в комнату ворвалось два ветра (их было именно два, хотя мальчик не смог бы сказать, почему он так решил), подхватили Тютто и умчались с ней в лес. Дверь затворилась, засов сам собой задвинулся на место.

Мальчик сперва какое-то время стоял неподвижно и, не мигая, глядел на дверь. Ветры только что унесли его сестру, как он того пожелал. Такие дела, конечно, не происходили ежедневно в его жизни, но всё же нельзя было сказать, что Пойо это очень удивило. Бывало и не раз, что отец, возвращаясь из лесу, рассказывал о чём-то, что он сам видел впервые. В лесу что угодно может произойти. В том году, например, на ярмарке отец услышал, что большая река вот уже несколько дней течёт в обратную сторону. Этой осенью дети сами видели журавлей, летящих на север, а не на юг, как полагается им лететь в это время года. А как-то раз гость из соседней деревни рассказал, как из лесу вышел зверь вроде норки, но размером с медведя. У него была человеческая голова и лосиные рога. Вышел и встал на опушке. До деревни было далеко, но

ПРОЗА

все его хорошо видели. Известно, что в таких случаях нельзя подавать и виду, что что-то не так, и поэтому все просто продолжали заниматься своей работой. Зверь постоял какое-то время, посмотрел на людей, а потом скрылся.

Пойо стало не по себе. Сейчас было совсем другое — пропала сестра! Вредная, конечно, но ведь они же родные! Так не бывает, чтобы живой человек — раз! и нет, как не было! И звать — бесполезно. А он ещё пожелал, чтоб она пропала. Получается, это он виноват. И страшно подумать, что скажут родители, когда вернутся! Тут совесть Пойо не выдержала, и он выглянул за дверь. Там уже стояла темнота. Где-то далеко выл одинокий волк. Пойо поёжился и вернулся домой. Но комната всё так же была пуста, и некому было дать ему совет или сказать слова утешения. Тут было, отчего заплакать и мальчику! И, не успев задвинуть до конца засов, Пойо заплакал.

На следующий день должны были прийти родители. Им надо будет всё рассказать. Но что рассказывать, мальчик не знал. Он и сам не вполне понимал, что произошло. Чувствовал только, что виноват в происшедшем он сам. Пойо завернулся с головой в постель и плакал, пока не заснул, но и во сне ему приснилась сестра. Он звал её, а она не отвечала, а лишь дрожала от холода и куталась в какие-то тряпки.

Когда Пойо проснулся, родителей ещё не было. Мальчик быстро собрался, как обычно они с отцом собирались в лес, завернул сушёной рыбы в платок, взял лыжи и отцовское копьё и ушёл.

Пойо быстро прошёл опушку, которую хорошо знал, и углубился в чащу. За этой чащей должна быть другая поляна, на которой живут рыболовы. Отец подробно объяснял, как пройти к ним, на случай, если сын заблудится, и Пойо успешно преодолел этот отрезок пути. Но речку он перешёл по льду в стороне от посёлка чтобы никто не обратил на него внимания. На этом закончилась светлая часть дня, а дальше начиналась новая, уже незнакомая ему чаща. Пойо вырыл в снегу некое подобие медвежьей берлоги, выстелил пол еловыми ветками, для сухости накрыл их сверху взятой из дома шкурой, и так устроился на ночлег. Ночь была длинной — всю сном не занять, и Пойо успел многое обдумать, прежде чем покинуть своё убежище. Во-первых, он пожалел, что не умеет разводиться трением огонь. Спать в снегу тепло, но хорошо было бы с утра обсушить одежду. Кроме того, Пойо осознал, что совершенно не представляет, куда ему нужно идти, и сколько продлится это путешествие. Конечно, он и не надеялся на то, что стоит ему только отойти от дома подальше, как он сразу же найдёт Тютто и вернёт её. Но когда понимаешь, что идти совершенно некуда, сразу исчезают все силы. Когда рассвело уже настолько, что Пойо не побоялся вылезти из своего убежища, никакого конкретного плана действий так и не

появилось. Теперь лишь одно осталось твёрдым: решение не возвращаться домой без сестры.

И Пойо надел лыжи и побрёл сквозь заросли. Через кусты на лыжах продираться было очень сложно, и когда он нашёл чью-то охотничью тропу, то пошёл по ней. Вскоре мальчик услышал волчий вой. Сначала Пойо испугался, но сразу же понял, что волк не охотится, скорее ему была нужна помощь. Мальчик взгляделся через деревья и увидел запутавшегося в петле капкана и жалобно воющего зверя. Пойо сначала хотел было уйти, но потом ему стало жалко зверя. Осторожно он подошёл к волку. Тот сразу замолчал, забился было, когда мальчик достал каменный нож, но вскоре затих. Видно, уже много сил истратил, пытаясь разорвать верёвку. Одно движение — и зверь на свободе. Сильным прыжком волк отскочил от человека, но остановился. Пойо не двигался. Волк взглянул на него, слегка кивнул, словно благодаря, и побежал в чащу. Пойо вздохнул.

Больше приключений в этот день не было. Чаща закончилась, Пойо перешёл ещё одну поляну, на которой никто не жил, и углубился в следующую чащу. Так было и дальше: новые поляны, через которые иногда пробегала речка, и новые тёмные чащи. Об этих местах Пойо уже не слышал от отца. Местами днём было темно как ночью — так тесно здесь стояли деревья. Иногда лес подходил к речке вплотную, иногда в самом лесу встречались овраги и озёра, которые приходилось обходить. Пойо уже не представлял, в какую сторону идёт. Казалось, что лес сам задаёт ему направление. Каждое утро, пока не рассвело, Пойо пытался развести огонь трением, но всё безуспешно. Палочки нагревались, даже шёл лёгкий дымок, но трут загораться не хотел. Через несколько дней сушёная рыба начала подходить к концу. Пойо, конечно, пытался не одной рыбой — отец научил его, как выкапывать из-под снега оставшиеся с лета травы, корешки, чем ещё можно питаться в лесу зимой, но когда закончится рыба, всего этого явно не хватит. Надо было думать, где достать еду. К людям Пойо выходить не хотел — одного мальчика вряд ли снова отпустят в лес. Несколько раз он набредал на поставленные силки, но не пользовался ими. Зверя разделывать он не умел, да и для того, чтобы приготовить пищу, нужен был огонь. А его он так и не смог развести. Да и силки чаще были пустые. Рыбу Пойо поймал бы и зимой, но отсутствие огня также не позволяло её приготовить.

Считать дни мальчику как-то не пришло в голову, поэтому сложно сказать, сколько прошло времени, прежде чем он встретился с детьми. Встреча была неожиданной, так как произошла в самом неподходящем месте и в самое неподходящее время. Весь день Пойо шёл через очередную тёмную чащу, он очень устал, лыжи мешали, но без них оказалось ещё хуже. В какой-то момент

ПРОЗА

мальчик решил, что, должно быть, уже наступил вечер. Солнца он не видел весь день, и от этого словно устал ещё сильнее. Наконец, ему показалось, что чаща стала редеть, и Пойо решил устроиться на ночь. Но не успел он выбрать место получше, как услышал чьи-то голоса и детский смех. До опушки было далеко, поэтому дети ночью в чаще, пусть даже и рedeющей, встревожили Пойо. Прятаться от них он не хотел, но и показываться не решался.

Вскоре он их увидел: мальчики и девочки весело играли в снежки, перебегая от дерева к дереву и прячась среди валежника. Взрослых не было. Дети беззаботно бегали по лесу тут и там, некоторые из них приближались к Пойо. Показаться или нет? - думал мальчик. А если показаться, то зачем? Они ему ничем помочь не смогут, только наоборот — позовут взрослых. Ну накормят его взрослые, ну переночует он в тёплой и сухой избе. Но ведь потом его ни за что не захотят отпускать. Начнут узнавать, откуда он, потом захотят вернуть отцу. А домой без сестры лучше не возвращаться! И Пойо решил не показываться.

Вот одна девочка побежала в его сторону. Её подруга запустила в неё снежком и припустила за ней. Пойо начал осторожно спускаться в овраг, но не успел он спрятаться, как первая девочка вылетела прямо на него. Пойо застыл на месте, словно превратился в кусок льда: это была его сестра. Она тоже остановилась. Какое-то время они просто молча смотрели друг на друга. Оказалось, Пойо, решивший искать её хоть всю жизнь, не был готов её встретить. Прежде, чем кто-либо из них произнёс хоть слово, на них выбежала вторая девочка. Сначала она тоже уставилась на Пойо, но потом, засмеявшись, схватила Тютто за руку, и они обе убежали.

Пойо помчался за ними. Сначала ему казалось, что он догонит их даже прежде, чем они вылезут из оврага. Но девочки бежали неожиданно быстро, и когда Пойо вылез наверх, никого уже не было. Никто не играл в снежки. Но вот вдали приглушённо послышался смех, и Пойо побежал было на звук. Он позвал сестру, но ответа не было. Смех сразу прекратился, а через время ещё тише зазвучал снова. И в этот момент большая тень пронеслась мимо него. Это был волк.

Пойо долго бежал, всё кричал, пока мог, звал. Но уже ничего не слышал в ответ. Вскоре он перестал понимать, куда бежит, и далеко ли ушёл от того места, где встретил сестру. Надо бы вернуться туда и по следам узнать, куда они ушли, но лес окончательно запутал мальчика. Пойо понял, что устал свыше своих сил и, не подготовив как следует место для ночлега, заснул.

На следующее утро мальчик проснулся оттого, что волк лизал ему лицо. Пойо понял это прежде, чем успел открыть глаза. И ещё он успел сообразить,

что лизать лицо – не угроза, а значит, хотя он и перепугался не на шутку, вскакивать с криками и хвататься за нож было не нужно. Поэтому Пойо просто открыл глаза и внимательно посмотрел на волка. Кончено, так только говорится — «просто открыл и посмотрел». А как непросто это ему было!

Волк, увидев, что мальчик проснулся, отбежал недалеко и стал ждать. Пойо сел и тоже стал ждать. Волк отбежал подальше и снова остановился, глядя через плечо. Было похоже, что он его куда-то зовёт. Пойо не понимал, что происходит, но уже начинал догадываться. «А ведь и вчера я видел волка. Он побежал за детьми». Волк вернулся, снова отбежал и снова стал смотреть через плечо. Пойо встал, взял свой дорожный мешок и нерешительно сделал пару шагов в сторону волка. Тот, словно поняв мысли мальчика, пошёл вперёд, постоянно оглядываясь. Пойо шёл за ним. Вот волк ускоряет шаг, меньше оглядывается, вот он переходит на рысь, и они уже оба бегут куда-то через лес.

Взрослые привыкли за свою жизнь к лесу. Они знают, что волк – это враг, его надо опасаться, ему нельзя верить. И они его опасаются, они ему не верят. И волк тоже перестаёт им верить. А Пойо впервые отошёл от дома так далеко, он ещё не знал леса, он ещё не знал, чего опасаться, а чего нет. Всё было в первый раз. И он доверился волку.

Снова тёмные чащи сменялись светлыми полянами. Пойо устал от бега, ему казалось, что это сменяются ночи и дни, так долго они бежали. Но вряд ли прошли хотя бы сутки. Скорее всего, был вечер того же дня, когда волк остановился на склоне холма и начал рыть под корнями старой ели. Увидев, что волк не справляется с попадающимися ему камнями, Пойо стал ему помогать. Так вдвоём они и обнаружили пещеру. Пойо не знал, что произошло с его сестрой, где она теперь, а волк что-то видел. И теперь нужно ему доверять. Пойо протянул было к нему руку, но всё-таки испугался дотронуться. Похоже, и волк слегка испугался, потому что вздрогнул и отодвинулся назад. Пойо вздохнул и полез под корни.

Лезть пришлось неглубоко. Вскоре Пойо наткнулся на такой же завал, как тот, что они разбирали. Несколько камней он протолкнул себе за спину, а землю просто разгрёб руками в стороны. Почувствовав ветер, мальчик понял, что это выход. Получается, он просто прополз под елью и вылез с другой стороны холма. Стояла ночь, волка не было видно, но и лес не был похож на тот, через который они бежали вечером. Вроде и холм есть, и старая ель на нём, но остальное — не то. И Пойо понял: это опушка! Лес заканчивается! Мальчик никогда и не думал, что лес может закончиться. Но впереди просматривалось огромное, больше любой поляны пространство. Пойо на какое-то время даже забыл об усталости, незнакомое чувство охватило его, и, влекомый им, он побежал туда, где заканчивались деревья.

ПРОЗА

То, что он увидел, не мог объяснить ему никто: бесконечное поле, покрытое снегом, без единого дерева или хотя бы куста. Без оврагов или холмов. Без речек или озёр. Просто бескрайнее белое пространство куда хватало глаз. И это было море! Ни сам Пойо, ни его отец, никто из тех, кого он знал, никогда не видел моря и даже не слышал о нём. Их существование ограничивалось лесом, полянами, чащами, речками и озёрами. То есть лесом. Потому что всё это и был лес. А море не было лесом. Это Пойо сразу понял. Оно никак не могло быть такой же его частью, как поляна или озеро. Если бы он попал туда летом и увидел бы воду, услышал прибой, мальчик поразился бы ещё больше. Пока он видел только бесконечное заснеженное поле. Но и этого было достаточно.

Изумление перед морем было настолько велико, что Пойо не сразу заметил, что совсем рядом с холмом, из-под которого он вылез, стояла избушка на четырёх сваях, а вокруг неё — дети. Когда Пойо увидел их, он пригнулся было, чтобы его не заметили, но дети стояли тихо и неподвижно, и было что-то в них ещё, из-за чего Пойо передумал прятаться и пошёл прямо к ним. Дети замерли в таких позах, будто только что прибежали сюда и теперь играли рядом с избушкой. Но никто не двигался, и никто не говорил. Подойдя поближе, Пойо понял — они все были изо льда.

Это была довольно странная картина. Вот девочка наклоняется за снежком. Вот мальчик куда-то бежит. Вот ещё один почему-то лежит на снегу, свернувшись калачиком. А вот и Тютто. Она сидела на поваленном дереве, и взгляд у неё был слегка испуганный и словно обиженный.

Не сказать, чтобы Пойо что-то понял, но он точно что-то почувствовал. Какое-то недоверие к тому месту, где он находился. Он понял, что не имеет ни малейшего представления о том, что ему делать с найденной сестрой. Вроде бы он стоял сейчас перед ней, но в то же время словно он и не находил её. Пойо просто подошёл к избушке, поднялся на крыльцо и постучал. Тишина. А что делать, если там никто не живёт? Что делать с сестрой? А дверь, оказывается, не заперта — сквозняк слегка приоткрыл её. Что делать? Мальчик стоял один у морского берега, который он увидел впервые в своей жизни, перед избушкой, от которой ждал ответа на мучивший его вопрос.

- Заходи, что стоишь? Видишь, не заперто?

Пойо вздрогнул, а затем, уже ни о чём не задумываясь, вошёл в избу.

Это было небольшое низкое помещение без окон. Не было и печи, отчего в избе было бы так же холодно, как и на улице, если бы стены не защищали от ветра. У дальней стены на большом сундуке сидел длинноротый старик.

- Ну, заходи. Вишь, опять встал! Ты уж извини, согреть не могу, видишь, печки нет у меня. Садись, зато покормлю тебя!

ПРОЗА

И тут начались чудеса. Я-то сам никогда чудес не видел, поэтому и не смогу рассказать так, чтобы вы поверили. Я знаю, что вы именно чудес и ждали всё это время, а я вам всё про лес, про мороз. Даже волк так и не заговорил! Ну, волк так и не заговорит в этой истории. Зато, думаю, несколько вознагражу вас, если хотя бы просто перечислю то, что Пойо увидел в той избушке. Здесь чудес вдоволь будет!

Не успел мальчик ответить, как под ноги ему бросилась скамья: садись, дескать, сказали же! Затем явился стол. Откуда он явился? Избушка небольшая - Пойо даже оглянулся от удивления: не было же стола. Но когда он повернулся обратно, стол был уже застелен, а старик доставал из своего сундука пироги. И ведь горячие пироги! Ешь давай, не надо ничего рассказывать, и без того всё знаем. Сначала гостя накормить надо, а потом уже и решим всё. И без того всё решено уже, о чём же разговаривать? Пойо и не разговаривал, он ел, пил, а потом спал. И ему, как ни странно, было всё-таки тепло.

Хозяина звали Укко Талви — старый Талви, и был он Хозяином. Пойо вначале побоялся сказать ему, что видел у него свою сестру, хотя и сказал, что ищет её. Но постепенно мальчик понял, что здесь его не будут испытывать, спрашивать какой-то выкуп или накладывать какое-то наказание. Испытание он уже прошёл. Он отправился на поиски сестры, он продолжал искать её, когда не было никакой надежды, и он дошёл до цели, когда не было никакого указания. Впрочем, в последнем ему помог волк. Кто был этот волк? Почему так случилось, что Пойо смог помочь ему (наверное, это был всё же тот самый волк), и почему так случилось, что волк смог позже помочь мальчику? Это был один из тех вопросов, на которые пока нельзя дать ответа, как бы ни хотелось. Вот деревенские видели зверя норку, но кроме этого ничего и не говорят. Так и эту историю, если кто-нибудь будет рассказывать, то ничего и не сможет сказать больше того, что сказал вам я.

Редко-редко рождаются люди с особенными дарованиями. Вот старик Тунти из деревни рыбаков может предсказывать погоду. А есть деревни, где нет такого старика. Но есть и деревни, где живёт какой-нибудь сказитель. Такой сказитель понимает многое из того, что происходит. Он не удивится норке-зверю и всё объяснит про волка. Другой сказитель объяснит, конечно, по-другому, и из одной истории получится несколько. Над совсем невероятными посмеются и забудут их. А правдивые останутся. Может, и сейчас уже есть другие сказы о мальчике, искавшем сестру, о волке и о хозяине леса. Да я их не знаю.

Дети? Вернулись дети! Вернулись! В тот же самый день вернулись, в который Пойо из дома ушёл. А тут как раз и родители пришли! Но им дети тогда ничего говорить не стали.

Дмитрий Перегудов

Подарок

Сначала был Кто-то. И решил он Что-то создать. И создал. Так началась Вселенная, и так же она сразу закончилась. Ибо Кто-то забыл прикрутить время, и все произошло одновременно.

- Нет, так дело не пойдет, - решил Кто-то.

И попробовал снова, на этот раз приспособив время куда надо. Оно, правда, глючило – шло везде с разной скоростью. Не стоило, наверное, приделывать время к гравитации.

Кто-то взгромоздил на табуретку космологическую сингулярность и начал отсчет:

- 3... 2... 1...

И понеслась...

Но, по крайней мере, Вселенная начала существовать. И тогда БЗДЫНЬ, возвестивший ее рождение, услышала Еще Кто-то.

- Ой, надо же! – воскликнула Еще Кто-то. – Вселенную сделал!

- А то! Вот гляди, остывает.

- Скучная она у тебя. Только пустота, гелий-4, дейтерий и водород. Да еще и рассеяно все неравномерно.

- Тебе не нравятся комки?

- Не особенно. Я люблю, когда атомы расположены равномерно.

- Тебе не угодишь, - обиделся Кто-то. – А ведь я тебе ее сделал.

- Зачем?

- Э... ради интереса. Думал, тебе понравится. Вот, тут образуются какие-то горячие штуковины...

- Это все твой водород с гелием. Они собираются в комки. Комки сжимаются...

- Вот видишь! Тебе интересно!

И тогда Кто-то исчез из этого плана реальности. Только улыбка его задержалась немного, а потом тоже истаяла. А Еще Кто-то держала в лапах вселенную и смотрела, как образуются звезды.

Андрей Князев

Мечеть Биби-Ханум.

По мотивам узбекской сказки.

Жил-был на свете эмир Тимур. Было у него войско в 99 тысяч сабель. Ходил Тимур со своим войском и на север, и на юг, и на восток - и постепенно всё там завоевал. Только на западе ещё какие-то не завоёванные эмираты оставались. И пошёл Тимур со своим войском на запад.

А был у него гарем - из 99 жён - самых прекрасных женщин на свете. Но больше всех Тимур любил одну - самую прекрасную из всех. Звали её Сарай-Мульк. Но все называли её Биби-Ханум, что значит - Матушка-Государыня, потому что назначил её Тимур самой главной женой и, когда уходил в поход с войском, оставлял старшей над всеми своими жёнами, советниками и слугами.

И вот решила Биби-Ханум сделать мужу сюрприз. И велела выстроить к его возвращению самую большую и прекрасную мечеть в целом мире. Позвала она самого лучшего мастера в целом Туране, дала ему 99 помощников - самых умелых мастеров Самарканда - и велела советникам давать им всё, что понадобится. И стал Мастер со своими помощниками строить мечеть и строил её 99 недель и 99 дней. И вот уже почти выстроил - только арку над входом построить осталось. Ах, что это была за мечеть! 99 локтей в высоту, 99 шагов в ширину и трижды 99 шагов в длину! А прекрасна она была так, что нельзя было отвести от неё взгляда!

А Тимур с войском покорил эмираты запада и возвращался домой в Самарканд. Уже совсем немного дней осталось до его возвращения, а арка над входом по-прежнему была не готова. Разгневалась Биби-Ханум, и велела позвать к себе Мастера.

- Что такое? - Сказала она. - Разве не дают тебе всё, что требуется, мои советники?

- Дают, госпожа. - Ответил Мастер.

ПРОЗА

- Разве не работают на тебя лучшие мастера Самарканда? - Спросила Биби-Ханум.

- Работают, госпожа. - Сказал Мастер.

- Или мало золотых динаров обещано тебе за работу?

- Много, госпожа. - Сказал Мастер.

- Тогда в чём дело?! Я не понимаю! - Топнула ножкой Биби-Ханум.

Помолчал Мастер, собираясь духом, и сказал:

- Не могу я закончить свою работу, потому что знаю, что как только сделаю это - больше никогда тебя не увижу, о, Биби-Ханум...

- Что-то я опять ничевошеньки не поняла. - Сказала Биби-Ханум. - Ну, не увидишь - и что такого? Почему это ты не можешь закончить мою мечеть?

- Потому что полюбил я тебя, о, Биби-Ханум, больше жизни. Любовь моя выше снежных вершин Гиндукуша, глубже самых глубоких глубин Иссык-Куля, шире самых широких степей Могулистана, горячее огненных песков Кызыл-Кума, бесконечнее самых...

- Стоп-стоп-стоп-стоп-стоп! - Говорит Биби-Ханум. - Я поняла.

Мастер молчал и смотрел, как Биби-Ханум кусает губки и морщит лоб.

- Ну и что мы с этим будем делать? - Спросила она, наконец.

- Не знаю, госпожа. - Ответил Мастер.

- Послушай, а давай я удвою твою награду! - Сказала Биби-Ханум. - Нет?! Тогда утрою!

Но мастер только покачал головой.

- А если я... - Биби-Ханум задумалась. - ...велю отрубить тебе голову? Ты не передумаешь?

ПРОЗА

- Нет, госпожа. - Сказал Мастер.

- Тогда чего ты хочешь?! - Воскликнула Биби-Ханум.

- Госпожа! - Сказал Мастер, набравшись храбрости. - Разрешите мне поцеловать тебя - и тогда я закончу свою работу и не потребую никакой другой награды.

- С ума сошёл! - Закричала Биби-Ханум. - Тебе что - жить надоело?! Мужа моего не знаешь?! Он и так-то - сперва головы рубит, потом салям-алейкум говорит! А после такого - я вообще не знаю, что он с тобой сделает! Да и меня отругает... наверное...

- Мне всё равно. - Сказал Мастер.

- Сумасшедший... - Прошептала Биби-Ханум.

Она встала со своих подушечек, подошла к окну в сад и надолго задумалась. Вдруг она улыбнулась и хлопнула в ладоши.

- Придумала! - Воскликнула Биби-Ханум. - Сейчас ты всё поймёшь.

И велела принести блюдо нарядно раскрашенных яичек.

- Посмотри! - Сказала она. - Видишь, какие они красивые и разные? Но стоит очистить их от скорлупы и ты увидишь сам - внутри они совершенно одинаковые! Так же и мы - женщины. Отличаемся только на первый взгляд. А на самом деле - все одинаковы. Зачем тебе мой поцелуй? Возьми любую из моих самых красивых рабынь и целуй, сколько влезет! Это будет тоже самое!

- Госпожа! - Сказал Мастер, немного подумав. - Вели принести два хрустальных бокала - один с водой, другой - с белым прозрачным вином.

- Зачем это? - Спросила Биби-Ханум.

- Ты всё увидишь сама.

- Ну, хорошо. - Биби-Ханум хлопнула в ладошки и велела рабыне принести то, о чём просил Мастер.

ПРОЗА

- Посмотри. - Сказал он, взяв в руки бокалы. - На вид они совершенно одинаковы. Но если выпить из одного - я ничего не почувствую, а если попробовать из другого - внутри меня разгорится пламя! Так же и любовь... - Мастер замолчал и немедленно выпил.

- Вот ведь упрямый ишак! - Воскликнула Биби-Ханум. - Ну, что с тобой поделаться! Хорошо! Целуй! Но только в щёчку! И через подушечку!

- Хорошо. - Сказал Мастер и засмеялся от радости.

Биби-Ханум закрылась подушечкой, а Мастер приблизился к ней и поцеловал. И так горяча была его любовь, что даже через подушечку след поцелуя отпечатался на щёчке Биби-Ханум и ничего с ним нельзя было сделать - ни смыть, ни спрятать под белилами и румянами - всё равно поцелуй горел на щеке, словно утренняя звезда на розовом небе.

Вернулся Тимур из похода. Увидел мечеть, выстроенную по велению Биби-Ханум, и замер от восхищения, ибо воистину не было ничего прекраснее в целом свете. И захотелось ему тотчас расцеловать Биби-Ханум в благодарность за такой подарок. Поднял он лёгкое покрывальце, под которым Биби-Ханум прятала личико, и увидел всё.

А был Тимур ужасно хитёр и невероятно проницателен. Посмотрел он на жену. Потом на мечеть. Обратно на жену... И обо всё догадался. А может - не догадался... Может, евнухи нашептали ему...

Так или иначе, но о том, что произошло дальше, люди рассказывают по-разному. Одни говорят, что велел Тимур своим юз-баши схватить Мастера и предать смерти. Вбежали юз-баши в Мечеть и бросились вверх по лестнице - на вершину самого высокого минарета, где находился Мастер со своими помощниками. И когда они ворвались туда и закричали помощникам:

- Где ваш начальник? - Им было сказано, что Мастер сделал себе крылья и улетел.

- Начальника? Вона он летает! - Говорили помощники, указывая на какую-то точку далеко в небесах.

ПРОЗА

И больше Мастера в Самарканде не видели. Куда он девался, никому не известно.

Ах, какой чудесный конец! Вот бы все сказки заканчивались так же!

Но есть и те, кто говорит, что всё было совсем по-другому... Говорят, что Тимур обуздал свой гнев и сделал вид, что ничего не заметил. Он щедро наградил Мастера и велел ему построить под Мечетью Биби-Ханум подземный лабиринт. В середине лабиринта - велел построить тайный покой, а в середине его - гробницу. И когда всё, что велел эмир, было исполнено, приказал Тимур своим юз-баши убить Мастера и похоронить в той гробнице. А в тайном покое Тимур укрыл свою библиотеку из 99 тысяч книг, что собрал он в походах по всем сторонам света.

Перед смертью Тимур показал тайный вход в лабиринт своему любимому внуку Улугбеку. Нашёл Улугбек тайный покой, прочитал 99 тысяч книг и стал величайшим мудрецом в целом свете. Но мудрость не спасла Улугбека от чёрного предательства. Пока эмир в своей башне следил за движением небесных светил, сардары, визири и юз-баши сговорились убить его. Одной тёмной ночью вошли они в башню Улугбека и умертвили мудрого эмира. Так и не успел он никому передать тайну входа в лабиринт, сокрытый под Мечетью его бабушки Биби-Ханум. Многие потом искали вход в тайную библиотеку Тимура, но так никто его и не нашёл.

А Мечеть Биби-Ханум пережила и Мастера, и Тимура, и саму Биби-Ханум, напоминая людям о мастерах, способных так строить, о женщинах, способных так вдохновлять, и о запечатлённой Мастером в своём великом творении любви - высокой, как вершины Гиндукуша, глубокой, как воды Иссык-Куля, бескрайней, как степи Могулистана, и прекрасной, как утренняя звезда на розовом небе.

(31 октября - 1 ноября 2014)

Эдуард Учаров

Черновики

– Сдаём черновики! – пронзительно дребезжащий окрик доставал до самого сердца...

... Алик Копытин. Старший мой товарищ и друг в Сосновке, где я жил с пятого по одиннадцатый класс. Светлая голова была у Алика, да вот лени не меряно. После школы поступать в институт никуда он не поехал, так и остался жить с бабушкой, которая воспитывала его с детства (родители отказались от Алика сразу же после того, как разбежались, скинув трёхгодовалого человечка строгой и немного с причудью в голове бабке Галине Макаровне).

Алик жил в деревянном бараке рядом с Вяткой. Работал в «кочегарке» напротив дома, а всё свободное время запоем читал детективы и фантастику. На этой любви к Чейзу и Гарри Гаррисону мы и сошлись. К тому времени Алик уже полностью перечитал все сосновские библиотеки и охотился на частных коллекционеров остросюжетной литературы. Что ему удавалось добыть, тем щедро делился со мной.

Летом мы иногда рыбачили на озёрах вместе, тоже с книжками в руках, но чаще – хаживали за грибами и земляникой, истоптав вокруг родного Шипицыно (пригород Сосновки) леса на много километров. Нещадно разграбив несколько полян с белыми или подберёзовиками, даже тогда нам удавалось расположиться где-нибудь на опушке с солнечной стороны и, при отсутствии грозного звона комаров, вчитываться в звенящую пустоту населяемого стальными крысами Космоса...

Когда я после окончания школы собирался с мамой опять в Казань – у Алика умерла бабушка. Он, тридцатилетний ребёнок, остался один. Уже тогда его книжные запои чередовались с бражными. Беспросветная инфантильность не оставляла Алику ни малейшего шанса. Без присмотра такие долго не живут.

Умер он через несколько лет, угорев в доме. Пьяный, задвинул заслонку топившейся печки и лёг спать...

...Серёга Попугаев. Мой сосновский одноклассник. Глубокий двоечник, остававшийся два раза на второй год. Без проблеска интеллекта, но с тоскливой добротой во взгляде. Нежный и женственный. Правда, когда выпивал (в девятом классе Серёга на уроках несколько раз появлялся хмельным), то становился агрессивным, и мы его боялись – всё-таки на два года старше.

ПРОЗА

Моя мама, заведующая «Скорой помощью» часто ездила на вызовы к его болеющей маме-сердечнице. Отца у него не было. Серёга моей маме нравился: «Добрый и скромный парень» – говорила она о нём. А он непонимающе пялился весь день на грифельную доску и под конец, выпивая из пронесённой в школу бутылки несколько глотков, старался затеять драку и утереть нос всем, кто втихую подсмеивался над ним.

Перед выпускными экзаменами в девятом классе он совсем перестал появляться в школе. Через пару недель мы узнали, что у него умерла мама.

Я помню это отчётливо: однажды мы с мамой почему-то заговорили о Серёге.

«Давай я его усыновлю», – сказала она.

«Как это?!» – не понял я.

Больше мы этой темы не касались.

А инфантильный до невозможности Серёга стал заниматься у себя на улице подёнщиной. Улица Советская – «Стрелка», как её все называли, была большой, и работы летом хватало: что-то по дому сделать; огороды у всех; баньку поправить, сарайчик; дров натаскать, да воды из колонки. За любое Серёгино сподручное действие у него была неизменная такса: бутылка, буханка хлеба, два пакетика «Роллтона» и пачка краснодарской «Примы». Летом он спасался.

Зимой – от голода – повесился...

...Денис Фортсман. «Это немецкая, а не еврейская фамилия!» – бесился он. Я не понимал его злости – не евреи же напали на нас в сорок первом.

В Казани мы собирались компанией в соседнем подъезде нашего дома и от нечего делать пили водку, запивая её водой. Слушали громкую музыку и просто общались. Шёл конец 90-ых – тогда было в моде «техно». Уже совсем пьяные, мы с блаженством, как в нирвану, уходили в яростные ритмы «2 Unlimited» или «Махх».

Изо дня в день Глобус, Билл, Малыш, я и два Дениса убивали свой досуг, убивая себя. Привыкая к водке и никотину.

Я уже учился на юрфаке одного из вузов Казани, и, как все ни удивлялись (при моём-то образе жизни!), шёл на красный диплом. Мне нравилось приходить на зачёт или экзамен с трещащей от похмелья головой, первым бросаться в бой с преподам, спорить и поправлять его, если он ненароком где-то оговорился, после чего фиксировать в зачётке итог плодотворного диспута и мчаться к друзьям в сумасшедший подъезд.

Впрочем, речь ведь сейчас не обо мне. Фортсман был талантливым парнем, прекрасно играющим на гитаре и хорошо поющим душевные песни.

ПРОЗА

Впоследствии выяснилось, что песни он сочиняет сам. Поскольку и я баловался стишками, это нас особенно сблизило.

Как-то летом мы всей компанией собрались в поход в Марийские Леса. Добрались на электричке до речушки Илеть и разбили лагерь на её берегу. Макушки сосен звенели от выдыхаемых нами алкогольных паров, а я, конечно, полез в воду. Узенькая, в три метра, Илеть приняла в себя плохо барахтающееся тело и начала его топить. Вытащил меня за ноги Фортсман – единственный, не успевший напиться до беспамятства.

Он быстрее думал, больше переживал что-то в себе, жадно жил. А поэтому чаще, чем мы – пил. А это было непросто.

Его никто не контролировал. Родителей не было. Старая бабушка, с которой он жил на улице Толстого, ничего не могла поделать.

В последний раз, когда я его видел зимой, Денис забежал ко мне домой в одной рубашке. Его трясло с похмелья и холода. Сказал, что он из вырезвителя, и попросил какую-нибудь куртку – дойти до дома. Я вынес ему что-то старое, и он ушёл.

Друзья рассказали, что умер Фортсман в одном из двух своих обычных состояний – с похмелья. Очень его колотило, он долго искал, чем же ему полечиться. Нашёл. Вернулся домой. Налил в стакан, взял его, но до рта донести не успел. Остановилось сердце...

...Женёк-Малыш. Тоже из нашей «подъездной» компании. Достаточно остроумный, почти всегда улыбающийся и легкомысленный парнишка. Девушки от него были в восторге. Мы с ним даже одно время ухаживали за одной Машей. Примечательности у Маши были две: её богатырская полнота и мама. Мама работала в Речпорту и килограммами таскала домой икру. Борьба за деликатес завершилась безоговорочной победой Малыша. Вся полнота икры досталась ему.

Пил он умеренно, может быть потому, что жил с пьющей матерью и отчимом. Зато его больше, чем других тянуло на авантюры и различные махинации на границе криминала. Но большая беда прошла рядом со всеми нами, лишь слегка задев.

Напротив родного двора по Лобачевского обворовали продуктовый магазин. Ночью со второго этажа уже не жилого трёхэтажного дома – проломили потолок первого и через сделанную брешь вытянули всё, что смогли ценного.

Я как раз в эти дни ездил в Сосновку, но всю остальную нашу бригаду посадили в обезьянник и пару суток «уговаривали» сознаться в содеянном. Ребята держались стойко и в милиции на это дело «подписали» первого попавшегося бомжа, а их отпустили, но сделали свидетелями «кражи века».

ПРОЗА

Время шло. Событие уже стало забываться. Я тогда оканчивал юридический лицей, и на одном из занятий мы с группой, ведомые учителем, пошли на ознакомительную экскурсию в Вахитовский суд. Каково же было моё удивление, когда у одного из залов заседаний я увидел всю нашу компанию в сборе, сидящую на стульях. Именно в этот зал мы с группой и прошли. Начался процесс. Стали вызывать свидетелей, – а я сидел с краю у самой двери. Ребята заходили, здоровались со мной и проходили к трибунке для дачи показаний. Группа и преподаватель смотрели на меня широко раскрытыми глазами. Надо же было так совпасть – слушалось то самое дело о краже из магазина! А Малыш улыбался, как всегда, и даже чем-то рассмешил судью.

Потом Малыш уехал в новый микрорайон «Азино», получив новую квартиру вместо хибары на Тельмана. И через несколько месяцев убил мать. Она взяла его деньги на выпивку, он расстроился, взял подушку и прижал к её лицу, когда она спала. И немного передержал.

Убийство в состоянии аффекта. Дали условно. Правда, перед этим пришлось полгода просидеть в психушке на предмет выяснения вменяемости.

Дальнейшие сведения отрывочные: Женился. Развёлся. Стал пить. Остался без квартиры. Скитался. Что-то украл. Отсидел. Последний год обитал на Колхозном рынке с бомжами. Морозным ноябрьским утром его труп нашли на трубах теплотрассы по улице Нариманова.

Говорят, что он улыбался...

Сергей Фазлеев. Командир 8-й роты знаменитого казанского ОМОНа, гонящего местных гопников. Гроза бандитов и террористов. Умный. Сильный. С железной хваткой руки при приветствии. Друг моего старшего брата, работавшего в 90-ые в питомнике служебного собаководства МВД ветеринарным врачом.

А я познакомился с ним чуть позже. У нас дома на Лобачевского, когда приезжал из Сосновки на школьные каникулы в Казань.

В один из приездов – вся 8-я рота была в сборе. Отмечался какой-то праздник. Бутылки и закуска опустошались с ураганной скоростью. Потом настало время настоящего мужского веселья – вся пустая тара была выставлена у стены нашей огромной, в тридцать квадратных метров кухни, а с другой стены по ней начали палить весёлые мужики из своих табельных стволов. Как кого не зацепило рикошетом, не понимаю – пьяным везёт. Я от греха подальше эвакуировался в зал.

Соседи вызвали милицию. Приехавшему экипажу пришлось в этот вечер поработать за такси. Всех развезли по домам.

ПРОЗА

Потом я ещё несколько раз видел Сергея мельком, поэтому мало что могу о нём рассказать. Все мы в определённый момент остаёмся одни. И тогда для некоторых из нас запускается неумолимый механизм самоуничтожения. От Сергея ушла жена. Он запил. Потерял работу. Потом жильё. Несколько раз приходил к нам. Когда брат, когда я – выносили ему что-нибудь поесть. Приглашать Сергея домой было уже невозможно – он совсем опустился. Последний раз приходил несколько лет назад зимой. Жаловался на ногу. Брат осмотрел его в подъезде и сказал, что там стопроцентная гангрена стопы. Нужна срочная ампутация. За то время, пока он звонил из дома и договаривался со знакомыми врачами об операции, Сергей ушёл.

Больше я о нём ничего не знаю. Но это незнание от лукавого. Всё ведь ясно...

– Сдаём черновики! – этот оглушительно пронзительный окрик скоро высосет мою душу. Я тороплюсь. Пишу. Стараюсь, чтобы вышло чище...

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Разговор с поэтом

Евгений Стрелков

С Евгением Стрелковым заочно я познакомился давно. Примерно году в 1998 мне попался отличный альманах – «Дирижабль». Поразило и оформление, и концепция, и подход. Личное знакомство произошло в 2009 году, когда в составе большой делегации поэтов он выступал в Тольятти, театральном центре «Голосова-20». Наконец, осенью 2014 года Евгений Стрелков привез в наш город замечательную выставку «Ниже Нижнего». Именно на ней мы встретились и поговорили о насущных делах литературы, живописи, вообще современного искусства.

Сергей Сумин

- Евгений, приветствую, мой первый вопрос традиционный – как все это началось – живопись, поэзия, издание альманаха, организация выставок – был какой-то толчок?

- Начиналось всё с альманаха. Наш альманах – ровесник перестройки. Всё тогда стало меняться – как в плохую, так и в хорошую стороны. В плохую сторону – это то, что научным работникам (к которым я относился) стали очень мало платить, и мы с друзьями вынужденно подрабатывали электронной вёрсткой общественно-политических газет, которых народилась уйма. В хорошую сторону – это то, что эту самую подработку не запрещали. Освоив, таким образом, издательское дело, мы (я, Инна Готская и Игорь Эйдман – сотрудники Радиофизического института в Нижнем Новгороде) решили напечатать своих друзей-физиков, которые отчасти были и лириками. Предполагалось домашнее издание (100 экз.) на ксероксе, но тут неожиданно подвернулся спонсор...

Промышленно-торговая ассоциация «Ника» с удовольствием поддержала наш проект (деньги тогда были более лёгкие, чем сейчас, их особо не жалели – ни на ресторанные загулы, ни на художественные проекты – кому чего было ближе), но потребовала делать альманах посолідней. Мы, провинциалы, несколько обеспокоились ответственностью и поехали в Москву, к любимому нами писателю Андрею Битову. Надо сказать, что паломничество проходило в лучших русских традициях – на вокзале в Мосгорсправке за 15 копеек узнали телефон, позвонили из автомата и договорились о встрече («Я вообще-то интервью сейчас никому не даю, но раз вы из Нижнего приехали, то заходите»).

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

В течение пяти часов, пока нами (мною и Михаилом Погарским из подмосковного Красногорска, ставшим с этого момента вторым (после Игоря Эйдмана) литературным редактором "Дирижабля") выпивалась принесенная мэтру бутылка коньяка (Битову было нельзя коньяк, он пил водку, настоящую на корешках), автор "Пушкинского дома" и "Улетающего Монахова" наговорил на кассету интервью «Шёл и подумал», а также дал рекомендательное письмо (опять же – в лучших традициях русской литературы, ни до, ни после мне рекомендательных писем не давали) к Резо Габриадзе (кто не знает, это знаменитый кукольный режиссер, а также автор сценариев к фильмам "Мимино", "Кин-дза-дза" и прекрасный художник-график). Резо тогда гастролировал со своим Кутаисским театром марионеток в Петербурге (тогда Ленинграде, помню, Битов с грустью сказал: «...вот вы уже Нижний Новгород, а мы всё ещё Ленинград»). Мы тут же поехали в Питер, где нас принял Реваз Леванович, пригласил к столу (и на спектакль вечером) и нарисовал для первого номера (тут же за столом, засохшим пером на бумажном обрывке) очаровательного Пушкина, летящего на воздушном шаре из Большого Болдина в Нижний Новгород. (Надо заметить, что Битов с Габриадзе с удовольствием занимались тогда «парапушкинистикой», придумывая разные истории в картинках про великого поэта). «Как вы думаете, взял ли бы он с собой вино?» – спрашивал с подходящим случаю грузинским акцентом Резо, – я думаю, взял бы!», – и в корзине монгольфьера появлялась корзина бутылок...

Резо Габриадзе познакомил нас с чудесным питерским прозаиком Андреем Кутерницким, тот с московским художником и сочинителем странных миров Водолазов, Стомаков и Живущих в хоботе Леонидом Тишковым, а тот в свою очередь предложил встретиться с Андреем Битовым... Мы поняли, что круг замкнулся, и дальше авторов надо искать самим. Чем и занимаемся с переменным успехом до сих пор.

От альманаха мы – я и редакция, уже немного иная, чем в начале – перешли к станковой графике и книге художника (есть такой жанр). Потом круг наш несколько расширился за счёт московских и саратовских знакомств, и сейчас в нашем арсенале (у многих из нас), помимо литературных жанров, (стихи-проза-эссе) художественные инсталляции, анимационные ролики, ленд-арт и медиа-искусство.

- Для меня твоим основным детищем является альманах «Дирижабль». Издание стильное, концептуальное, яркое. Что сейчас с альманахом? Каковы перспективы??

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Альманах – дитя своего времени. Многие свои задачи он уже выполнил. Сейчас какие-то вещи, к которым он был изначально предназначен, лучше выполняются в других форматах. Скажем, стихи более уместны в Интернете, а также в поэтических (коллективных) сборниках, в антологиях. Проза – в книгах. Поэтому Дирижабль уже несколько номеров дрейфует в сторону эссеистики. Но и тут непросто, тираж у нас мизерный, многие эссе лучше бы публиковать в сетевых журналах или в бумажных сборниках. Правда, «коньком» Дирижабля всегда был гипертекст, соединяющий разные буквенные и графические сообщения в нечто целое. Возможно, следующий номер всё-таки выйдет, но не раньше, как мы все закончим пару выставочных и пару книжных проектов.

- Выставка «Ниже Нижнего» порадовала и глубиной, и новизной. Как вообще ты мыслишь культурное поле современного Поволжья, есть ли общие мифологемы, близость авторов или единого образа Поволжья нет и быть не может?

- Ну, единого образа Поволжья наверно нет, но что-то общее есть, и Волга нас всех связывает несомненно – о чём писал ещё Василий Васильевич Розанов в эссе «Русский Нил».

- В Тольятти, я так понимаю, ты, Евгений, не в первый раз? Что думаешь о нашем городе??

- Я в Тольятти раз десятый, но так и не понял, как устроен город. Наверно, Тольятти – это апофеоз советского архитектурного и планировочного идиотизма. Город без центра, без реки... наверно, вам довольно трудно в нём жить. Однако, если вспомнить, что «главное в городе - люди», то у меня тут все хорошо, в Тольятти довольно много друзей-приятелей, и много инициатив, к которым я присматриваюсь с вниманием и пиететом – некоторые музейные и театральные проекты прежде всего.

- Возвращаясь к выставке – это мистификаторство, псевдокраеведение, о котором было сказано перед открытием – это вообще что? Новый взгляд, самопроверка на вменяемость, эпатаж или что-то еще?

- Много чего ещё. В каком-то смысле сама передвижная выставка – социологический тест. Достаточно посмотреть книгу отзывов. Эпатаж тут не при чём. То, что публику эти наши экспонаты эпатируют, говорит скорее о

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

чудовищной дремучести публики во всём, что касается современных визуальных практик.

Но о дремучести земляков-провинциалов хорошо сказал ещё Гончаров в «Обломове», мы поместили на обложку эти его строки: «Они знали... Саратов или Нижний, слышали, что есть Москва и Питер, что за Питером живут французы или немцы, а далее уже начинался для них... тёмный мир, неизвестные страны, населённые чудовищами, людьми о двух головах, великанами; там следовал мрак – и, наконец, всё оканчивалось той рыбой, которая держит на себе землю».

- Как влияет на тебя, как на художника, то пространство, в котором ты обитаешь? Нижний Новгород – что за место? Как в нем живет и работаете?

- Ну, живётся и работаете мне, прежде всего, за своим столом – «тут по ночам беседуют со мной историки, поэты, богословы...» (Макс Волошин). Иногда я по два дня не спускаюсь на землю с верхотуры пятого этажа, где этот стол установлен.

А в Нижнем прежде всего замечательны волжские панорамы, с Откоса, от кремля, с Гребешка... Я рад, что Нижний – город исторический, с богатой архитектурной средой, мне это важно, среди панельных коробок я б страдал. Важно, что Нижний – с рельефом, что на его склонах к Волге легко можно оказаться совсем в негородском уединении.

Мне важно, что город (культурный центр его) очень компактен – я хожу пешком или пользуюсь трамваем, притом в удовольствие. Это не Москва, где на дорогу уходит уйма времени, да ещё и под землёй...

Но главное для меня в Нижнем – Волга, она вообще – главная тема в моих художественных и литературных занятиях. Скажем, цикл Сирены – там полно и Волги, и ярмарки, и разной нижегородской специфики, например, фотографической. Словом, «а у нас Волга, а над Волгой – тучи», как написал саратовский поэт Игорь Сорокин.

- Мне очень импонирует – как на выставке, так и в альманахе-альбоме «Дирижабль» – глубинное сращение графики и текста, образа и слова!! Как это сформулировалось, вызрело? Случайно, осознанно, интуитивно?

- И осознанно, и случайно, и интуитивно. И постепенно – этот симбиоз графики и текста всё время в развитии, сейчас я работаю не так, как раньше. Более того, от Дирижабля отпочковалась отдельная графическая программа

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

«Ч/Б», которую мы ведём с коллегой московским художником Андреем Суздалевым, см. http://www.dirizhabl.sandy.ru/kniga/ch_b/index.html

- Не мог бы ты назвать авторов – древних и современных, которые тебя вдохновляют. Кто эти поэты, философы, художники, скульпторы??

- Ну, много кто. По ситуации. Вдохновляют дадаисты – энергией, бескомпромиссностью, способностью к дружбе в искусстве (читаю сейчас книжку Ханса Рихтера «Дада»). Вдохновляет Хлебников, председатель Земного шара и коренной волжанин, автор замечательных текстов. Восхищает Ломоносов – и как поэт, и как естествоиспытатель. Или Заболоцкий, тоже почти волжанин, с вятских притоков. Архитектор Коринфский, поставивший Воскресенский собор в Арзамасе и университет в Казани. Всегда вдохновляет Розанов – не один мой арт-проект («След сада», «Рыба!: волжское застолье»...) инспирирован его текстами. О волжских персонажах науки и просвещения я готовлю книжку эссе «Фигуры разума», надеюсь, скоро выйдет.

- Евгений, твои пожелания литературному альманаху «Графит» в 2015 году??

- Хороших проектов, хороших авторов! Усердия и внимания на непростом и не всегда благодарном поприще отечественной словесности.

Ноябрь 2014 года.

Евгений Стрелков

ДЕБАРКАДЕР

Род ящера.
Динозавр.
Чудовище.
Мастодонт.
Трилобит почти неживой уже,
Обитающий на рубеже
земли и воли,
простора, паруса, папируса даже.

Ра – имя реки нашей.
Волга – прозвище.
Да ведь и то ещё
волнение:
рыбу удить с борта.
С трапа. Стравливая бечеву
прижимая её фалангой к балясине
деревянной
локтём же
стеклянный
шкалик в бушлате нащупывать.
Затем – залпом.
Затем запить. Закусывать.
Под щитом пожарным
с баграми и красными вёдрами –
то ли – первомаю, привет,
то ли прометею.
Столько лет
уже! – так и рыба заговорит...
И труды, и дни в никуда уплыли.

И в тумане полярной звездой фонарь горит
на деревянном шпиле.

СИРЕНАДА

поэтический квадрат к одноимённому саунд-арт-проекту по мотивам фотографических циклов Максима Дмитриева и Михаила Хрипкова «Шансонетки Нижегородской ярмарки»

I

1.

Шансонетки, гризетки, падучие этуали
пальмы, опалы, вуали,
газ... драпировки
стекали
(чешуя чулок)
волнами в ажуре пены.

Вспышка. Фотощелчок.
Сирены.

2.

Мыльная опера fin de siècle.
Вспоминаются к случаю
прачки, тазы, мокрые стены,
испарина на фотостёклах...
Их рыбе беззвучье.
Сирены.

3.

Волжские одалиски,
целлулоид немного кино —
и позы фильмовых кукол.

Они призывны... они так близки... но
хочется звука.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

4.

Взять пункции голоса via градации сажи
отметить тонкою рисккой
каждый бугор напудренный
 иль напомаженный
каждый случайный волос
и оголённый голос
поймать на спирали Рисса.

5.

Электронное эхо этих вокалов –
залог возрождения пения.
Ныне умолкнувших, рассеянных...

Таянье воска в ушных каналах
спутников Одиссея.

II

Спиралью кожуры
Сочащиеся звуки
Сокрыты до поры.

Порханьем мишуры
Прелюдией разлуки
Просодией игры.

Пружина задрожит в механике усилья
и птичка воспарит не оцарапав крылья

Раздастся пение,
раскрутится спираль
при возвращении
в пленительную даль...

И голос обрела судеб немая пряжа,
И слухом полнится столетняя пропажа.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

III

пентаграмма и квадраты
круг, триангл, две спирали
тонки, звонки, полосаты
звук неясный издавали
открывая этот звук
словно бабушкин сундук

чуть скрипуч
под стука ключ.

и структурой обнажён
на лице пентакль гримасы
(как вуаль из цифр кассы)
в звукоряд преображён

IV

Кимвал бряцающий иль некий символ плача?
Спираль канители...
рапсодия беды симфония удачи
октав сырых капли

гармония есть мысль, мерцающая еле-еле
она течёт незримая в воде
травой придонной распуская трели
сиреною на плачущей свирели.
никто как одиссей и как орфей нигде.

ИНАЯ ПТИЦА

«А я и вовсе иная птица»

(Поэтические подборки финалистов 2-го поэтического турнира имени Игоря Царёва «ПТИЦА-2014»)

В поэтическом турнире имени Игоря Царёва «ПТИЦА-2014», организованном на лит.портале «Клубочек», приняло участие 25 авторов из самых разных уголков страны и зарубежья: Москва, Санкт-Петербург, Казань, Тольятти, Владивосток, Тула, Свердловская область, Усть-Илимск, Старый Оскол, Дмитровград, Сыктывкар, Житомир (Украина) и др. В составе жюри были: ИРИНА ЦАРЁВА (Москва) – супруга и соавтор Игоря Царёва, член СПР, Академик Академии российской словесности; БОРИС КУТЕНКОВ (Москва) – поэт, критик, автор книги «Неразрешённые вещи». Организатор литературных чтений «Они ушли. Они остались»; СЕРГЕЙ СУМИН (Тольятти) – поэт, прозаик, журналист, редактор журнала «Графит», организатор 1 и 2 фестивалей поэзии Поволжья; СЕМЁН КРАСНОВ (Тольятти) – поэт, член СПР, зав. лабораторией литературного творчества в ТГУ, автор 7 книг стихотворений; ГАЛИНА БУЛАТОВА (Тольятти – Казань) – куратор конкурса, автор 4 книг стихов, редактор-составитель 13 книг поэзии и прозы.

По итогам голосования жюри (подборки были анонимными) I место занял Эдуард Учаров (Казань). II место – у Виктории Бурцевой (Москва). III - IV место поделили Юрий Лифшиц (Санкт-Петербург) и Наталия Прилепо (Тольятти). Поощрительные 5 и 6 места у Дмитрия Бобылева (г.Серов, Свердловская обл.) и Максима Шумкова (Казань).

Куратор конкурса сердечно благодарит главного редактора журнала «Графит» Сергея Сумина, делающего немало для сближения поэтического пространства городов и предоставившего в качестве призов финалистам возможность публикации в этом номере.

Куратора конкурса Галина Булатова

Эдуард Учаров (Казань)

Небо на вырост

В кашемировом небе на вырост
облака на резинке ношу,
и весны неслучайную сырость
по щекам иногда развожу.

Чтобы в детстве, костром обожжённом,
вдруг, запахнув ночную росой,
проглянуло бы под капюшоном
удивленье озона грозой.

И на Млечном Пути без ошибки
мама с папой увидеть смогли
голубые, как вечность, прожилки
зарифмованной сыном Земли.

Возвращаясь с войны

Так брести, как грести по воде.
Взмахом рук помогая движению брюк
к пустоте, а словам – обретать простоту на листе.
Неуёмную мысль вдруг повесить
помятой армейской фуражкой на крюк
платяного шкафа. Иль забыть на гвозде.

Либо стать мудрецом, в маску скомкав лицо.
Мысль убрать под диван.
Как султан, свесив ноги с тахты, говорить всем: «Якши».
За притворной улыбкой скрывая
две тысячи сунн и священный Коран,
По (читаемый) мною так часто в тиши.

Мысль на цепь посадить, словно пса.
Пусть скулит в закоулках ума,
Сторожа закрома серых масс мозгового венца.
Неудачно грустить, то и дело сбиваясь на смех, и его задарма
с хрипотцой всем врагам раздавать под винцо...
Без свинца...

ИНАЯ ПТИЦА

Лядской сад

Мы выжили, спелись, срослись в естество
чернеющей в садике старой рябины,
глухой, искорёженный донельзя ствол
не выстрелит гроздью по вымокшим спинам,

плывущим к Державину, выполнить чтоб
в обнимку с поэтом плохой фотоснимок:
блестят провода и качается столб,
троллейбус искрит, перепутанный ими,

а ливень полощет у сосен бока
и треплет берёзы за ветхие косы,
газон, осушив над собой облака,
под коврик бухарский осокою косит,

и голос фонтана от капель дождя
включён, вовлечён в наше счастье людское...
и мальчик соседский, в столетья уйдя,
по лужам вбегает в усадьбу Лецкого.

Дятел

Дятел – разведчик звука,
родственник молотка,
сколько ты мне отстукал
с проданного лотка?

Сколько, вещая птица,
голосу вышло жить?
Сколько мне слов приснится
и прислышится лжи?

Чёртова колотушка
присно пишушим в стол!
Скольким станет ловушкой
бьющее долото?

Проклятыми листьями
ты по вискам – в упор,
если звучать устанешь,
Я подхвачу топор.

Озеро Кабан

Ощетинился волнами стрижеными
матёрый кабан-секач:
у Булака – артист камаловский,
у Кремля – циркач,
в междуречье казанском
фонтанов надевший хламиду,
омывающий Пирамиду.

Через Романовский перешеек
фонарём глядит
на Колхозный рынок.
Петропавловским князем,
Кул-шарифским шейхом
во тьму икринок
проникает свет с куполов голубых и высоких башен, –
ах, израненный зверь,
до чего ж ты страшен!

От бензиновых выхлопов
дохнет свирепый рык,
и святыми слезами небесными
переполнившийся арык –
человеков, заблудших в осиянии дня,
(аж в трамваях тряских!), –
окропляет ряской.

И «Алтыном» впивается в небо
отблеск торговых рядов:
столько синего-синего хлеба
вековых городов
не увидит, пожалуй,
ни один гидролог-историк –
на клыках новостроек.

Не буди же гребками
старого славного вепря –
ты лишь жёлудь в плывущем свинце,
от июньского ветра
так случайно сорвавшийся
с ветки метро на «Кольце»...

Виктория Бурцева (Москва)

Rara avis

Резкий ветер от болота
С холодом пришёл,
Я листочек из блокнота
Грею за душой.

А на нём – стихотворенье –
Ветряная стынь,
Хитромудрое творенье,
Что твоя латынь.

Пусть его забанит сервер,
Забубнит борей –
Улетит оно на север
С логикой своей.

Не журавль и не аист,
Не спорхнёт на ток –
Нет, из этой rara avis
Вряд ли выйдет толк.

Слышу я, когда надсадно
Свищет аквилон,
Как трепещет лист тетрадный,
Но как счастлив он!

И когда – с дрожащим, тонким! –
Встану у реки –
Порскнет белым воронёнком,
Вспугнутым с руки.

Зверь невиданный

В зажмуренной июньской лени
Меж яблоневых колоннад
Игриво бродят светотени
И сад на пиксели дробят.

От мохноногого балкона
Прострелом искоса – пленил
Внимательнейший глаз пиона
Из треугольника чернил.

Берёзы над глухим погостом,
Где похоронен Пересвет,
Как снулые вуалехвосты,
Полощут жабры в синеве.

Спружинившийся для ловитвы
Их шелестом врасплох застал:
Азартно отбивает ритмы
Конец кошачьего хвоста!

Едва ли всматривались предки,
Инстинкт добычи затая,
Как тот, щебечущий на ветке,
Не выпевшийся в соловья.

Дичится он, боясь огласки –
Ведь у невенчанной любви
И расчленяющей окраски
Есть преимущества свои.

Застыли ирисы на марше,
Дамасской стали голубей,
Французской лилии монарше,
Непуганее голубей.

Они одни признать готовы:
Вот-вот прыжком ворвётся в дом
Зелёный ягуар садовый –
Жары полуденной фантом.

ИНАЯ ПТИЦА

* * *

К ночи дохнёт от горизонта
Проникновенностью озон,
Рычаньем грозового фронта
Сдувая наизнанку зонт.

Конец лета – не конец света.

Желтеет флагманским корабликом
Листок на прудовом затишье,
И август пробегает яблоком
С неровным грохотом по крыше.

Тот факт, что опускают жалюзи
Отели черногорий-турций,
Не обожжёт такую жалостью,
Как жар календул и настурций.

И облапошенные олухи,
Как Робеспьеры огорода,
Склонили головы подсолнухи
Под гильотину садовода.

А все сангвиники-холерики,
Предчувствуют лихую пору –
Консервы приравняв к истерике,
Закатывают помидоры.

Метельный вальс. Зарисовки в парке

Еле проснулись рассвет приболезненный,
Зорька метельная,
Рушатся с неба снежинок созвездия –
Кружев плетение,
В парке подушки лежат на скамеечках –
Сядьте, не брезгуйте!
Сядешь – и вцепятся сквозь душегреечку
Когти железные...

ИНАЯ ПТИЦА

Мимо хозяйка хромает нестарая
С добрыми псынами,
Все разномастные, целых три пары и
Сплошь некрасивые –
Видно, тобою когда-то подобраны,
Нынче спасут тебя,
Вытянут из состоянья недоброго,
Послеинсультного.

Псынам навстречу бежит-заливается,
Звёздочки цапает
Чистопородная, просто красавица,
Только трёхлапая.
Пусть на бегу к чемпионской медали
Калеке не вырваться,
Люди, спасибо, пожить ещё дали,
Не усыпили пса.

Парочка бомжей бредёт переулочком
За загородочку;
Вот вам, родимые, грошик на булочку,
Но не на водочку.
Мать по снегам пробивается с санками
С маленькой девочкой:
«Вот и подкормим с тобою, Оксанка, мы
Птичку и белочку!»

В снежных картинках, в метели увиденных,
Вдруг открывается:
Это – любовь, а не то, что обыденно
Ей называется,
Это Господня частица нетленная.
С каждым попутчиком
К нам пробивается Света Вселенная
Слабеньким лучиком.

Юрий Лифшиц (Санкт-Петербург)

В небе отражается окно...

В небе отражается окно,
я гляжу на небо из окна,
и в глазах моих отражено
небо, отражённое до дна.

Небо, мы давно с тобой на «ты» —
отчего же пусто мне с тобой?
В глыбе голубиной пустоты
взор твой затерялся голубой.

А когда я выйду на карниз
и пойду по скользкому лучу,
небо, ты меня потянешь вниз
тем, что от тебя я получу.

Шаг... другой... и третий... и ещё —
по лучу бреду я, как в бреду.
Можно не сбивать меня пращой,
я и сам, наверно, упаду.

Всё равно — восход или закат,
всё равно — надир или зенит, —
тонкий луч натянут, как канат, —
по нему нога моя скользит.

Я гляжу по-прежнему в окно,
вижу — кто-то выпал из окна,
а в глазах немых отражено,
небо, отражённое до дна.

ИНАЯ ПТИЦА

Моей Тане

Ты никогда такую не была,
такой желанной, солнечной и страстной,
что ворон уронил свои крыла,
а значит, то, что было, не напрасно.

Того, что было, не было вовек,
а если было, ничего не значит.
Пусть всё засыплет подвенечный снег
и первозданный дождь – переиначит.

И пусть выкаркивает вороньё
завистливо-крикливые мотивы,
мы всё-таки возьмём с тобой своё,
необратимо счастливы и живы.

Я буду петь, ты будешь танцевать,
наш дом не будет никогда простужен,
и нам с тобою будет наплевать,
что делать утром – завтрак или ужин;

когда нам лечь – сейчас или вчера,
когда вставать – сегодня или ночью.
Ни в юности, ни в грусти, ни с утра
счастливые не размыкают очи.

Не головой, а бурями живём,
небесный купол возложив на пальцы,
и, окольцован нами, окоём,
сжимает наши сцепленные пальцы.

ИНАЯ ПТИЦА

Кирилл и Мефодий

Епитимью наложил игумен:
десять раз переписать Писанье.
Старый хрыч воистину безумен –
подвергать такому наказанью.

Не добрался я и до пророков,
завозился на Второзаконье.
Будет мне и таска, и попреки, –
это все отца Кирилла козни.

Это всё отца Кирилла дразги:
слова сам не скажет без баклажки,
а меня за то подвёл под розги,
что хлебнул я тихомолком бражки.

Бражка хороша! Нацедишь плошку –
благорастворение воздушных!
И, цедя из плошки понемножку,
грезишь всласть... до первой оплеухи.

Ты опять, Кирилл, старик спесивый,
уши мне надрал, инда опухли!
А не у твоей ли Ефросиньи
под рубашкой титечки набухли?

Не спущу я ей, попомни, отче,
завалю её на сеновале.
Лучше б ты, Кирилл, следил за дочкой,
чтобы одна не потрепали.

Хорошо, что есть отец Мефодий,
не скажу о нём худого слова:
он и в службе, он и в огороде,
право же, походит на святого.

Весь в делах, в заботах благочинных,
в келье шагу не ступить от книжек;
спросит наколоть ему лучины
и до зорьки пишет, пишет, пишет.

ИНАЯ ПТИЦА

И со мной Мефодий тоже ладит,
даже за провинность не ударит,
призовет, по голове погладит,
леденцом иль яблочком одарит.

Видит – плачу, оботрёт полою
мне глаза – и всё не так обидно.
Только покачает головою,
перекрестит, даже станет стыдно.

А порой к нему Кирилл приходит
и вопит, как будто слабоумен.
И чего с ним говорит Мефодий?
И чего их слушает игумен?

Говорит Кирилл, руками машет,
горячится, брызгает слюною,
а Мефодий кротко слово скажет
и глядит с улыбкой пред собою.

В чём их спор – не ведают и братья,
только знай кивают головами.
Мне же и вовек не разобраться,
что стоит за теми словесами.

Но уйдёт Кирилл, и вот что странно:
сколько вздора он ни набуравит,
а Мефодий думает изрядно
и всю ночь написанное правит.

Наложил игумен епитимью:
за всю жизнь исполню ли – не знаю.
И чего-то жаль мне Ефросинью.
Это что ещё за наказание?

ИНАЯ ПТИЦА

Наталия Прилепо (Тольятти)

Маша

Зябко ёжится ночь, словно лес выдыхает шёпот.
Расступаются травы, волнисто рисуя тропы.
Злую птицу на ниточке прячет в груди Маша,
Ощущая плечами отрезанных кос тяжесть.

Ей бы в лес, что хранит её, но сохранить не может.
Ведь у Маши лишь птица в груди, ничего нет больше.
Небо настезь распахнуто, звезды текут мутно.
Ей бы в лес, только путь сквозь сырую траву путан.

Заблудиться бы в чаще, исчезнуть, пропасть бесследно.
С волдырями крапивными, содранной в кровь коленкой,
Босоногой и лёгкой, пропахшей густым светом,
Беззащитно уткнуться в живое тепло лета,

В рыже-бурое в десять обхватов медвежье брюхо.
Ведь у Маши в душе, как в берлоге, темно и глухо.
Пожалеет косматый медведь, запоёт громко:
«У лисицы боли, у медведя боли, волка...»

Но отцвёл горицвет, став пылью на пальцах Маши.
Лопнул шарик воздушный, и змей улетел бумажный.
Ей бы в лес в синем платице ситцевом. Лес лечит.
Птица злится, но нитка медвежьей любви крепче.

Ночь вольётся в окно, нестерпимо подкатит к горлу.
Закрываясь ладонями, Маша заплачет в голос.
И почудится ей, будто старый медведь воет:
«У лисицы боли, у медведя боли, волка...»

ИНАЯ ПТИЦА

Камень

В немоту небес, застилая ночь,
Выдыхают птиц горы горлами.
Небо прячет дно, небо мглой больно,
Красной лентою да по чёрному
Перечёркнуто.

Сквозь морщины стен прорастает день,
Словно старый дуб. Корни корчатся.
Птицы пробуют голоса людей.
Стал мне сыном сон. Одиночество
Стало дочерью.

Было – не было. Горы горбились.
Горы грезили камнепадами,
Звукам имени гулко вторили,
В небо целились тридевятое,
Рвали надвое.

Был тягуч пещер заповедный зов.
Антрацитом кос между пальцами,
Неживым цветком, слюдяной слезой
На ветру в песок рассыпалась я,
В руки падала.

У дурман-травы малахитовой
На ладонях дождь стынул каплями,
Серебристыми рвался нитями.
Было – не было. В вечность кануло.
Что мне, каменной...

Так не умирают

Хрупкую зиму пряча
За белизною век,
Спит безымянный мальчик
И выдыхает снег.

ИНАЯ ПТИЦА

Ночь по земле горбатой
Рыщет бродячим псом,
До немоты истратив
Голос на горький зов.

До глубины прозрачный,
Призрачный, словно дым,
В чёрных зрачках собачьих
Снег тяжелей воды.

Крыльями птиц незрячих
Дерево к небу льнёт.
Спит безымянный мальчик
И выдыхает лёд.

И выдыхает иней
Медленней и страшней.
Лёд прорастает синим
В тёмный гипноз корней.

Спит безымянный мальчик,
Не разжимая рта.
Господи, так не плачут.
Не умирают так.

Дерево

Тяжесть ветвей истончая до чёрной воды,
Горькое дерево пьёт неподвижную ночь.
Но тридешатую зиму внутри утолить
Неба не хватит, останется скомканный дым.
Некуда будет печалью кричать ледяной.
Дерево, дерево, что у тебя болит?

Некуда петь обожжёнными горлами птиц,
Прятаться голосом, что горячее, чем кровь.
Мёртвое дерево ствол пересохший кривит,
Будто не может уже ни простить, ни спасти,
Копит нетающий снег под сыпучей корой.
Девочка, девочка, что у тебя болит?

ИНАЯ ПТИЦА

Дмитрий Бобылев (г. Серов, Свердловская обл.)

Я живу в этом городе,
Одурманенном трением
Шелестящих троллейбусов
О фасады домов.

Я дышу в этом городе,
Выходя в воскресенье
Поглядеть на собравшихся
Под грибком стариков.

Я люблю в этом городе
С ледяными карнизами
И проваленной кнопкою
В лифтовой пустоте...

В неозлобленном холоде,
Молодой и расхристанный,
Птичьей тенью распластанный
На осеннем зонте.

К картине Г. В. Сороки «Рыбаки»

Спадает жар. Прощальные лучи –
Тем ярче, и желтее, и продольней.
Ещё чуть-чуть – и заискрится донник
Росой, и где-то стадо замычит.

Удильщик, как загадочный Харон
(Темнеющий с потрепанной гравюры),
Висит над небом, в небе отражён,
Веслом выводит плавные фигуры.

ИНАЯ ПТИЦА

И тихо так, и ясно, и тепло,
И босоного, и штаны чужие,
Спасённым будет Спасское село
И мы, за то, что в нём когда-то жили!

Такое небо – будет ли ещё?
Несётся время бешеным аллюром.
Весло толкает лодочку под счёт,
Желтеет облако,
и рвётся кракелюром.

Рисовать – заключать в темницу,
Приковать и держать на весу,
Урезонить резной границей.
Если видишь, то – не рисуй.

Вольной стаей раздались тучи,
К полюсам устремились реки.
Чтоб остались быстры, летучи –
Не лови, не рисуй вовеки.

Приручивший огонь, чуму,
Альбатросов с прибрежных скал, –
Не рассказывай, почему
Лишь Её ты не рисовал.

Максим Шумков (Казань)

Проливалось молоко

Летели облака, летели далеко,...
Как рыбы-корабли, как мысли дурака.
Юрий Шевчук

Серой марью осенней хляби
Заболотились небеса,
Ветошь рваную заправляя
В жёлто-лиственные леса.

Стала сказочным океаном,
В мыслях бедного дурака,
В просяном киселе тумана
Растворившаяся река.

Бились крупной простудной дрожью
От промокшей насквозь ноги,
В луже слякотно-придорожной
Расходившиеся круги.

Мысль запутывалась и рвалась
В поржавевшей густой траве,
Всё расстроилось, всё смешалось
В глупой маленькой голове.

Ветер брызгал дождём колючим,
А над ним, где-то далеко,
Проливалось в смурные тучи
Солнца тёплое молоко.

ИНАЯ ПТИЦА

Якоря

Буду тоску лелеять,
Буду бродить бесконечно в выдуманном лесу,
Заберусь в недра тёмной,
Самой чащобной дикой норы.
Перестану бисер метать
И кости бросать перестану голодному псу,
Выползать буду лишь,
Чтоб росу на губах ощутить от древесной коры.

Я пойму всё, не думай,
Что я зачерствевший камень, забывший тепло,
Я кусаю ночами подушку,
Слёзным шёпотом-криком с ночной темнотой говоря.
Но наутро лишь тускло скребёт под ногами
Разбившееся стекло,
И назад возвращают, уплыть не давая,
Обыденности якоря.

Озеро Коцит

Когда я в вечность перешёл,
В пустыню мёртвой тишины,
Воспоминаний был лишён,
Не мог, как прежде, видеть сны.

И скаля сгнившие резцы,
Швырял я снежное пшено
В табличку: «Озеро Коцит!
Купание запрещено!»

Гнедой копытоногий бес,
Замуровав меня во льду,
Съязвил, сказав: «Христос воскрес.
А ты останешься в аду».

Осенью 2015 года должна выйти книга Сергей Сумина под названием «Письмена листвы». Это произведение довольно прихотливо по структуре, оно содержит в себе 9 трилистников, в каждом по 3 текста. Не пытаясь определить жанровую природу, не желая заранее определять концепцию книги, редакция решила познакомить Вас с одним из трилистников этого произведения.

Трилистник надежд

(Письмена липы)

Смесь

Я бы хотел излучать свет, а не тепло.

Место на Марсе уже занято.

Мелочь обстоятельств в незначительности причин.

Молчание под колпаком.

Ты – жалкое подобие Себя.

Медлительно как мёд.

Как двигаться дальше, если остановлено само Движение?

Часы, частный случай вечности.

Вечное чередование вместо однонаправленной поступи.

Желания слабы, но постоянны.

Твоя самооценка не считается.

Излучатель солнца.

Корабельные канаты терпения.

Шествие несогласных гласных по площади листа.

Падающему – успевай!!

Мохнатый подробный юмор.

Песня не слышит сама себя.

Звездные грёзы вечности.

Беглые гласные, откуда Вы?

Против мысли только чувство.

Виноградные гроздья веры.

Грусть не уходит, она медленно отдаляется.

В пропасть, но пропасть не задаром.

Голос – это не все. Главное – о чем кричать!!!

Артюр Рембо

(Микст)

Все мы отступники!!

**Да, я люблю бродить по улицам незнакомых городков среди
неприятных лиц!!**

У меня нет ни единого друга!!

Ну же, скажите, кто, кто в этой жизни не потерпел полный крах??

Кто я? Поэт Рембо, искатель приключений!!

Что ж, по-видимому, я никогда не буду доволен!!

Главное – верить в царство, царство Человека!!

Поэт – это гарпия, сфинкс, чудовище, кентавр, монстр!

И мир, и гармонию нам еще предстоит выстрадать!

Линия горизонта - линия беспредельности.

Меня грызет внутренняя гидра, которая день за днем подтачивает мою душу!

Я отстал от корабля, верните меня на него, на мой яростный, пьяный корабль!

С другими нас обычно связывает лишь человеческая нить – бойся этой лживой связи!!

Жаль, но потаенных мест на Земле уже не осталось!!

Не просите поэта выразаться на языке обывателя.

Новый климат грядет и не факт, что он будет мягче – в нем также пребудут терзания и схватки!!

Нищета лишила меня свободы, но я еще ее завоюю!!

Поэзия - это рана, которую я ежедневно наношу себе, и она делается все больше!

Нужно сжечь деньги, если не можешь купить на них весь Мир!

Мир вступил в полосу упадка, разве не видите Вы, чего желают нынешние люди!?

Большинство т.н. поэтов – шарлатаны. Они не могут своими виршами разбить хотя бы орех!

Чем больше мы узнаем, тем меньше готовы действовать!! Прочь такие познания!

Мы должны научиться отпускать птиц своих грез!!

Тот мир, о котором я пекусь - мир Несбыточный!

Человек – это творчество, человек – это поиск, человек – это надежда!!

Наш подлинный мир – мир трепетный и таинственный!! Это он маячит впереди!!

2012 г.

Шумак (11 дней в горах)

Итак, мы уже в долине, завтра начнется, но что? И готов ли я к этому опасному приключению?

Тропа, по которой мы шли, казалась удлиняющейся от наших взглядов – она буквально была бесконечна.

Здесь чаще молчишь. Или же пытаешься понять то, о чем молчанием проговариваются река, скалы и долина...

Впереди у меня вос-хождение – нет, скорее уж воз-вышение, но над чем?

NOTA BENE

Ветер пронизывает тебя насквозь! Ты плотно укутан, ты поднимаешь ворот куртки – но ветер настойчивее тебя – он веет здесь уже несколько тысячелетий.

Поднимаясь, ты что-то медленно отламываешь в себе - по крошкам, по кусочкам.

Гора уже прямо над нами, но сколько сил потребуется для ее штурма? Ощущение провала, бездонной тоски и задыхания.

Изумрудный цвет Саянских озер напоминал что-то детское, сказочное, давно забытое

Места здесь - сакральные, нестерпимые и поражающее дух, а главное свойство ландшафта – нечеловечность увиденного.

Кто бы мог подумать, что Шумак – это огромное скопище различной формы булыжников и ничего более.

С какого-то момента я понял, что уже не нахожусь во власти привычных законов физики, а те, которые тут имеют силу – мне неизвестны.

Слова имеют здесь иные свойства просто потому, что, произнося их, ты можешь задохнуться – отбирать их приходится тщательно.

На вершине перевала я не видел много говорящих людей.

Чтобы продвигаться здесь – требуется воздух в легких, но именно его-то тебе порой и недостает.

Камнепады и сели здесь столь обычное явление, что после 6-го или 7-го по счету мы перестали к ним прислушиваться.

В долине лежал ровный, ничем не тронутый свет – он был чист, чист - вот и все.

Котловина после перевала представляла собой огромный амфитеатр наподобие античного, но в сотни раз больший – а спектаклем была игра светотени, скользящие тени на стенках этого глубокого колодца.

Камень тут абсолютно мертв – он не имеет даже ласкающих человеческий взгляд округлостей – он грубо сколот чьей-то безжалостной рукой.

NOTA BENE

Красота этого края сурова, она не дает тебе расслабиться – ежеминутно меняя очертания линии горизонта – минута – и летит град и гроза.

Туман подкрадывается абсолютно незаметно, как бы выплывая из-за соседней горы, и в течение пяти минут полностью обволакивает тебя.

Лишь однажды выхваченное взглядом мгновение подарило радугу – это было чудом посреди безмолвия камней.

Желчь и белизна, серовато-бурый и медвяно-коричневый, чернота и темная зелень – вот оттенки скал тут.

Смерть здесь видится более отчетливо, без метафор, смерть - это холод ночи, камень на склоне, бурливая река после дождя...

Буддийские цветные ленточки с мантрами на 3000 метрах - о, как же высоки эти мантры..

Жизнь как она есть во всей ее незримой опасности и невесомой красоте – это Саяны.

Начало августа, а снег на скалах еще лежит, он рыхлый, мягкий, серый, но это снег...

Легкость еще возможна – когда ноша сброшена, и ты гордо смотришь с вершины, на которую три часа назад смотрел как на непреодолимую преграду.

Когда ты на вершине, главное ощущение – близость полета и его явная невозможность для тебя...

Если физически горы – это трудность, то в духовном плане – невыносимость.

Уловить горный ландшафт нельзя - ни краской, ни фотоаппаратом – да и слова мало что уточняют в этом пейзаже.

Перевал все время ускользает от взгляда фотокамеры, и только человеческий глаз еще может изредка приблизиться к этой непередаваемой глубине горизонта.

Ручьи тут звенят, это похоже на колокольчики, непрерывно звучащие в твоей голове.

NOTA BENE

Навязчивость музыкальных лейтмотивов почти фатальна, сознание не может переключить пластинку, крутящуюся во время подъема.

Иногда мысль о вечном возвращении приходит и ужасает по-настоящему.

Изредка идущий к перевалу замечает свое движение как танец, ритмичное маятниковое качание ног и рук.

Полдень уже наступил, солнце вернуло свою силу, ветер стал незаметнее.

Что это было?? Движение по инерции, направленное на свет впереди - и ничего более.

На обратном пути с Шумака шума я уже не слышал, почти слившись со звуком и цветом долины.

Названия здесь поют: Тункинская долина, Хубуты, Эхэ-Гэр, Мраморные водопады, Пик трех капитанов, Аршан...

Водопад бился о камень с такой высоты, что вода казалась крылатой.

Это пугающее ощущение, что тропа никогда не закончится – посещало меня постоянно.

Смутное, но постоянное ощущение, что Шумак мешает думать, гул камней и зауженность горизонта не позволяют уходить дальше самых простых мыслей.

Как, как же ответить на этот явственный вызов гор? На великую поэзию Саян?

Причина, должна существовать причина продолжать идти, продолжать спускаться и подниматься - говорил я себе и не находил ее...

Единственное, что гонит тебя вперед – это вес за спиной и еле видимая тропа, вихляющая из стороны в сторону!!

Кажется, я смогу все это описать – сказал я себе – и у меня есть теперь право пропеть этот перевал!!

Ничего, совсем ничего – и все-таки что-то важное и подлинное.

Вот сейчас, только сейчас, таинственность увиденного и право писать сливаются во мне в нежнейшую мелодию высказывания.

2014г.

Андрей Сергеев

* * *

Мы краем шли к раю.
Корочки снега хрустели,
и под ногами корчились
трупы грешников.
Мы взяли свирели,
а с ними и молитвослов -
прародителя всех решебников
от чужих и своих грехов.

Сквозь высокие стволы ели
мы брели по мели -
сюда ведь хлынули воды,
а солнца свет озарял наш путь,
пробиваясь через листовы своды.
Мы - не Жаки Брели,
но тоже просили не оставлять нас любовь -
и не давать нам свернуть.
И с теми словами мерно
и с верой
подымались, и опускалась тихо грудь.

Свет конца света
тем летом
давал нам надежду попасть в рай.
Птицы распевали нам дорогу,
а жители деревень благословляли нас
и выносили отведать каравай.
Мы заходили к ним в гости
и за порогом
у них мы нюхали веселящий газ,
затем играли в кости
и как-то раз
мы чуть не проиграли свою безгрешность.
Но нас поняли
и отпустили в вечность,
дав в дорогу тарантас.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

А там наступала и весна.
По весне
мы трудились, как и все -
Бог дал день.
Тех, кто умер в труде -
благословляли -
на миру и смерть красна.
Дьявольской же блесне
не доверяли.
Но когда наступала лень,
сами же к ней приплывали
и не отличали смерть от сна.

Однажды свернули в город
и там, когда вода вслед за нами приплыла,
мы, летучие рыбы, нырнули в неё,
спасаясь от дна.
Нас, человек, ловили сетями
и даже серп и молот
пустили в оборот.
Так нашей жизни водоворот
крутила юла,
и мы крутились в ней сами.

К этим гущам жизни райской
плыли мы по Первомайской,
а это значит, что скоро Волга,
где вода и живая, и гнилая,
но мы, рыбы,
будем за пазухой у Бога.
Мы бы
поплавали бы
ещё бы,
но стих и жизнь диктуют иное:
в своде правил не прописано свободомыслие рыб.
Вообще, мысли - только воля к жизни
и, может быть, к власти.
Всё это такое родное,
нам привычное и не нам избавляться от этих глыб -

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

мы, рыбы, как люди, а, значит, крысы -
нам только пискни,
мы поддадимся страсти.

Но для того и есть вода
живая и гнилая,
чтобы, пробуждаясь в смерти, рождались.

Монолог I

В почве сыро.
В почву через час просочится человек.
Мы бьём челом:
тебе, вечному,
лучше, чем нам.
Мы отмечены печалью.
Часы по чуть-чуть нас отмечают.
Во что?

Ты лежишь.
Полные льстивой лаской,
лобызаем тебя.
Лестничные пролёты стелются под тебя.
Ленной лёгкости нет в тебе ни грамма.
Ты ещё ты, а не оно.
Ты грузен в одной позе.
Ты - не земля.
Твои ноздри
будто бы дышат воздухом.
И как лосось из воды
ты выпрыгиваешь в наших воспоминаниях.
По совести -
мы не с тобой.
Скор срок:
через час выезжаем.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

* * *

Волосы высились в ветер,
Глаз голодал горизонтом,
Нос норовил унюхать
Ухом усталый вздох.

Влажность вливалась в очи,
В очередь очной ставки
Светлого сумрака взора
С тёплой тенью тебя.

Вёсла весна вернула:
Плывите по пляжу песчаному -
Только так ты почувшь
Почек печальный рост!

Если его естественность
Радостью в рану просочится,
Поздно, но просто поймёшь и ты:
Tempus текло ли в тупик?

Пусть правда прорвётся простудой,
Пусть поруки пламенем плавятся -
Не могу не принять и принять... Постою:
Гул гордой грусти так горьк...

Теперь тлеет так тускло,
Сердце сталью сгибается,
Лучи лес (Вы)линял,
Небо (с)несло нам ноль.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

* * *

По полю прыгает пёс,
своры ища.
Вечер.
И снег кружит, бисер меча
у чёрных берёз.
Инстинкт: гончая
хочет бежать
восьмидесятый кросс.
Лес стволами возрос
и тычется
в перечень облаков.
О, зверь, будь ласков!
Наш кров
Иллюзорен и воздушен,
безмятежен и вечен,
светел голубо-бел:
без предела цвета мела
бел.
Кем ты ему?
Никем.

Перья пыльного плача
падают на плечи,
тают, как в печи
горят куличи.
Пёс, чей ты?
Пёс, что за сука тебя послала сюда?
Чей голос
командный по твоей воле ватной
режет, как масло, тебя?

Молчит.

К вечеру ночь несётся вскачь.
Чернота подползает,
и пёс мечется.
Пустота

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

обволакивает и макает
в молоко беспамьятья.
И, вот, щенок молча побрёл,
учуяв взбучку.
Меченый и наречённый мальчиком
будет им вечно.
И сучку
не облюбует мечом.

То, что хотело казаться волком,
поджало и потеряло хвост.
Неуклюжий и боязливый вол по полю
Хворост несёт.
И льются в каплях глаза слезой,
и жжётся в углу гной.
Голодным взором в горизонт
стремится зрачок злой.
Щенок мечется
по жизни встречной.

Поры испорчены,
и воздух не вольется
свежей водой в вольер:
воля быть волком
и видеть,
как веревка вьётся вокруг выи,
внутри, в сердце иголкой.
То не вервольф,
а щенячья вервь,
жрущих кишки плен.

Андрей Савкин

Где твой посох, путник?
Где твой плащ?
Птица пьет из золотого кубка,
Лис играет золотой короной,
Дикий виноград обвил колонны.
Мелкий, водянистый виноград.
Видишь, там, где кровля обвалилась -
В тронный зал заглядывает солнце.
Солнце освещает старый камень.
Здесь когда-то жил твой друг и брат.
Забери свой посох, плащ набрось
Через корни, камни, через снег
Навести другого друга детства,
Где вороны свили гнезда в окнах,
Где плющом покрыты гобелены,
Где лиса играет со щенками.

Как течет время? Течет.
Как смеется друг? Смеется.
Во мне ли, вне ли
Есть свет. Всегда где-то есть свет,
И воздух - вот он,
стоит пройти сквозь стену.
Как течет время? Точит коросту, наросты, смывая черты,
Размывая боль, унося по крупице память,
И смеется друг: ты-то не один, больной,
Каждый здесь - со своей язвой, и все мы, живые - рядом.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Руки без прикосновения к чему-либо - ветви, кошке, руке
усыхают, как листья,
делаются жесткими
и слепыми.

И только глаза открываются.
И только себя слышишь
с такой безбожной отчетливостью,
с такой беспросветной громкостью,
такой визг, крик, скрежет
что слышно каждую фальшивую ноту,
каждая нота фальшивит.

В этом камерном мире
Каждый вторник по вечерам
Идет дождь.
Каждое утро
Солнечный свет отсекает
Зеленой ладонью шторы.
Здесь безбурно и тихо
И смерть, пока - незаметная,
Ходит вдоль стен,
Так близко, близко,
Ближе, чем к нам,
Всего один шаг -
И сгоревшие, скорченные
Толпами падают вниз,
Хрустят под ногами.

Что-то похожее
Завтра выйдет за шторы
И будет повсюду,
Послеобеденный дождь
По субботам,
Дружелюбной ладонью
Укроет от слишком яркого света,
И звезды пожрет синева.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Строим мир пословесно,
Строим свой мир.
каждый имеющий голос
да скажет слово,
по кирпичику -
в общий котел.

Чем больше слов -
тем меньше истины,
тем меньше меня,
тем меньше тебя.

Из чего-то же должен строиться
Этот-наш-сетевой-и-бумажный
малый и милый, понятный, уютный
Мир?

Любовь Денисова

Твое крыло

Что за миг, я повторить хочу в который раз.
Я очень счастлива с тобой сейчас;
Согреюсь под твоим крылом,
Лишь твоим крылом.

Что за свет, из глубины твоих прекрасных глаз.
Я подниму бокал – я пью за нас.
Я выпью за твоё тепло,
Лишь твоё тепло.

Крылатый ангел

Что за жизнь?
В ней мало ласки, слишком много лжи;
Есть место сказке, но всё миражи.
А мне неважно, я парю в облаках.

Что за ночь?
Луна и звёзды – смогут ли помочь?
Но мне легко обиды превозмочь
- Крылатый ангел нёс меня на руках.

В переулках Млечного пути

Я досчитала медленно до десяти,
Ищу тебя по переулкам Млечного пути.
Возможно, мне удастся близко к звёздам подойти
- Они подскажут, как тебя найти.

С луной беседую, подружкой старою моей,
Она расскажет, где же ты, ведь ей, луне, видней...
Мечтаю я среди долгих, изнурительных ночей,
Мечтаю я, чтоб было веселей.

Вечность и пламя

Как разгорается небо тысячью разных огней,
Так разгорается пламя любви моей.
Как растворяется вечность в нежном сплетении чувств,
Так же я бесконечно к тебе лечу,
Тебя хочу...

Круглый стол

4-5 октября 2014 года в Тольятти прошел Второй фестиваль поэзии Поволжья. На нем прошло множество мероприятий: презентации журналов и отдельных изданий, лекция, читки, показ видеоарта, музыкальный концерт, межгородской слэм и т.д. Также на фестивале прошел круглый стол на тему «Региональная литература: Возрождение?». Участвовали критики и поэты Саратова, Самары, Кирова, Казани, Тольятти, Челябинска, Димитровграда, Москвы, Перми. Предлагаем читателям запись беседы.

Сергей Сумин (Тольятти), поэт, редактор
Эдуард Учаров (Казань), поэт, редактор
Айвенго (Тольятти), поэт, музыкант
Георгий Квантришвили (Самара), поэт, исследователь
Марина Волкова (Челябинск), культуртрегер, издатель
Андрей Сергеев (Саратов), поэт, журналист
Борис Кутенков (Москва), поэт, критик
Алексей Александров (Саратов), поэт, редактор
Андрей Пермьяков (Пермь, Москва, Петушки), поэт, критик
Александр Коровкин (Димитровград), поэт, музыкант

Сергей Сумин: Что ж, давайте попробуем обсудить вопрос, который заранее был вывешен на афише фестиваля: региональная литература – в каком она сейчас состоянии? Это возрождение? Упадок?

Айвенго: Если б у нас были до сих пор диалекты, можно было бы говорить об особенностях региональной поэзии. Но, в принципе, мы все уже люди-то русские не в смысле национальности, а по языку. Есть поэзия на русском языке. А где она написана – в Самаре, на Колыме, в Петербурге или в Москве – как раз не особенно важно. Конечно, есть особенности местные: кто-то про ларек родной пишет, а кто-то про АБВГДЕйку. Но с учетом Интернета, мне кажется, это все нивелировалось давно, хотя местечковые группы, конечно, существуют.

Сергей Сумин: То есть ты географически принципы вообще исключаешь?

Айвенго: Не исключаю, потому что есть так называемая Уральская школа поэзии или Питерский вопрос. Но, в основном, такого деления нет. Все же мы не через стенку живем.

Сергей Сумин: Понятно, что мир глобализации не предусматривает каких-то границ, но мы говорим не о местечковости, мы говорим не о желании отгородиться от всего мира и делать какую-то местную литературу. Мы говорим о возможной самобытности, самодостаточности, о том, что в регионах возможностей знакомить публику со своими стихами: меньше или больше? Вопрос спорный. Я помню, как в Москве меня поразило, что на каком-то литературном вечере из 20 присутствующих 15 были поэты. Ведь в провинции такого явления все-таки не наблюдается. Если мы делаем литературный вечер, к нам послушать стихи пяти поэтов проходит 20, 30, 40 человек! Не кажется ли вам, что в провинции интерес к поэзии сохранился в гораздо большей степени, чем в урбанизированных Москве и Петербурге?

Марина Волкова: Я сначала поделюсь некоторыми выводами. Начну с Виталия Кальпиди: по его убеждению, в закрытом пространстве развитие поэзии идет более ускоренными темпами и качество получается выше. Но это нормальный процесс развития – чтобы что-то вырастить, надо сначала закрыть. Тогда будет лучше. На недавней конференции один из докладов был Марка Липовецкого (российского профессора, сейчас он преподает и живет в Америке), он рассуждал о провинциальной поэзии не по географическому принципу, а по содержанию. Называя отличительные черты: большую человечность, размеренность, внимание к слову, неспешность, выключенность из машинности, присущей столичным городам. В содержательном аспекте. Не по географическому принципу и, естественно, не по прописке в паспорте. Ввел еще понятие «малая литература», и эта малая литература, не по количеству строк, а по приписке к какому-то месту, имеет возможность стать собственно школой, тенденцией, направлением, отличными от других каких-то школ, в других местах. Просто удобнее работать, качественнее работать. Это второе. И третье, наблюдение самой конференции – если раньше уральская поэтическая школа постоянно развивалась в растяжке Центр–Урал, то сейчас слово «Центр» пропало. Она стала настолько самодостаточной, не потому, что против Москвы, это не важно, а потому что настолько глубоко выросли корни и интенсивно идет внутренняя литературная и читательская жизнь, что здесь не важно, есть Москва, нет Москвы. Это не принципиально. Был один доклад, который касался поэзии, как контекста конкретного места, и это был один из самых спорных докладов, а все остальные доклады рассматривали именно как школу,

безотносительно к этой вот оппозиции. То есть, оппозиция перестала быть существенной. Причем, не в душе оторвалась от Москвы, а как вот Москва сама отвалилась.

Сергей Сумин: У меня было ощущение, что вы настолько дружно и самодостаточно живете, что даже презентация в Москве не более престижна, чем презентация внутри УПШ.

Марина Волкова: У большинства поэтов УПШ стало считаться дурным вкусом равняться на презентации где-то в Москве. Более того, имеет смысл говорить о степени живости жизни, ощущении живого процесса. То, что происходит в Москве, судя по сайтам, по журналам, по статьям – мертвечина. Ощущение формальной красоты, формы есть, а ощущений внутри – не хватает остроты, мысли, напряжения. Так в литературной жизни. Открываешь центральные журналы – кошмар. При этом на Урале картина другая.

Георгий Квантришвили: Я хочу совершить небольшой исторический экскурс. В городе, где мы сейчас находимся, во времена Татищева он был основан, но я хочу напомнить, что в 30-е, если не ошибаюсь, годы еще прошлого века город Ставрополь, предшественник нынешнего Тольятти, вообще потерял статус города. То есть, он стал селом снова. Просто-напросто так мало людей в этом населенном пункте было, что городом его стало называть как-то не очень прилично. И вплоть до строительства плотины и АвтоВАЗа существовало село! О какой литературе в селе можно говорить?

Айвенго: О сельской.

Георг Квантришвили: О сельской, да, ха-ха, о сельских пенатах.

Из зала: Например, Сергей Есенин.

Георгий Квантришвили: В Самаре во времена декабристов сколько было жителей? Порядка 12000. Это совсем недавно. Наши недалекие предки застали, по большому счету, деревню. Если посмотреть население наших городов, в которых мы живем, подавляющее большинство – горожане во втором, в третьем поколении. Поэтому, на самом деле, литература только-только начинается. Мы еще только учимся быть, по большому счету, грамотными людьми. У нас бабки-прабабки неграмотные еще были, они даже почитать не могли. Это по поводу региональной литературы. Она относительно недавно

появилась и не могла раньше появиться, ей неоткуда было появиться. Ну, кроме дворян, которые у себя в усадьбах сидели, читали Вольтера в подлиннике. Интересная сценка вспоминается. Приезжает в одну из национальных республик в советские времена комиссия из Москвы. И начинают представлять местных писателей москвичам. Значит, говорят, «а это наш Алексей Толстой, это – наш Владимир Маяковский», ну и другие такие сопоставления.

Айвенго: Марсель Пруст.

Георгий Квантришвили: Ну, Марселя Пруста, конечно, не могло быть в советские времена. А потом спрашивают того, кто представляет: «А вы-то сами кто?» «Я Максим Горький, однако». Это к понятию региональной литературы. Город-то вот в том виде, как мы его знаем, относительно недавно появился. Вот и литераторы в провинциальных городах недавно появились и сначала проходили вполне нормальный период ученичества. Они просто учились. И в провинциях были именно свои Максимы Горькие, потом появились относительно недавно свои Бродские, свои Алексеи Цветковы, свои Приговы. И на самом деле, для того, чтобы появилась региональная литература, то, что можно назвать полноценной литературой, должен быть пройден период ученичества. Когда на дрожжах этих провинциальных Бродских, провинциальных Приговых, провинциальных Верочек Полозковых, появляются люди, которых уже нельзя назвать «а это вот наш Максим Горький, а это наш Бродский». А появляются абсолютно самостоятельные литературные величины. Вот именно это и есть точка отсчета. Да. Когда появляются самостоятельные величины. Я исследую региональную литературу, литературу моего региона. Я хочу сказать, что литература, в первую очередь, это не поэты, это не прозаики, это не драматурги, нет. Литература стоит на трех китах: литературоведение, критика, библиография. Если есть литературоведение, если есть критика, если есть библиография – всё! От этого литература и идет. Если этого нет, то есть отдельные люди, которые пишут, есть какие-то группы, даже есть какие-то издательства, выходят какие-то книги и еще что-то такое – если нет этих трех китов – то нельзя говорить о литературе в полном смысле этого слова. И поэтому я призываю собравшихся, если у кого-то возникают, кто-то сможет выделить часть своего времени на занятие литературоведением, либо критикой, либо библиографией, это гораздо лучше, вы принесете гораздо больше пользы и своему региону и в целом культуре, если вы просто, например, возьмете какое-нибудь литературное издание, которое, допустим, выходило в 20-е годы. Журнал «Понизовье» выходил в Самаре. До сих пор нет библиографического описания этого журнала, хотя он считался одним из

лучших литературных журналов 20-х годов в России! Мы не знаем, кто там писал, мы даже список авторов не знаем, кто в нем принимал участие. Просто найдите и составьте библиографическое описание, выложите его в Интернет. Вы сделаете для региональной литературы гораздо больше, нежели вы написали бы несколько книг стихов.

Марина Волкова: (пожимая руку Квантришвили) Я вас буду цитировать.

Айвенго: Поняли, друзья – чем меньше пишешь, тем лучше дышишь (играет на флейте).

Сергей Сумин: Урал, я знаю, работает активно, и там литературоведение и составление библиографических вещей ведется достаточно неплохо. А вот Андрей Сергеев, как представитель Саратова. Можно ли говорить всерьез о саратовской литературе? Если в городе появляется серьезное литературное издание, таковым уже на протяжении больше 50 лет является журнал «Волга», не является ли это одновременно концентрацией сил данного региона? На «Волгу» можно опереться, как некое основание саратовской литературы?

Андрей Сергеев: Дело в том, что «Волга» - это журнал, который издается в Саратове, но там ведь печатаются не только саратовские авторы. То есть журнал выходит на федеральный уровень, а федеральный уровень, он всегда подминает региональный.

Сергей Сумин: Саратовцам не остается места на страницах «Волги»?

Андрей Сергеев: Остается. Дело в том, что общее всегда подминает частное.

Сергей Сумин: А не стоит ли тогда издавать отдельные издания, посвященные саратовской литературе?

Алексей Александров: Они есть, на самом деле. Есть «Саратов литературный». Есть даже «Литературный Саратов». В одно время два конкурирующих между собой издания.

Сергей Сумин: В чем минусы этих изданий?

Алексей Александров: В том, что они ориентированы исключительно на местных.

Сергей Сумин: «Ничего не вижу, печатаю своих, не знаю, что происходит в мире».

Алексей Александров: Если по правде, мы (журнал «Волга») не на федеральном уровне, мы, вполне себе на мировом. (Смех в зале) Последний номер: Цветков, переводы Алена Бешича, ну и так далее. Много перечислять можно, в каждом номере это есть.

Сергей Сумин: Если не журнал является основанием консолидации региональных сил, то что может быть этим основанием?

Алексей Александров: Гений места. То есть некий человек, вокруг которого существуют.

Сергей Сумин: Гений – как творческая единица, как движущая единица!?

Алексей Александров: Которая создает некое поле вокруг себя. Да. Плюс те самые институты, которые аккумулируют вокруг себя некий процесс. Музеи, библиотеки, ВУЗы, в которых ведется на первичном или на каком-то другом уровне литературный процесс. Если литературные объединения есть, клубы, просто люди, которые, допустим, устраивают читки в тяжелые времена. У себя на квартирах, не важно, они как-то связаны, входят в письменную некую среду, студенческую или общекультурную.

Сергей Сумин: Насколько я тебя понимаю, вот всякое самоограничение в региональном плане - это неизбежная деградация литературы.

Алексей Александров: Как и любая замкнутая система обречена на поражение.

Андрей Сергеев: У нас месяца два назад начала издаваться газета «Литературный Саратов». Ее издает ассоциация саратовских писателей. Формально они не против того, чтобы им присылали материалы. Но, тем не менее, получается, что это орган ассоциации саратовских писателей. И такая группировочность, так или иначе, сохраняется даже на совсем низовом уровне, когда какой-нибудь творческий вечер или, условно говоря, свободный микрофон, как все это обычно выглядит: приходит автор, и на него приходят люди. То есть, человек привел с собой группу товарищей, они его послушали... Но что самое отвратительное – то, что человека поставили предпоследним

выступать. То есть вам оставалось, грубо говоря, после этого сидеть еще 5 минут. Но все взяли и вышли. А толпа была огромная, клуб маленький – было очень заметно. Такое проявляется сильно и часто.

Алексей Александров: Есть еще некий фактор, помимо человека или группы лиц, помимо институций, которые ведут эту работу, есть еще третий фактор, как ни странно, это амбиции города. Есть целый ряд городов, которые себя считают второй или третьей столицей. Культурной, или не важно какой. И это порождает такую волну, что ли.

Сергей Сумин: То есть некая энергетика, подъем города, к примеру, сейчас Екатеринбург на подъеме экономическом...

Алексей Александров: Уральские города, Нижний Новгород, Самара, Саратов. Это тоже не дает умереть.

Сергей Сумин: Есть ли в Казани литературная амбиция настолько большая, чтобы заявить: можно не зависеть от московских авторов, не коррелировать с ними?

Эдуард Учаров: Нет, у нас в этом плане, если о журналах говорить, вполне бесконфликтная ситуация. У нас два центральных журнала: «Казанский альманах», который, в основном, ориентируется на местных авторов. Он имеет поддержку из федерального бюджета. Естественно, он ориентируется на местных авторов. У нас также существует другой литературный журнал «Аргонавт Татарстан». Он ориентируется как раз на и столичных авторов, то есть если в процентном отношении брать. Где-то у «Аргоната» 20 на 80 авторов (то есть 20 местных, 80 он пытается собрать по всей России), то «Казанский альманах», наоборот, идет 80 на 20. У нас в понятие «столица» вкладывается только Москва. На мой взгляд, столичная литература охватывает собой все областные центры. То есть Казань можно причислить как раз к столичной литературе. Конкретный пример. Собираются какие-то вечера литературные. Приходят пять человек. Пять поэтов слушают друг друга. Приезжаешь в Елабугу. Приезжает один человек, один поэт – собирается целый зал, сто человек. И слушают с раскрытыми ртами. У них благоговейное отношение к поэзии, слушают, не расходятся. То есть, Казань у нас практически столичный город получается. Но у отдаленной провинции из регионов все еще осталось священное отношение к поэзии.

Сергей Сумин: Наша задача в общем продлить это состояние, интерес к литературе и даже не то что продлить, а попытаться новую волну, новое дыхание в это вдохнуть, да?

Борис Кутенков: Я сразу предложил бы избавиться от деления на провинциальную литературу и столичную литературу. Мне кажется, провинциальность может присутствовать абсолютно везде. Это зависит от культурного уровня, от образованности конкретных людей. И в Екатеринбурге, и в Саратове, и в Москве присутствует провинциальность. Прежде всего, я это понимаю, как агрессивное нежелание выходить за предел своего мирка. Как ту самую замкнутость, о которой говорил Алексей. Любая система обречена на поражение, если она не хочет выходить куда-то вовне. Абсолютно с этим согласен. Я в свое время ходил на такую литературную студию профсоюза писателей России. Формально московское учреждение, но там абсолютно замкнутый мирок присутствовал. Абсолютное нежелание знать, что творится вокруг, хотя бы в той же самой Москве. Я понимаю это как дурную провинциальность, которая может присутствовать в любом городе. Гораздо корректнее использовать термин «региональная литература», который здесь уже активно используется. Вот «региональная литература» – термин абсолютно безоценочный. К примеру, когда «Волгу» или «Урал» назовешь провинциальным журналом, естественно, это звучит обидно, поскольку слово «провинциальность» несет какой-то семантически негативный оттенок. Понятно, что это региональные журналы очень высокого уровня. «Волга» не хуже, чем «Знамя» или «Новый мир». И мне кажется, что очень важно что-то противопоставлять вообще любой замкнутой жизни, как в своем регионе, так и в столице, поскольку и в Москве есть негативная тенденция, есть некоторая кастовость, есть официальные площадки, вернее, которые считаются таковыми, кураторы. И любой человек может свою просветительскую деятельность этому противопоставить, если ему что-то не нравится в существующих тенденциях, регион или столица, не важно. Но все это зависит исключительно от его харизмы, его энергетики и просто от культурного уровня.

Алексей Александров: А как вы относитесь к таким проектам, как УПШ или та же Нижегородская волна, которая сейчас развивается?

Борис Кутенков: Положительно отношусь, не зря Екатеринбург часто называют второй поэтической столицей. Во-первых, это огромная концентрация поэтов, во-вторых, это желание конкретных людей (Виталия Кальпиди, Марины Волковой, и т.д.) делать что-то в просветительском

отношении. Это уже не позволяет говорить о провинциальности. Формально – региональный проект, поскольку затевается в регионе, то есть слово «региональность» здесь употребляется абсолютно безоценочно. Но усилиями организаторов, широтой охвата они выходят уже на некий федеральный уровень, то есть в отношении общероссийской поэзии это явление абсолютно нерегиональное. Явление, которое имеет отношение к поэзии, как к таковой, не может быть региональной. Это либо поэзия, либо нет.

Алексей Александров: Но УПШ – изначально имеет некие границы, да, географические.

Борис Кутенков: Она имеет границы, да, из-за определения Урал. Урал – конкретный регион, но если мы говорим о конкретных участниках, поэтах, то абсолютно не важно, где они проживают.

Андрей Пермьяков: Я ничего не понял, что вы хотите сказать, честно говоря. (Смех в зале). Такое ощущение, что вы говорите о пересекающихся вещах, кто-то говорит о географическом поле литературы, а кто-то – о качестве литературы. О чем мы сейчас говорим вообще? Что вы вкладывает в понятие «провинциальная литература», «столичная литература»? Это хорошо, плохо? Как это по качеству? Кто-то горд своим маленьким болотцем, это очень приятно, хорошо. Это провинциалы такие вот нормальные, все из себя гордые провинциалы. Но «столичная литература», это тоже не знак качества. Она разная.

А «региональная» - это еще какой-то кентаврическое такое понятие. Она что из себя, скажите мне, вот эта региональная? Что это за кентавр такой?

Если перестать защищать регионализм, деление идет все-таки скорее по течениям, а не по терминам «провинция», «столица» и т.д. Интернет доступен всем, в конце концов. А деление по течениям очень благотворно. Хвала журналу «Волга», который не смотрит, какое течение. Хорошо – печатаем, вкусовщина вроде бы, человек решает один, но вкус у человека прекрасен, печатает и то и это, такая демонстративная антипровинциальность.

О чем хотелось бы поговорить, так это о том, чем отличается поэзия в Саратове, в Нижнем, Перми, и как эти люди должны между собой перемешиваться. Мы примерно знаем, как выглядит поэзия в Питере и в Москве, но, условно говоря, как выглядит поэзия в Тольятти, любители поэзии в Перми не знают ничего. И наоборот, соответственно.

Сергей Сумин: Проблема межрегиональных связей. Считается, что мы оглядываемся на Москву, а наши с вами соседи, я говорю про Самарскую область, Ульяновскую, Кировскую – мы не знаем, что происходит в Волгограде, в Саратове. Так, может быть, лучики протянуть не через Москву, обходным путем, а просто наладить некие прямые контакты?

Из зала: Несколько месяцев назад мы встречали Виталия Кальпиди, Марину Волкову здесь с большим удовольствием. Но вопрос, каким образом Кальпиди и Волковой удастся собрать большое количество людей на своих ведущих поэтов? Что мы делаем не так, почему у нас этого не происходит? Тебе, как организатору одного из местных фестивалей, я думаю, тоже любопытно было бы узнать – в чем стратегия? В чем особенность?

Сергей Сумин: Ну, хорошо. Андрей Пермяков сказал, что мы не знаем, чем, например, саратовская поэзия отличается от казанской. Я спрошу его как известного автостопщика, который проехал страну вдоль и поперек. Ты сам чувствуешь эту разницу, когда читаешь казанских поэтов и с ними общаешься много, саратовских, нижегородских, челябинских?

Андрей Пермяков: Вы говорите об успехах Кальпиди и Волковой. Но на последней презентации антологии Кальпиди в культурном городе Перми с насыщенными традициями и входящем в орбиту уральской поэзии было ровно 18 человек – вот такое явление.

Из зала: Это было отторжение?

Андрей Пермяков: Да, потому что на Кальпиди обида, Кальпиди уехал из Перми в Екатеринбург, Челябинск. А теперь Пермь не приняла. В Перми вместо культурной интенсивной деятельности, условно говоря, остались некие вершинки. Но не вершины российского уровня. Важно, как в регионе сделано. Тут присутствует Илья Дацкевич. Вот ниже-городскую нотку я могу ухом уловить при всем огромном разнообразии, при всем том, что там делает Рошин. Да, такая нотка, вот это Волга, Ока, ну, безусловно, упор на филологию. Допустим, приезжаешь в Вологду, где замечательные поэты Маша Маркова, Ната Сучкова, Антон Черный – они абсолютно разные, то есть они присутствуют в русской поэзии, которая огромна и обширна. Мы в наших регионах не знаем о соседних регионах. В этом беда. А как-то это все идет через Москву, как через фильтр, пусть даже прекрасный, замечательный фильтр. Возьми родниковую воду, пропусти через фильтр, получится

дистиллированная вода. Не тот вкус. То есть не хватает в России именно межрегионального общения, что абсурдно при нынешнем развитии технологии и возможностей общения.

Марина Волкова: Можно говорить о соответствии уровня развития поэзии уровню развития места. К примеру, у Яниса Грантса в камерном театре Челябинска проходит авторский вечер, аншлаги, мест не хватает. Янис Грантс приезжает в качестве детского поэта в поселок Новая Пристань в Саткинском районе, там его обожают. Мы приезжаем туда же с ним, как со взрослым поэтом, библиотекарь мне говорит, что народ в шоке, как это Марина Волкова, то есть они меня сразу перевели из разряда положительных героев в отрицательные, как она это издает? Я отвечаю: «Вот есть колыбельная песня. Когда ее ребенку поют, все умиляются, но если эту же колыбельную поют человеку, который умирает, это уже кошунство». Когда поэзия идет на взлет и в каком-то месте возникает, она должна соответствовать степени развития географического места. Челябинск в этом плане у нас дыра. Он в этом плане культурно пустое место, и Кальпиди там проще жить. У нас еще миф создается такой, что в Питере трудно быть поэтом, поскольку там уже такой культурный слой, что не прорваться, а тут что хочешь, то и делай, поскольку под тобой всего лишь каких-то триста лет жизни ссыльных, каторжных, бедных без всяких мифов. Куда ни помотришь – там ничего нет, сочиняй все по новой.

Сергей Сумин: Я хочу вернуться к тому вопросу – может актуальней и ближе мне, как редактору, как издателю. А что нам мешает осуществлять эти прямые межрегиональные связи. Есть потребность, есть люди, есть желание вообще? Есть желание устраивать совместные презентации, приглашать одних поэтов в другие города и обмениваться творческим опытом? Делать совместные издательские проекты? Это только личная связь, встретились два издателя, скажут, а давай что-нибудь вместе сделаем, или можно миновать чисто личные, дружеские отношения, поискать поддержку чиновников?

Из зала: Надо объединиться, чтобы взять у государства деньги на все это дело, чтобы в каждом регионе были такие мероприятия за их деньги, и люди не приезжали за свои.

Сергей Сумин: Поэты, которые приехали на фестиваль поэзии Поволжья, приехали за свои деньги. Это их личная инициатива, действительно. Ну, вот я как раз и спрашиваю - насколько чиновничество в нашей стране может помочь

вот этим связям и нужно ли нам привлекать этих людей? Волкова считает, не надо. Есть другое мнение?

Андрей Сергеев: В Саратове есть два поэтических фестиваля: «Центр весны» и «На Соколовой горе». Вот это правительственный фестиваль. В чем его особенности? 500 человек собираются. Я не знаю, где они набирают. Но всё упирается не столько в деньги, потому что деньги можно найти, сколько в компетентность чиновников. А чиновники этими делами не занимаются, а если занимаются, то начинается некая тусовка.

Недавно у нас был первый Поволжский фестиваль современного искусства. На мой взгляд, не однозначный фестиваль, что-то получилось лучше, что-то хуже, но номинация поэзия, меня лично она не особо удовлетворила, потому что там обратились к областной библиотеке – наберите нам авторов. А у областной библиотеки свой ареал. Например, я вообще не знал, что идет набор. Хотя как раз этим занимаюсь. Дело в том, что работа с чиновниками строится либо на связях, либо на таком культурном явлении, как, бывший саратовский губернатор, Дмитрий Федорович Аяцков, который сам по себе был культурным явлением. Он в свое время взял и просто захотел сделать музей Кузнецова. Без него бы его не сделали. Одного желания культуртрегеров мало.

Чиновников привлекать... Вопрос в том, чего мы хотим добиться. Если у нас задача популяризировать мероприятия, то да, но мы же должны понимать, что там, где нам дают деньги, там с нас и спрашивают. А спросить могут совсем не то.

Сергей Сумин: (Александр Коровкину) Кстати, Александр, ты же в Димитровграде пытался поднять, я помню, рок тему.

Александр Коровкин: Ну на хардкорном уровне официальности вообще никакой не подразумевается. Но город маленький, там все равно приходится связываться, потому что даже не то, что играть, нет клуба даже, приходится в детской библиотеке какой-нибудь играть. Ну, вообще, где попало, где можно, в подвале. Мне кажется, что чиновников не нужно привлекать, они, как правило, не разбираются, только напакостить и могут.

Дарья Муранова: Мне кажется, это в негативном свете глубококом представляется. У нас был региональный Поволжский фестиваль «SQUAT» трёхдневный, на котором была и поэзия, и рок, и картины художников Поволжья современного искусства. Мы привлекали чиновников для того, чтобы была спонсорская поддержка. Спонсорская поддержка была, фестиваль

прошел, естественно нам пришлось очень многое делать самим, вплоть до отмыывания помещений. Это нам дал наш замечательный город. Это была прачечная 60х годов, которая не работала все это время. Это все почистили за счет волонтеров, людей, которые активно хотели, чтобы этот фестиваль был. Если есть желание, чиновников можно привлечь, но естественно 50% работы придется делать, это не значит, что вы привлекли чиновников, к вам пришли люди.

Борис Кутенков: В той же Москве абсолютно вавилонское смешение языков. Да, там много разнонаправленных тусовок, которые не взаимодействуют между собой, поэтому я не понимаю выражения «ориентироваться на Москву». На что в Москве?

Андрей Пермьяков: Насколько вменяемы союзы писателей России в Перми? Их там два, они такие амбициозные. Приходишь к ним с идеей, говоришь «Есть помещение, надо от вас участие, кто?» Там, допустим, есть замечательный, на мой взгляд, Павел Четкин. Молодой парень, руководитель СПР. Вот помещение, вот союзничество, то есть, ну если ты не устраиваешь конфликта, договориться можно. Есть город Саратов, там договориться нельзя. Это особенности региона. Где-то нормальные люди чиновники, где-то...

Алексей Александров: Беда-то не в том, что в таком-то городе можно, в таком-то нельзя, беда в том, что системы нет.

Эдуард Учаров: Существует еще проблема, о которой не сказано здесь. На примере Казани. Казань – столица национальной республики. Приоритет, соответственно, кому отдаётся? Пишущим на татарском языке. Да, у нас есть три союза. Но естественно, самый сильный, тоже понятно, какой. Книгу на русском языке официально ты можешь издать лет через 5-10, если включишь переводы. Поработай на татарскую литературу – издавай свою книгу. Существует около 20 премий республиканских. И только одна для людей, пишущих на русском языке. Национальная республика поддерживает, это логично.

Георгий Квантришвили: Равно и обратная проблема. мы сейчас говорим о литературе на русском языке, ну, например, Самара – бывший Куйбышев. Куйбышев когда-то был столицей средне-Волжского края, в Куйбышеве издавались газеты и журналы на чувашском, на двух мордовских языках(мокша и эрзян), издавались и на татарском, кстати. В некотором смысле, это даже

такой центр татаро-мишарской культуры. Многие татары-мишари, они в Куйбышеве тогда публиковались. Ну, где все это? Исчезло. Меня кстати, резануло, когда сказали, о том, что на Урале никакой традиции, господи, Пермь великая и вообще связанные с этим культурные ассоциации. На самом деле это очень древняя, глубокая культура, но она иноязычная. Культура угро-финских народов.

Я вот здесь вот в Тольятти рассказывал об эпосе, как об эпосе заволжской степи, то есть это вот в Татарстане его гораздо лучше знают, чем у нас. Сказание об Эдигее. Эпос очень высокого качества, если можно вообще говорить о качестве эпоса. Да, это эпос, в котором описываются события, происходящие здесь вот, где мы сейчас находимся, в Заволжской степи, но он изначально не русскоязычен. И никакой традиции, скажем так, никакого сопоставления нас, живущих здесь, с этой культурой, которая многие столетия на самом деле насчитывает, практически не существует. Проблема региональной литературы в том, что здесь создаются традиции.

Марина Волкова: Наш литературный проект состоит из трех пластов, УПШ как результат, то есть поэты, тексты, книги. УПШ как литературный процесс. УПШ как возможность. Так вот про первую проблему, там очень простая задача стоит, создание Уральского поэтического кластера. То есть формирование сообщества людей, каким-то образом относящихся к поэзии. Проблема звучит так: «Поэты есть, читателей – нет». То есть «Поэт-читатель и не поэт». Задача у нас была проста, и я хочу, чтобы она стала у вас массовой. Первое: те, кто живут в этом месте, должны знать имена своих поэтов. Как минимум. Вторая задача – должны слышать ушами, третья – по обществу читателей должно книги покупать. Я считаю, что мы задачи эти решаем – на Урале. По Поволжью, я думаю, тоже.

Сергей Сумин: И что нам надо делать, чтобы, минуя ориентацию на Москву, попробовать осуществить прямые межкультурные связи литературные?

Алексей Александров: Налаживать связи, вести просветительскую работу.

Марина Волкова: Сесть на машину и приехать в Челябинск, в Екатеринбург, Саратов.

Борис Кутенков: Просто нужно делать. Если ты чувствуешь, что жизнь в твоём регионе бедна, что читатели недостаточно знакомы с поэзией, нужно приглашать людей, искать где-то деньги. В общем, обращаться к той самой

просветительской деятельности. И к преодолению препятствий многочисленных, которые на пути возникают.

Андрей Сергеев: Может, с помощью массовых средств, вот начиная от просто информирования в прессе, заканчивая тем, например, просто заходить в общественный транспорт, открывать сборник, читать, особенно лучше перед каким-нибудь фестивалем.

Сергей Сумин: Заходишь в автобус и читаешь стихи?

Марина Волкова: А Грантса теперь гоняют по радио каждый час –15 минут, на городских улицах, в парках читают наши поэты.

Янис Грантс: Там не только мои стихи гоняют, но и многих других поэтов.

Сергей Сумин: Ну что, мне кажется, беседа получилась. Поэтому остается только продолжить этот разговор уже в теплой обстановке, и нужно не просто беседовать, а действительно что-то делать.

Предисловие переводчиков

Кристиан Лундберг (1966 г.р.) на родине более известен как лирический поэт. Повесть «Ярден», вероятно, самое известное его прозаическое произведение. За эту книгу Лундберг был удостоен премии Ивара Лу-Йоханссона. Поэтическая, дневниковая проза поэта, который в силу сложных жизненных обстоятельств был вынужден стать рабочим, была воспринята критиками как продолжение т.н. «рабочей литературы». В этой книге Лундберг касается нескольких тем: 1) положение современных рабочих, 2) отношения с матерью, 3) родной город Мальмё.

Лундберг рассказывает о социальном явлении, которого нет в России. В Швеции существуют фирмы, своеобразные «кадровые агентства», предоставляющие рабочие руки организациям и предприятиям за небольшие деньги на почасовой основе. Фактически человек работает подёнщиком в порту, на стройке, или в супермаркете, но не имеет прав штатных работников этих предприятий. Юридически такие люди работают на кадровое агентство, потому как договор заключается именно с ним. Такая система приводит к злоупотреблениям со стороны работодателей, делает рабочих бесправными винтиками системы, потому как основной контингент этих агентств – нелегальные мигранты и люмпены, для которых очень важно иметь хоть какую-то работу, – не способен противостоять несправедливости.

Основное место действия повести – порт Мальмё. Когда-то там находилась верфь, огромный завод по производству и ремонту кораблей, основанный Ф. Х. Кокумом. В юности автор работал там. В 1990-е годы верфь закрыли, что стало испытанием для всего города. Вернувшись работать на Среднюю гавань порта, – которую местные называли Ярден, т. е. «хозяйственный двор», – Лундберг невольно возвращается в прошлое. Он вспоминает юношеские годы, жизнь в эмигрантском гетто с душевно больной матерью, попытки преодолеть собственную наследственность и социальные ограничения.

Кристиан Лундберг

Ярден. Повествование.

Пролог

Возможно, где-то есть простой и ясный пролог в мой рассказ; и если это так, то я не вижу его потому, что ещё нахожусь внутри рассказа. Вот как бывает, вдруг оказываешься в нелепой ситуации, постепенно привыкаешь к невозможному, безнадежному. Ты всего лишь человек, ты пытаешься выжить. Перебираешь буквы. Тебя охватывает тоска: неважно, по домашней жизни или бездомной. Ты раздавлен самим собой, своими решениями, неудачами. Ты в пути, идёшь никуда и тебе это известно.

Возможно, гордыня сгубила меня. Вероятно, мы получаем уроки и делаем выводы, но проблема, как всегда, заключается в том, что не те люди приходят к не тем выводам. В итоге: на дне колодца. Звёзды над нами. Свет летит к свету; люди владеют людьми. Не знаю, как выбраться из рассказа, хотя раньше знал. Я вижу только всевозможные входы, которые сам испробовал. Простые, незамысловатые пути. Ошибочные решения, принятые в страхе.

Нет больше того, что можно назвать домом; нет того, что нельзя назвать домом. Всё, что я рассказываю – правда. Сначала я делаю это сам для себя; бесконечно медленно.

Я испытываю свою речь.

Я хочу, чтобы вы представляли то, что я чувствую.

За каждым словом. За каждым предложением.

Мне подумалось также, что всё это я записываю ради своего сына, чтобы он прочёл. И рассказ смог бы объяснить ему появление тёмных туч над нашими головами. Теперь и в этом засомневался. Я рассказываю тому, кто хочет слушать; тому, кто идёт и нуждается в спутнике.

Из первой части

Это могло быть утро любого дня. Понедельника или воскресенья. Вторника или четверга. Дни похожи друг на друга. Сливаются в один. Ночи слишком коротки. Я устал; ничего удивительного. Тело болит. Исхудал за короткое время; знакомые говорят, что я постройнел, друзья спрашивают: давно болеешь? Ночами повторяются сны. То за мной гоняются, меня преследуют. То должен срочно вымыть машины и не успеваю, то во время парковки в блоке С

МИР – ЧУЖБИНА

они врезаются друг в друга; бамперы вдребезги. Абсурдные сны. И всё же не совсем. Они говорят о моей жизни. О какой-то её части. О той части, которая недоступна сознанию. На обратной стороне Луны. Там и парю в невесомости, где ничто не имеет значения. Так просто: сдуться и сдаться.

Последние восемь ночей я работаю на транспортёре, сортирую грузы за сдельную почасовую оплату. Сплю несколько часов по утрам. Смена начинается в полночь и заканчивается в восемь. Ящики с грузом весят до сорока кило и должны быть переложены на движущуюся ленту. За восемь часов я перекладываю с тележки на ленту шесть тысяч ящиков. Нас двое, по одному на каждую сторону ленты. Другие рабочие меняются местами: часок покидали ящики, потом перешли на автокары, сканировать штрих-коды или что другое. Но нас, поденщиков, это не касается. Мы не сходим с места. Час за часом. В теле постоянная рабочая усталость. Я сплю с полдевятого до двух. Я придавлен к миру невидимым грузом. И не могу освободиться. Хочется сбросить его, но он держит меня всё крепче и крепче.

На той стороне ленты сменился работник. На его месте побывало уже четыре человека. На работе неприятная атмосфера. Я знаю, что занял место другого; своим появлением здесь, своей готовностью на любую работу, я сместил штатника, который вдруг стал лишним. Товарищем по работе.

Я люблю свободные часы; время до рассвета, когда всё ещё не определено и возможно. Когда мир замер в режиме ожидания, а я бываю счастлив, свободен, как стихотворная строчка, незафиксированная и несвязанная другими. Но теперь всё не так. Утро означает одиночество. В своей жизни я просыпался в разных местах; в парках, лодках, больничных палатах, камерах. Просыпался также и дома и клялся никогда в него не возвращаться. Иногда так и делал – бросал всё и переселялся в другое место. Иногда задерживался.

Дóма.

Даже когда просыпаюсь дома и лежу несколько минут в постели, чтобы перевести дух, чувствую себя чужаком: этот мир никогда не будет моим, я не буду ему принадлежать. Мне нужно всё больше времени, чтобы вернуться в реальность, в которой, как мне кажется, я существую. Вот стол. Постель. Лекарства. Мои дневниковые записи. С каждым днем всё больше и больше теряю память. Саморазрушаюсь. С каждым глотком воздуха.

В первый раз я не спал целые сутки когда мне было лет четырнадцать-пятнадцать. Не мог уснуть. Мне казалось, что как только закрою глаза, я задохнусь. Но воля к жизни меня не покинула. Если задуматься, может я и

МИР – ЧУЖБИНА

пишу для того, чтобы выжить: если я не буду осмыслять и не различать происходящее в окружающем мире, то я задушу себя – своими руками.

Было время, когда хотел сдаться, но как видите, я продолжаю.

Теперь я шлю свой рассказ, как луч света, пронзающий густую ночь вокруг нас.

Мне страшно, но страх мой не такой, как при панической атаке, нет, – он неприятный и вкрадчивый, будто ходишь по зыбучему песку и знаешь, что в любой момент тебя в него может засосать, и сгинешь там навсегда. Этот страх подобен кусочку льда, скользящему вдоль позвоночника вверх и вниз. Ну да, я одинок. Безуспешно пытаюсь плыть в одиночку против течения. Меня бросает туда-сюда, как шарик в игровом автомате.

Ранее утро. Всё меняется. Иногда кажется, что во мне есть остатки, тени того человека каким я был, когда принимал решения и шел на дело, они создают эхо в прошлом, в том существе, каким был шестнадцать лет тому, в том человеке, кем я был, как мне кажется, полгода назад. Я всегда готов стать другим. Я не хочу признавать того, кем я сейчас являюсь.

Горчит во рту. Долго болею. Во мне всё ещё остается часть того человека, которого я не хочу знать; часть человеческой тени, которая есть болезнь и сумасшествие. Касаюсь всего; вещи, которым я хочу дать имя, меняют облик и исчезают. Слишком много дней в своей жизни я жил без надежды, без того, что называют помощью ближнего. Но, как известно, всё меняется.

Рассказа об этой истории не избежать. В ней столько же входов, сколько и выходов. Любой рассказ отбрасывает в сторону другие, которые не нашли места на бумаге; но если прислушаться, можно услышать их гудение между строк. Я говорю о тёмном, почти что чёрном, но даже в нем можно заметить оттенки других цветов: охры, золота или серебра. Всё зависит от точки зрения.

Случается, что мне хочется просверлить дыры в своей упрямой башке, чтобы вылетели все беспокойные птицы, которые меня населяют. Будьте свободны; как слова и стихи. Я попытаюсь рассказать.

Стояла башня и она разрушалась. Это было в таком месте земли, которое сокращалось и становилось всё меньше и меньше, пока не наступил гравитационный коллапс, и оно не превратилось в каменное чёрное сердце величиной со сжатый кулак.

Всё это непросто. Простые рассказы не стоят того, чтобы быть записанными.

Пока я писал, разразилась гроза; небо застонало, и за пару секунд мир стал другим, он отяжелел от электрических вихрей, разрывающих небо. Мы –

МИР – ЧУЖБИНА

крошечные наэлектризованные существа, живём под невыносимой тяжестью. Каждый из нас накопитель памяти и надежд. Если я не посмотрю назад, не остановлюсь и не позволю миру пройти сквозь меня, то превращусь в вещь, камень, дерево, пустое место. Даже это гроза, которую я впустил в свой рассказ, существует во мне.

Каждое утро, проснувшись, я сажусь за кухонный стол и записываю пару строк в свой блокнот. Рука просится в свободное плавание. Я возвращаю её назад. Мир проявляется. Становится отчётливее. Я становлюсь его частью. Какое-то время мне кажется, чтобы мог бы записывать каждое утро по одной строке, и к концу года получил бы поэму. Кристально чистую и острую, как крупинка соли.

Цикл стихов заключил бы в себя суть работы; смог бы приютить чувства, которые сохранились бы внутри, как в капсуле.

Но этого не случилось.

А что же произошло?

Не знаю.

Если бы это не звучало излишне самонадеянно, можно было бы сказать, что вмешалась действительность и всё изменила. Все те, о ком пишу – живы и здоровы. Я не один; возможно, побудительная причина начатого рассказа заключается в этом: ты не одинок. Мы друг с другом. Невидимая тень сопровождает меня, когда я пишу; тень, которая ждет меня – даже на ярком солнечном свете. Наконец-то всё стало так просто.

Все те люди, которые жили со мной, теперь далеки, как и те, которые живут рядом, которые уже этим утром, увидев меня, спросят «Тебе плохо, Кристиан?». Сочувствуют. Быть меньшим и стать частью намного большего.

Нет, я не знаю точной даты заболевания моей мамы, когда реальность, словно кулиса, отодвинулась в сторону, и мир предстал ей совершенно новым, также не помню отца, лишь только болезненные фрагменты, травмирующие меня. Его лицо, рука, его обещание, которое не стоило ломаного гроша, итак, я становлюсь эхом их решений и поступков, свободным, но не освобожденным.

Ярден. Стоянка. Бескрайняя парковка, поделённая разметкой на квадраты. Невзрачное здание администрации. Всё упорядочено и огорожено правилами и рутиной. Дорожные указатели. Проезды между секторами. Линии остановок. Бесконечно маленький мир, заключенный в большой. Иногда еле-еле их различаю, как например в то раннее утро, когда позвонили из конторы и

обвинили меня в том, что я разбил машины, и не доложил об этом. Несколько недель прошло, пока меня не пустили на работу обратно; хотя на записи камеры наблюдения было видно, что это сделал не я. Этот маленький мир поколебал жизнь в большом; три недели без денег. Это очень долго. Мне пришлось продать последние части моей библиотеки. Пытался занимать по мелочевке, чтобы набрать необходимую сумму. Когда я вернулся, обнаружил, что мой шкафчик взломали и положили туда вещи другого. Моя роба исчезла. «До тех пор, пока кто-то не признается и не возьмет на себя ответственность за ущерб, мы расформируем вашу ночную смену и наберем другую» – сказали они. Все наши заволновались. Я даже начал сомневаться: «а что, если это я разбил случайно и не заметил этого, или ударил и забыл об этом, а теперь других увольняют из-за моей халатности».

Мнительность всегда сопровождала, и будет сопровождать меня по жизни – а вдруг это я виноват, а вдруг на самом деле всё не так, как кажется, и я просто не понимаю этого.

Через некоторое время подошел Тедди и сознался: «Это был я» – и с тех пор мы его не видели.

Ярден. Стоянка. Не в первый раз я работаю в подобном месте. Здесь даже имени у меня нет. Только номер, по которому мне выдают робу. Я расписался в том, что в случае порчи рабодержды я обязуюсь возместить ущерб.

Вечером я займу место на краю причала, прямо около забора Н-сектора. Каждый забор имеет название, чаще всего по сектору, примыкающему к нему. Этим вечером на работе мы будем как можно дольше тянуть резину. Мы забиваем судно машинами, которые дальше поплывут по Балтике. Мы ведем их из сектора до ворот забора. Работа для идиотов. Мы ставим их парами на краю причала, там сдаем их в КМП – «Копенгаген-Мальме Порт» – который, загоняет их на грузовое судно. Нам нужно это время; время – деньги. Мы движемся медленно, как при убыстренной съёмке. Однообразие создает особенную внутреннюю свободу. Тело действует; мысли – свободны. Они бегут вдоль забора, к линии горизонта и теряются в серой мгле, окружающей нас.

Однажды утром, когда мне было 12 лет, мы проснулись от шума – мама металась по квартире и кричала, что нас прослушивают, нужно переехать, что нас выследили. И тут я понял, что мы в течение недели оставим нашу квартиру. Мы опять переезжаем в другое место. Возможно, что у нас нет денег на оплату квартиры. Я не знал к кому обратиться за помощью. Стояла летняя жара. Тогда меня нельзя было называть человеком; только кусочком льда. Существо из воды и льда. Пытаюсь заснуть: напрасно. Сплошные мысли. Пытаюсь сочинить

историю спасения: может быть, мы переедем поближе к отцу. В первый день в той новой школе писали сочинение о проведенных летних каникулах. Мне нечего рассказать. Я не бывал на улице. Я сидел в квартире 3 месяца. Белый как снег, худой и низкорослый как березка на болоте. И в своем сочинении написал: «всё лето я был с папой на море, ходил под парусом между островами в Греции». И пририсовал кораблик с разноцветными парусами. На самом деле всё было по-другому: короткие прогулки до библиотеки в Русенте и обратно. После каникул я был мертвецки бледен.

Почти год я кормился почасовой работой. Поденщик. Это тот, кто появляется и исчезает – имя которого можно не запоминать – как эфемерный призрак, запасной винтик, пружинка, которая всегда наготове. Фабрики. Склады. Парковки. Развалины, загаженные и поруганные. Мне знакомы эти огороженные территории. За минимальную плату я выполнял любую работу. За час мне платили около сотни крон. Если включать и отпускные, то 130 крон. Я думал, что работа должна озолотить меня, и потому не стремился вернуться на прежние работы, я стремился восстановить свое социальное положение. Я не прятался за слова, не прятался за мысль, что это всё случайно. Что я здесь нахожусь для того, чтобы описать происходящее. Нет, я здесь потому, что я – есть я; и это скопление и последствия ряда решений, которые я не мог предвидеть.

Я делаю это потому, что способен только на это; работать физически.

Что создает человека?

Часто мысль спотыкается: что создает человека? Я не знаю ответа. Иногда думаю, что способность выбирать доброе создает человека. А в иной раз, я сам не верю, что существует некое добро. Что от нас, от т.н. «человеков», требуется? И всё чаще я думаю, что от нас требуется создать условия, чтобы люди избрали это доброе, если бы захотели. У голодающего нет этих условий. У боящегося потерять свою работу также нет этих условий. Это превращает нас в нелюдей. Вот этим пользуется система. Применяет нас.

Мы похожи друг на друга, как все люди; везде и всюду попытки творения добра и зла происходят под давлением и готовы взорваться – на фабриках, складах, парковках. Мы так живем. Под прессом насилия, в этом процессе разрушения, которое всё быстрее отдаляет нас от всего человеческого. Достоинство. Щедрость. Солидарность. Мы – люди. Мы работаем. Иногда мельком вспоминаешь строчки из библии, дистиллированный смысл которых утрачен за столетия страданий.

Заботиться ли мне о братьях своих?

Или – или. Да или нет. Альтернативы нет. Никогда. Нитогда. Ни сейчас, ни позже, или когда он делает по-моему – Заботиться ли мне о нем или нет?

Вот вопрос. В то лето в Русенгорде я стал другим. Я обнаружил дорогу. Библиотекарь смотрела в мою карточку, и с удивлением разрешила брать книги без позволения взрослых. Я читал всё подряд. Книги для молодежи, документальные очерки, иногда классику художественной литературы – иногда всё это одним махом. А читал я вот так: все книги одновременно. В доме, где жили тогда, только три квартиры сдавались в аренду. Двум эмигрантским семьям. И нам. Перед нашим домом кучка подростков смотрела в бинокль. Зачем? За всем и ничем, полагаю я. Мама сказала: «Они следят за нами».

Понятно, что существует научное определение бедности.

Иногда оно уместно, иногда нет. Бедность, прежде всего, отнимает у тебя свободу.

Либо вылечить зуб, либо купить туфли. Либо школьная экскурсия, либо зимняя куртка. Либо пообедать, либо сводить сына в кино.

Мы нищи. Каждый день мы должны решать, что выбрать. К примеру, я отказался от автобуса и хожу пешком. Но экономия небольшая; но имеет смысл.

Бедные. Их количество растет, понятие бедность определяется теми, кто имеет на это право. Мы и здесь бесправны. Пишу другу:

«Всё намного хуже, чем кажется; о бедных умалчивают. Их можно встретить мимоходом, поздно ночью, или рано утром. Бедные всегда в движении, с одной работы на другую. Иногда они промелькнут в статье, газетной передовице, блоге – такие же живые, как бабочки в раме под стеклом, как биологический вид, который можно изучать в полной уверенности, что никогда не будешь к нему принадлежать. Но оказалось не так. И я вернулся домой; вернулся туда, откуда начал».

Он ответил, немного подшучивая надо мной; своими остротами, возможно, хотел развеселить и меня и себя. Я думаю, что он ничего не понял – вообще ничего. Я дома. И в доме, из которого я ушел, его никогда не было. Возможно, никогда и не будет.

Вот так. Я вернулся. Я никогда не был таким свободным, каким мечталось когда-то. Но, тем не менее, я достиг большего, чем думал. Это не история карьерного роста. Это не любовный роман.

Это то, что случилось, когда я однажды сел и подумал: теперь нужно рассказать.

Дмитрий Воробьёв родился в 1979 г., живет в Чебоксарах. Кандидат философских наук. Стихи публиковались в журнале «ЛИК» (№4, 2006), в альманахах поэтических фестивалей «Скандинавия — Волга» (2005) и «Скандинавия — Поволжье» (2006), сборниках «Топос» (2004) и «Trictrac» (2005); эссе о Геннадии Айги — в шведском журнале «ARIEL». Опубликовал малотиражные книги стихов «Автопоэзис» (2004), «8 стихотворений» (2005), «Желтые стихи» (2007).

Иосиф Трер (настоящая фамилия Дмитриев) родился в 1947 г. в Чувашии. Окончил актерский факультет Ленинградского института театра, музыки и кинематографии, затем режиссёрский факультет ГИТИСа (у Юрия Завадского). Работал в театрах Чувашии, возглавлял драматический театр в Кокшетау (Казахстан). С 2000 г. занимается переводами поэзии и драматургии с шведского и норвежского языков; перевел поэму Харри Мартинсона «Аниара» (29 песен, совместно с Г.Айги), поэму Кристиана Лундберга «Всё и это счастье из Ничто» и др.

ПОСТСКРИПТУМ

Илья Дацкевич

Три философских эссе

Проблема мести или тень Гамлета

|

Герой Шекспира называет мир тюрьмой. При этом, что характерно, весь мир – вне пространственных либо временных ограничений. Жизнь по Гамлету есть томление, смерть – его исход. Но не в силу каких-либо мистериальных толкований, нет. *Гамлет стремится не к смерти, а к принятию жизни.* Он говорит нам «to be or not to be», но такой вопрос невозможен в Ренессансе, при его однозначном «Да». И в той же мере, он не соотносим с рационалистической всеопределённостью Просвещения. Этот вопрос мог быть задан из эпохи барокко и не мог не быть из неё заданным.

Им подразумевается, что в жизни много случайного, всегда есть место непредрешиённому, а то, что известно и неизменно – пугает. И то и другое современно и в чём-то созвучно гамлетовской мысли, но, тем не менее, он ни то, ни другое не приемлет. Ему нужно действие. Не наррация и директива, не вечная истина. Гамлет хочет осознать (сам), понять (для себя) мир, в котором он случайно (как и многие другие) появился. – Он хочет жить по-настоящему. Но эпоха окружает его бесконечным множеством теней, бэкониянских идолов. Идеалы иного времени не для него, прошлое прошло – Гамлет это осознаёт и не хочет им более жить, но в настоящем ему не за что зацепиться.

* * *

Так что же отличает данного персонажа? Что значит собой Гамлет? Мораль (и) долг с одной стороны и свободу воли с другой. Они довольно плохо уживаются, поскольку мораль обязывает действовать, когда это нужно условному, нереальному Другому («всем нам», «людям добрым») и не может позволить подлинное действие – решение или поступок «от лица» <подлинного> Я. *Моральный долг* даже само Я делает сомнительным постольку, поскольку долженствование в долге осуществляется не от Я-воли или *воления-к* Другому, но «свыше», от императива либо в императивной форме, обращенной к условному в-себе морального знания. Проблема

ПОСТСКРИПТУМ

заклучена в том, что у последней нет никакого «в-себе». Мораль есть запрет, сила отрицания. Тотальное и неизменное «Нет» морали вводит в состояние *ангста* проявление *внутренней свободы* (свободной воли), и ведёт за собой или собой означает последовательные самоотрицания воли – «я – плохой», «я не смогу» и т.д. Воля, отражённая от него означает своё, *как бы*, отсутствие. Мораль рациональна, и в ней долг (перед кем-то) перестаёт быть потребностью, даже лишается естественности *желания* (коим он является по отношению к *себе самому*).

Что касается нравственности, то герой Шекспира переживает её подобно глубоко личному опыту. Он не может, в силу этой причины, отделить её от свободной воли, что лишает его права на мораль и права на аморальный поступок. Гамлет должен действовать, выйдя из смятения, где он пребывает из-за того, что уже освободил свою волю немного больше необходимого. Он эмоционален, склонен к аффектам, испытывает сильное эстетическое отвращение к смерти. Не потому, как может показаться, что боится её приближения; он понимает, что предполагаемая неизбежность смерти ведёт к *неизбежности случайной жизни*, а предоставленная таковой свобода означает, что и любить и ненавидеть, и желать и, порой, добиваться чего-то возможно только неизбежно.

Но третья проблема Гамлета – что делает его экзистенциальным героем – это всегда неокончательное принятие неизбежности, Гамлет ощущает за ней фатальность и ненамеренно стремится к той полноте воли, которая бы освободила его от предопределённости, что не чувствуется в воле, но ощутимо остаётся в поступке.

* * *

По предположению Вольтера, трагедию «Гамлет» мог написать только непросвещённый дикарь, однако дух классицизма находил в ней свои ценности: например, конфликт чувства и долга.

С одной стороны, вместо служения государственному долгу, общественному благу или семейному счастью, герой-протагонист убивает монарха (про которого достоверно неизвестно, что он тиран) и патетично гибнет (жертвуя собой ради своей же воли). Гамлет совершает то, что хотел и потому он герой, - остальные на это не решились.

Но он не настолько индивидуалист, чтобы суметь избежать <в этом> долга, данный герой – человек, слишком высоко ценящий морально-рациональные

ПОСТСКРИПТУМ

установки, что обрекает его на месть. Можно сказать немного иначе: Гамлет *не смог не совершить* того, что чуждо его самым личным переживаниям (которыми он делился только с черепом некогда близкого человека). Ему противна смерть, но он убивает – есть в этом и что-то фатальное, указывающее на его скорую гибель.

Внутренний конфликт (метания главного героя) показаны через три ключевые сцены: встреча с призраком отца, сцена на кладбище (включающая в себя разговор с могильщиком и рассматривание черепа Йорика), а затем развязка – убийство Клавдия и, почти одновременная, смерть Гертруды и самого Гамлета. Начало конфликта положено в словах отца-призрака, *понуждающих* героя к мести. Иного значения эта сцена не имеет, хотя с ней символически связана другая сюжетная линия трагедии – любовь Гамлета к Офелии. Пока он думает о ней и любит её, мрачная сюжетная линия отмщения уходит на второй план и наоборот. Герой данной трагедий может *или* любить *или* ненавидеть, обе стороны конфликта чувства и долга переживаются только им самим, переживаются преимущественно на личном уровне. Теоретически, он может доказать двору, что Клавдий завладел тронem через убийство, фактически у него есть соратники – Розенкранц и Гильдернстерн, поэтому нельзя достоверно утверждать, что поединок с Клавдием это единственное решение конфликта. Но, как уже сказано, антагонистичность Клавдия не показана объективно, конфликт с ним это *проблема самого* Гамлета, что не может уважать этого человека и не хочет убивать (так развивается конфликт чувства и чувства), но должен отомстить (только это остаётся конфликтом чувства и долга).

Поэтому сцена на кладбище ключевая во многих смыслах. Именно в ней наиболее полно раскрываются эстетические взгляды героя, его презрение к смерти. Но главное здесь не своеобразная символика, а прямо выраженная мысль: глядя на череп, Гамлет вспоминает, какими свойствами обладал тот, кому принадлежат останки, при этом, он выражает любовь к первому и явное отвращение к последним. Получается, что по его словам, смерть есть смерть красоты. И здесь примечательно то, что герой Шекспира не характеризует так старость. Красота в понимании Гамлета это, прежде всего, красота человеческого образа, а также соответствующих ему *и* приятных другим свойств (ум, доброта, нежность – то, что вспоминает, глядя на череп Йорика). Это вторит гуманизму ренессанса. С данной эпохой Гамлета связывает и некоторая тяга к титанизму (что проявляется в постоянно патетически-возвышенной характеристике отца). Но не конкретная, а взятая абстрактно смерть неприятна потому, что она отнимает волю. Пока человек жив, он может быть свободен, проявляя свою волю, но смерть *ничтожит* волю, делая его безвольным.

ПОСТСКРИПТУМ

Если исходить из сказанного, то в развязке происходит два действия: а) выбор Гамлета (его поступок в соответствии с сообразной его происхождению и, отчасти, современной ему моралью: месть за отца, кара за убийство), б) одновременная (т.е. символически взаимосвязанная) смерть наиболее неприятного ему Клавдия, наиболее близкого ему человека (матери) и его самого. Собственно, почему Гамлет умирает? Идя на убийство, он совершает не то, чего не должен был совершать, но, напротив, то, что должен, но не хотел – он преступает свою волю. Так он становится мстителем. Одна из распространенных точек зрения заключена в том, что неясная по сюжету, но трагическая смерть любимой Офелии, рождает в нём подозрение о заговоре, другая – в том, что после подобной утраты, Гамлет становится фаталистом – ему, как бы, уже нечего терять. Тем не менее, герой трагедии не совершает самоубийства, решая, что его смерть не будет напрасной, если перед ней он успеет как-то наполнить смыслом жизнь. И здесь удобно подворачивается мораль возмездия. Можно перепрочесть эту сюжетную коллизию, понимая образ Офелии подобно некой невинной душе, гибель (или, возможно, убийство) которой убеждает Гамлета в том, что насильственная смерть, хотя и ужасна конкретно для него, в целом, приемлема для этого мира – она в нём просто есть. Факт этого принимается, как должное, отчего Гамлет всё-таки идёт на убийство, во имя мести.

II

Мечь неизменно возвращает к чему-то уже случившемуся, к чему-то что было, но не прошло и отмечено фатальной без-исходностью. Можно вывести 6 свойств мести:

1. Мечь подобна запоздавшей воле. Совершающий мечь не признаётся себе (хотя, в тоже время, подтверждает поступком), что в определённый момент *был должен* что-то предпринять, как-то повлиять на ход событий, и что этого он не сделал. Поскольку движущей и принуждающей инстанцией выступает данное «*был должен*», то, соответственно,
2. мечь равна несвободе воли в настоящем. Должное бытие не есть свободное бытие-с-Другим и, поэтому, не является подлинным бытием. Я-воли исключено, подменено условным «ты», что остаётся включенным в ассерторическое долженствование.
3. Мораль как возможная иллюзия. Оценивая совершаемый или уже совершённый поступок, понятия о «Добре / Зле» ставят *выше*, как бы *над* реальным человеком. Понятие всеобщей моральности восходит к

ПОСТСКРИПТУМ

представлению об «Архэ» (Арχη), но последнее, понимаемое подобно Истине, делает неистинной индивидуальность. Она же (неистинная индивидуальность) делает неистинной свободу воли, подводя (точнее, сужая) свободу до осознанности. Свободная воля есть, в этом случае, лишь воля осознанная, что несколько противоречит тому, что *осознание это действие*, а не только результат, поскольку любое действие подобно воли есть, так сказать, постоянная сингуляризация. И, от обратного: подведённая (субсумированная) воля не является своей собственной, (свободной) волей, а мыслиться и осуществляется как часть той единичной воли, от которой задаётся субсумция.

4. «Индивидуальность <не> есть истина». Из предыдущего пункта выводимо представление о мести как отрицании подобной позиции. Все равны перед равняющей волей мстителя, что подразумевает «все тождественны условному единичному субъекту»: если некто А совершит некий поступок, то это будет также плохо, как если бы его совершил В или С, что опять же отрицает свободу воли. Поступок А и поступок В различаются подобно а-поступку и б-поступку, будучи равны как проявления свободной воли. Если же свободной воли нет, а есть только необходимость, то в соответствии с этим поступки неравны изначально, устанавливая между их совершившими неравенство, подобное качественному различию: А – истинно, В – неверно. Но в таковой бинарной логике, одно неизменно признаётся за счёт отрицания второго, т.е. не только исключено третье, но и редуцировано /абсорбировано второе. Поэтому бинаризм постоянно тяготеет к монизму (и, как бы, возвращает к нему), оставляя свободу воли (всю множественность её проявления) исключённой, при установке единственно-верного решения. Подобным образом судит и предполагаемый преступник (убийца, вор etc), что нарушает несправедливый в соответствии с его волей (т.е., попросту не включающий в себя его волю) закон, проявляя ту, «праведность», что наиболее ему сообразна. Свободная воля не субсумирована, не подведена под закон, поэтому изначально незаконна. Законная «воля», напротив, есть обязанность, долг. Возникает вопрос: чью волю выражает закон? Можно предположить, что он выражает «нашу» («общую») волю, но тогда следующий риторический вопрос затрагивает природу этого «мы». В нём *каждый* не является самим собой, т.к. его воля не соотнесена с *каждым (д)ругим*, но подведена под закон – рациональную, гармонизированную модель, Порядок (т.е. ту *сверхволю*, коей в равной степени выступает и сосредоточенное и

ПОСТСКРИПТУМ

централизованное «Он» (Господин, Dominus), и рассредоточенное «мы», «все» или «все мы»).

5. Мстящий делает то, за что мстит. Это и априорное, и апостериорное положение. Совершающий месть, по определению, делает то, чего не признаёт (например, убивает некогда убившего). И, в той же мере, им совершаемый поступок (убийство) есть результат непризнания потенциальной возможности такого поступка.
6. Мстящий не свободен от долга. Что есть вывод из предыдущих пунктов.

Правда, здесь осталась нерассмотренной природа власти, что была, к слову, одной из центральных, сюжетообразующих линий на протяжении всей трагедии Шекспира. Имеется ли жажда власти в поступках Гамлета как наследника престола, является ли Клавдий теневой стороной, двойником-антиподом главного героя? Психологическая трактовка конфликта Гамлет против Клавдий сильно упрощает его значение: можно сказать, что всё происходящее дано лишь с одной перспективы – так, как видит сам Гамлет. Его суждения слишком резки и категоричны. Личности его врагов, как, впрочем, и друзей, не раскрыты. Но таковыми бывают суждения того, кто совершает месть, а личности доброго отца (что не имеет даже имени, фигурируя подобно просто Отцу – объекту почитания, некому моральному идеалу) или злого отчима (чьё имя указывает на первопричину того, почему он антагонист¹) не выступают полноценными личностями. Они – антиномические фигуры власти как таковой. В этом чистом своём облики она противоположна свободной воле, т.к. подразумевает относительность свободы (согласно принципу «свободен тот, кто властвует над (д)ругим»). Но свобода внеположена власти.

III

Если [предположим, некто «мы»] делаем свободу относительной, то каким образом многое остальное понимать в отношении к ней? Можно обратиться к массовой культуре и предположить, что в этом состоит ошибка Крамера (антагониста из четырёх сиквелов фильма «Пила») и его адептов: они судят людей за свободные поступки, лишая их того, чего им самим недостаёт – свободы и жизни. Взаимосвязь жизни и свободы означена неспособностью этих героев жить – Джон Крамер медленно и неизбежно умирает от рака, а его приспешникам недостаёт любви и понимания (д)ругих – иначе судящих, отличных от них. Один из приспешников ведом мстью, второй – презрением к людям. Иными словами, они, подобно судьям и палачам par excellence,

ПОСТСКРИПТУМ

завидуют своим, так называемым «жертвам», становясь, прежде, их жертвами. Пунктуальный и высокоморальный Джон Крамер не принял случайности, по воле которой погиб его ребёнок, но, ища «виновного», не смог признать им себя. Второй раз он проявил волонтаризм, захотев жить после неудачного самоубийства. Но, несмотря на подобное, его воля не принимает иные формы проявления себя самой – она обращена в форму морально-этических категорий. Он принуждает к выбору «жизни / смерти» внутри созданной им ситуации, в которую *против воли* помещает им осуждённых. Но предзаданный выбор не является *выбором*, поскольку в момент каждого выбора – как проявления воли – и устанавливается ценность выбираемого. Неверного выбора нет, если каждый волен выбирать. Напротив, когда [предположим, я] решаю что верно, а что нет за Другого, то этим [я] лишаю его выбора. К тому же, не стоит забывать, что если жизнь сама является выбором, то она всегда остается таковым (т.е. любая жизнь в любом случае).

Однако сознательно выбирая смерть [некто] совершает столь логически верное *действие*, как и при выборе жизни. Но тогда почему жизнь и смерть контрадикторно противопоставлены в «философии» Крамера или его адептов? Дело в том, что воля иррациональна в своём возникновении, поэтому может быть равна жизни и являться ей. Но если подвести свою волю под волю Другого, то воля не синкразийная воле Другого, будет безволием. Сходным образом, Крамер и определяет многие поступки – самоубийство, воровство, обман. Но не является ли подобный фатализм философским самоубийством? В таком подходе нивелируется подлинное Я-воли, поскольку любая возможная воля, по в ней заложенному определению, свободна. Т.е. к ней неприменима субсумция.

При этом, Крамер и адепты заставляют решать своих «испытываемых» различные головоломки, ко всему (подобно им) подходить рационально, что неверно как для осознания своей *воли к жизни*, так и, тем более, для принятия воли (д)ругого. Помочь другому не значит понять, что должен ему помочь – понятие долга привносит фатальность и неизбежность. Помочь (д)ругому можно только желая помочь, поскольку воля не бывает едино-единственной (т.е. субсумирующей / субсумированной), она есть в *волении-к* (Д)ругому.

* * *

Волением-к (Д)ругому может быть любовь. Невозможно *любить*, но не любить (Д)ругого, поскольку никто не любит только себя, когда обретает *себя самого*. Раз любовь одна, она не заключена в сингулярность, а положена вне условных

ПОСТСКРИПТУМ

«я» и «себя» – любовь *между* мной и (Д)ругим, когда в-ней существует Я *воления-к*. Но, по этой причине, любовь не едино-единственна, всегда свободна и не относительна: [некто] *любит* Другого, но а) не потому, что тот любит условное «его», б) не затем, чтобы он любил его, - каждый свободен любить *и* [конъюнкция] *свободен для* любви.

Любовь есть свобода. Поэтому, если считать движущей жизненной силой волю (Mächt), то свобода есть и сама жизнь, и она есть всегда, когда наличествует воля к жизни. Но жизнь это нечто противоположное единичности Ничто – смерти (которая суть безволие). Поэтому верно обратное утверждение: жизнь это свобода. Или, если следовать Сартру, жизнь есть то, на что «обречён» каждый. Подобную «обречённость» стоит понимать в том лишь смысле, что каждый выбирающий смерть, делает выбор в пользу Другого – не *себя самого*. Дело в том, что *сам он* равен своей свободе: «человек – это свобода». ²

* * *

Любовь к жизни как воля-к-жизни (Mächt) есть в каждом. Каждый рождён свободным, следовательно, несвобода идентична смерти – физической (суицид, смертная казнь) или экзистенциальной (без-волие). То и другое являет не-бытие потому, что бытие-в-мире это бытие-с-Другим, а иной выбор есть, поэтому, выбор Ничто. Выбирая Ничто, воля направлена к-себе, но подобно отрицанию себя; выбор Ничто противоположен бытию Другого, он есть смерть или власть (Gewalt). В без-волии (a-patia) Я-воли выпадает из бытия-с-Другим, отрицая «себя», но во власти оно, отрицая «Другого», также выпадает из бытия. Только в-бытии (т.е. в бытии-в-мире) возможно подлинное Я.

1. Шекспир дал генеалогическому родственнику Гамлета (фактически, он его дядя) имя древнеримского императора, что оставил приемником тирана-государственника Нерона, сменив на троне тирана-эстета Калигулу. Однако имя примечательно ещё тем, что на латыни оно означает человека физически изуродованного либо переводится глаголом (claudio) со значением «окружать», «преграждать», «запирать», «замыкать». (Этимологически это латинское слово восходит к праиндоевропейскому *klauf- «крюк»).

2. Из статьи Сартра «Экзистенциализм это гуманизм».

ПОСТСКРИПТУМ

Не-бытие

Власть, неразличность и погружение в сущее – как формы не-бытия. Под бытием здесь осмысливается *бытие-в-мире*, т.е. то, что не может быть неосознанным (полностью погружённым в сущее) или исходящим от ничто (властью). Как возможно существование вне *его*? Это можно пояснить на примере популярных в массовой культуре трёх мистических образов: вампира, оборотня и зомби.

Каждый из них по-своему пугает. Но страх перед вампиром, по мере возрастания его способностей, становится всё более похож на страх, вызываемый призраком и оба они подобны ужасу пред бездной, падением в пустоту или волнением, которое испытывает сознание при потере органов чувств. Это боязнь Ничто, которая, своим обратным, имеет страх утери конкретности. Без конкретного невозможно укорениться в здесь-бытии, ощутить реальность окружающего (мира).

Но таковы классические (преимущественно литературные) или фольклорные вампиры. В современном представлении вампир конкретизируется, обретает предельно ограничивающую его возможности физиологию.

Хотя и раньше, и сейчас можно выделить несколько характерных, повторяющихся черт.

а) Образ вампира константно связан с темнотой и холодом – небытием (Ничто).

б) Но, не смотря на это, его облик являет аристократа, представителя политической элиты – т.е. псевдоэлитарность, поскольку с) вампир всегда в какой-то степени эгоист и гедонист, но d) будучи *эгоистом*, обречён на паразитическое существование за счёт Другого,

воли которого он не может признать, по причине убеждённости в своём преимуществе.

е) Вампиры не асоциальны (подобно оборотням), но стремятся к подчинению тех, кто не подобен им – отличное воспринимается ими как худшее. Их действия представляют собой эксплуатацию, поскольку *лишенные свободы*, (они) *стремятся к власти* (определение вампир», «кровопийца», «упырь», означает того, кто зависим от своей жертвы).

Итак,

- а. образ вампира указывает на смерть и небытие (обращённый в вампира, прежде умирает как человек и после существует за счёт смерти-обращения других);

ПОСТСКРИПТУМ

- b. облик намечает некое превосходство над жизнью (*vita aeterna*),
- c. действия говорят об обратном: вампир всегда отнимает / одалживает жизнь у тех, кто ещё не умер.

Из этого может следовать, что существование вампира есть бесконечно отложенная смерть. Но что если попробовать рассматривать его подобно постоянно опровергаемой жизни? Вампир «бессмертен» только будучи отрицанием жизни; обращённый в вампира переносит свою смерть на кого-то третьего и от него, она идёт далее по миру живых. Поэтому мир вампира это вечная ночь, а власть, которой он постоянно наделён, это действие отрицания. У вампира нет *воли к жизни*, поэтому он не совершает подлинного дара.

Вампиру обычно противостоит зомби или оборотень. Последний являет собой подлинный асоциальный элемент. Дело в том, что оборотню не нужно быть мёртвой тенью прошлого. В отличие от вампира у него нет прошлого и он в нём, собственно говоря, не нуждается. Оборотень живёт в настоящем (не в фамильном склепе и не в древнем, родовом замке). Вампир – мертвец, прошлое, живущее за счёт настоящего. В этом весь секрет вампирского бессмертия – он уже умершее существо, несущее смерть живым, но, забирая жизнь, поддерживающее своё пограничное существование. Выбрать путь вампира - это выбрать смерть, побеждающую жизнь, что, благодаря каждой конкретной победе, остаётся где-то рядом с жизнью (или *над* ней). Поэтому эстетика вампиризма это, во многом, декадентная эстетика.

Оборотень - существо полностью свободное. И дважды живое: он живёт как человек (рациональное начало) и хранит в себе зверя (нечто иррациональное). В мире людей он может быть изгоем, страдать. Но страдания оборотня, при возвращении в антропоморфное обличие или чувствующего приближение повторной мутации не похожи на страдания вампира. Если «вампирская жажда» есть лишь томление бесконечно-мёртвого или полуживого – необходимость заимствования живительной силы (например, в ветхозаветном прочтении кровь это, своего рода, «плоть души»), то страдания оборотня это страдания разрываемого изнутри рационального «я» (соподчинённого причинно-следственной связи, стратегическим решениям, системности и последовательности поступков) тем волюнтаризмом, что не перенаправлен, а вытеснен из него. (Будто картезианское *cogito* пытается сдержать в себе превосходящее ницшеанское *Mächt*). Становясь зверем, оборотень покидает *sotium* либо становится его главным врагом. Появление данного субъекта, есть реализация изначально исключённой возможности – в социуме никто не может

ПОСТСКРИПТУМ

быть подлинно свободен, иначе социума нет. Он распадается на индивидуумов (*individuum*), вопреки тому, что идеальный социум образует универсум (*universum*). Но освобождая «зверя внутри», оборотень единит себя с хтонической, дорациональной (т.е. намного более *живой*) сущностью. Оборотень эмоционально импульсивен, он воплощает страсть.

Вампир только повторяет страсть, с целью обмануть и завладеть жертвой. Но по отношению к ней, он не совсем охотник, поскольку охотник обладает свободой выбора, в которую включена и возможность не преследовать жертву, и способность не воспринимать Другого как потенциальную жертву. Вампир, напротив, безволен.

К характеристике вампира можно добавить, что представление о его бессмертии содержит в себе парадокс: строго говоря, то, что не кончается, не может длиться. Следовательно, идею *vita aeterna* можно рассматривать подобно апории, скрывающей за собой более простую истину – вампир безжизненное, а не бессмертное существо. Он физиологически редуцирован – холодная кожа, непереносимость солнечного света, отсюда, быть может, элементарное отсутствие загара, сальных выделений etc. Выступая лишь наполовину телесным субъектом, он, поэтому и не является объектом желания, и сам проявляет достаточно эгоцентричную «страсть». В противоположность ему, оборотень это неконтролируемое *amor vitae*, поскольку та природная сила, что проявляется в нём, находит (по возвращению в антропоморфное состояние или же прямо в «зверином» облики) ещё и своё осознание.

Если вампир безлик в силу того, что утерял свою личность, отказавшись от конечности своего существования, в которой был укоренён внутри бытия, (иными словами, стал существом ирреальным), а оборотень возвращается в доличностное состояние, то зомби безлик потому, что никогда не выступает в качестве лица (персоны), оставаясь только множественным субъектом. Единичность идиодисинкрязийна образу «зомби», по причине отсутствия у него внесоциальных качеств: действующий в одиночку, он представляет часть от целого, а различия между одним зомби и другим не разнят, а распределяют их внутри массы, которую они в целом образуют. Оборотни и вампиры сбиваются в стаи или образуют коллективы (вампиры при этом стремятся к иерархии). И те и другие формируют временную конгломерацию. Зомби представляют единую, цельную и неделимую массу. Поэтому тот страх, что заключён в самом нашествии зомби это распространяемая за пределы своего физиологического существования боязнь быть полностью уничтоженным

ПОСТСКРИПТУМ

(съеденным зомби) и нежелание стать зомби, потеряв всё, что делает конкретно твою / мою жизнь значимой.

Страх перед зомби держится не только (и не столько) на отвращении перед трупом, сколько на неприятной автоматичности его движений, отсутствию мимики, оригинальной жестикуляции. Зомби каждый раз возвращают к страху-отвращению перед неким *механическим человеком*, нежеланию воспринимать себя самого подобно безвольному биологическому устройству. Поскольку личность есть нечто цельное, она неповторима в Другом, оставаясь *перед ним в себе* заключённой. Следовательно, предполагаемая случайность и хаотичность бытия, а также его (скрытая в нём самом) конечность, намного менее фатальна, чем осознание полной идентичности себя самого своей социальной роли и тождественности Другому, в которой Я = не-Я и, поэтому, перестаёт быть. Такое существование представляет собой не-бытие и не ценно подобно жизни.

Жизнь именно потому представляет ценность, что она случайна и потому осмысленна, что, по определению, конечна – т.е. осмысляет её предоставленная перед концом возможность. Но перед пустотой бесконечного существования, разум лишён опоры в бытии, а подчинённый необходимости (постоянно пить кровь, постоянно есть плоть) он лишь констатирует безволие как форму своего существования. Но зомби, к счастью, лишён сознания.

In summa:

1. вампирская эстетика – власть и грация, вычурность в сочетании с мрачностью и цинизмом – во многом, порой, созвучна эстетике фашизма. (Это прослеживается в фильмах трилогии «Блейд» и в видеоиграх «BloodRayne»).
2. оборотень – асоциальный тип, маргинал, «чужак». Он есть исключённый Другой.
3. зомби – редукция представления о нас самих. Это псевдо-мы, вобравшее в себя большую часть социальных фобий (опасность эпидемии, страх толпы, но, наиболее важное, - страх без(раз)личия).

Зомби есть механически действующее существо; не знающее страха и страсти, умершее, но не знающее, что оно мертво. Зомби чужд и сущему (др. греч. Φύσις), и ничто, а от бытия он сохраняет его внешнюю форму (он, в некотором смысле, социален).

Оборотень это существо иррационально действующее. Оборотень бежит от ничто, почти полностью или, иногда, полностью, погружаясь в сущее; он –

ПОСТСКРИПТУМ

зверь (в том числе, порой, в положительном значении этого слова). Но, по той же причине, не существует в-бытии, не полагает свою волю по отношению к Другому.

Вампир это нечто властно действующее; «существо» по ту сторону ничто. Такое не-бытие вампира, является чем-то вроде апории: вампир есть существо, несущее в себе *вечную смерть*.

Что такое дом?

I

6 огорождений от внешнего мира создают место, где мы обретаем себя, где каждый из нас чувствует себя, как бы, в безопасности. Это пространство, внутри пространства мира, есть пространство дома. Что такое дом? Что значит быть дома? Быть в спокойствии. “В тепле”, “в уюте”. Т.е. быть в гармонии. Но в гармонии с чем? С миром? Но он остаётся вне нас. Быть дома - значит почти тоже самое, что и “быть собой”. Быть дома - значит *не быть* в одном пространстве со всеми, *не быть* частью всех.

Значит “дом” для нас это приумноженная эготичность? Не всё так просто. “Дом” = самобытность и \approx самость (?)

II

“Дом” – универсальное понятие. Но означает оно что-то условно общее. У каждой культуры есть своё оригинальное понятие, которое добавляется к общей идее дома.

Если в Европе, в целом, у каждого человека своё домашнее пространство, то у нас любят тесниться. В наших домах спальни для гостей нет. Возможно, и не будет. Если в консервативной английской культуре обретение дома это спасение от ужаса внешнего мира, то в американской культуре это скорее обретение / понимание внешнего мира, через обретение внутреннего любимого, почти сакрального элемента этого мира.

III

Дом это социальное явление. Он не защита от мира других людей, как часто кажется хозяину своего дома. Нет, дом – будь то квартира, изба, что-либо

ПОСТСКРИПТУМ

другое – это завершение уже существующего пространства. Это встраивание себя в него...

IV

Дом это пространство, ограниченное с 6 сторон. Есть пол. Он не земля, даже если это пол в землянке. Есть крыша / потолок – защита от стихий (и безмерного величия неба). И есть стены. Именно они и создают пространство дома. Но что такое стены? Скорее всего, препятствия. То, что ограничивает, разграничивает, дробит реальность на фрагментарные миры. На стенах не пишут. А когда пишут, они уже не стены. Ничем не ограниченные надпись или рисунок стирают границу, которой может быть стена. (Поэтому стены тюремных камер, казарм, и стены городских огорождений всегда были исписаны). Те же стены, которые мы хотим видеть, которые мы признаём, всегда не тронуты. На них, разве что, вешают картины. “Картины стирают стены. Но стены убивают картины”¹.

V

Однако каждый из нас любит свой дом, несмотря на некоторую в нём несвободу. Покинуть дом, быть далеко от дома - значит быть чужим всему окружающему.

Пространство дома это пространство, которое всегда может отделить от других пространств. Без разметки пространства нет движения. “Мы живём где-то: в какой-то стране, в каком-то городе этой страны, в каком-то квартале этого города, на какой-то улице этого квартала, в каком-то доме на этой улице, в какой-то квартире этого дома”². Все подобные разграничения задают направления наших перемещений. Возможно ли движение в абсолютном, т.е. “голом”, целостном пространстве? Для человека, скорее всего, нет. (Иногда “нам трудно менять даже расположение мебели. А переезжать – это уже целая эпопея”³. Порой “нужны крайне серьёзные события, чтобы мы сдвинулись с места: войны, голод, эпидемии”⁴).

К чужому месту “мы привыкаем с трудом. Те, кто переехал несколькими днями раньше, смотрят на нас свысока. Мы сидим в нашем углу; мы с ностальгией вспоминаем о нашей деревушке, о нашей речушке, о большом <каком-нибудь> поле, которое открывалось, когда мы съезжали с главной дороги”⁵, если мы не горожане. Но город это и есть реальность современного человека. Деревня – миф. Уже давно никакого онирического мира не существует. Мы спим в

ПОСТСКРИПТУМ

городах, как спали наши родители, мы не “уплываем” в своих снах к полям, лугам и домам на берегах рек. Наши реки – улицы...

И

Мир дома противоположен миру нежилого помещения. Например, “<аскетической> архитектуре церкви (оголённости плит, суровости колонн)”⁶ или открытому пространству магазина etc. Мир дома это свой отдельный мир. То, что мы теряем, когда рождаемся (когда нас *забрасывает* в наш общий мир)...

Мир дома противоположен миру природы. Природа женственна. В ней нет никакого центризма. Она всеобъемлюща и бескрайна. *Иррациональна*. Но стремясь к природе, человек <едва ли не> стремится к смерти, а, возвращаясь домой, обретает жизнь.

Дом – это пространство жизни, пространство централизованное. Хотя необязательно мужское...

1 Перек Ж. “Просто пространства”.

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же.

5 Там же.

6 Там же.

Число Аполлона – 6 – символ рационального и насильно упорядоченного: это число гармонии и симметрии.

«Волга»: Литературный журнал. № 5 – 6 (450), – Саратов: Типогр. ИП Сергеев, 2014. – 172 с.

Журнал, выходящий, кстати, без малого полстолетия, произвёл на меня приятное впечатление. Не претендуя на истину, скажу, что лично для меня этот номер, прежде всего, сделала проза. «Повесть о двух головах» Михаила Бару – тонкая, ироничная вещь, с гоголевским, а, может быть, даже ильфо-петровским оттенком. Путешествие по провинции – словно взгляд со стороны на туриста, проникновение в самые дальние уголки (не только краеведческого музея), занимательная история, искромётность – всё это делает прочтение повести не только делом приятным, но и полезным.

Рассказ Сергея Дигола «Не забудьте выключить» – с драматическим сюжетом из жизни молдавского сельчанина Пантелеймона и оглушающим финалом. «И всего-то дел – надо просто успеть оставить о себе память» – горькая ирония слышится в авторском замечании, ведь для героя совсем неважно, какая память останется о нём – хорошая или плохая.

Ещё одна добротная проза: Михаил Куценогий «Прописка». Рассказ возвращает в советские времена с лимитчиками, их жизнью в общежитии, на съёмных квартирах, бытом, проблемами рабочих и инженеров, приехавших на судоремонтный завод ленинградского порта.

Своеобразная прозаическая вещь «Кич» Вячеслава Лопатина, опубликованная с пометкой «В своём формате», действительно, на любителя. Меня напрягло обилие бессвязных диалогов, щедро приправленных «речевыми особенностями персонажей».

Поэтические подборки, на мой взгляд, отличаются недостаточно представительством «классической» поэзии в хорошем понимании этого слова. Андеграунд, новомодность, жонглирование словами (Герман Лукомников, Света Литвак, Григорий Стариковский) – да, конечно, веяние времени, объективная реальность, но это опять-таки на любителя. Обратил внимание на себя внутренней цельностью поэтический цикл «Арзамас» Евгения Стрелкова: «Разливы Тёши тешат кругозор / картографа – в зеркалье вод зазор / меж берегами стал масштабом выше / иных озёр – и за спиной собор / как стопы подобрал пока сухие крыши».

Виктор Иванів с совершенно уму непостижимым «Челленджером II»: «Ребёночек любовник карт и марок / Вселенная ровнее будды брюшка / беременной как лампа твоей мамы / а вспомнится лишь лунная краюшка». Бренд бреда?

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Отмечу литературную критику, представленную в номере приятно поразившей обстоятельностью, скрупулёзностью Андрея Пермякова; не отпугивающей лёгкостью слога с проникновением в суть и глубинными размышлениями Александра Котюсова; равнодушными впечатлениями Сергея Трунёва, развёрнутой аннотацией Олега Рогова и анонсом–пояснением Николая Скворцова. Но вернёмся к стихам номера. Радостно встретить за игрой слов живую, умную мысль, осязаемое дыхание поэзии:

Эпоха с человеческим лицом. / Жизнь удалась, а после удалилась, / На посошок и рюмку с холодцом. / Поскрипывая бритвою, Далила / В цирюльне над клиентом гоношит. / Напротив цирка – голубь у фонтана, / Через дорогу точатся ножи / И ножницы, тупые и давно.
(Алексей Александров)

«Казанский альманах» № 12: Литературно-художественное и культурно-просветительское издание. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. – 216 с.

12 номер альманаха практически целиком посвящён теме перевода. Известные переводчики страны отвечали на вопросы анкеты, предложенной редколлегией «Переводчик – это толмач или соавтор?» Интересны замечания о литературном переводе «Ткань отражения» Лоренса Блинова и «Длина Языка» Тимура Алдошина, рассказ Бориса Вайнера о переводе стихов для детей.

«Перевод как священная обязанность» – так называются размышления Алёны Каримовой. Открывают номер переводы рубаи Туфана Миннулина, выполненные автором статьи совместно с Эдуардом Учаровым. Здесь же, в 12-м номере, ещё две наших общих с Эдуардом работы: это подборка «Татарские поэты в переводе Ивана Данилова» и воссозданная биография Ивана Данилова, ярчайшего казанского поэта-шестидесятника. Кроме того, у Эдуарда опубликованы эссе из серии «Нас пишут – и мы пишем», посвящённые творчеству казанских поэтесс Н. Ахуновой, А. Каримовой, Е.Шевченко, и подготовленная им стихотворная подборка участников I фестиваля поэзии Поволжья, проходившего в Тольятти в 2013 году и представленная именами Сергея Сумина (Тольятти), Константина Латыфича (Самара), Дмитрия Воробьёва (Чебоксары), Инги Гаак (Димитровград), Алексея Александрова и Сергея Трунёва (Саратов), Ольги Левиной (Уфа), Эдуарда Учарова (Казань), Василия Чердакова (Сызрань), тольяттинки Елены Кочевой. А у Галины Булатовой, автора этих строк, опубликована подборка стихотворений «В себе

КНИГА ЗА КНИГОЙ

свой храм ношу». Отдел поэзии в номере репрезентован также такими авторами как Харрас Аюпов, Наис Гамбар, Галина Кириллович, Андрей Битов.

Вася Татарский – полувымышленный персонаж редакции – в привычном амплуа критика «дошёл до переводчиков» (так называется статья под его именем), где заодно сказал несколько слов в защиту своего псевдонима, который многие упорно пытаются рассекретить. Но Васёк не сдаётся. Его соратники по перу – мифические Илья Пустоватый и Сергей Квасов – работают в жанре фельетона. Так, в прошлом номере была поднята острая проблема литературы и псевдолитературы, писателей и имитаторов, которая получила отклик в нынешнем номере. Здесь опубликовано коллективное письмо разгневанных авторов, требующих «выдать» общественности Сергея Квасова, а также комментариев по данному поводу «Казанского альманаха».

Рассказ Ахата Мушинского «С пьедестала на мостовую» о судьбе памятника Гавриилу Державину в Казани основан на реальных фактах. Рисунки (графика) к своему рассказу (и ко многим другим материалам журнала) выполнил сам автор.

Открылась миру Альбина Нурисламова – талантливый прозаик, долгое время печатавшаяся под псевдонимом Алла Глебова. Журнал вполне можно считать семейным, ведь здесь материалы для любого возраста. Так, детская страничка, помимо татарских сказок в переложении Алёны Каримовой, знакомит юных читателей с фантастической сказкой Ольги Журавлёвой. Полезен материал Лии Корниловой из серии «В дневник зануды» о языковом консерватизме и примерах неправильного употребления слов.

Обложку и форзацы 216-страничного журнала в этом номере украшают иллюстрации знаменитого казанского художника Константина Васильева: «Жница», «Осень», «Достоевский» и др. О художнике, с которым они дружили со студенчества, и музее рассказал директор и основатель музея Васильева в Казани Геннадий Васильевич Пронин. Таковы некоторые темы из 12-го номера «Казанского альманаха».

*И зачем же кричать, что не жизнь, а напасть, / Что на весь белый свет ты
оскаливал пасть. / Только что наша жизнь в самом деле такое: / Выползаем из
щели, чтоб в яму упасть
(Туфан Миннуллин. Рубаи. Пер. с тат. Г. Булатовой и Э. Учарова)*

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Ишмухаметов Наиль. «В поисках Неба»: Стихи. – Татар. кн. изд-во, 2014. – 143 с.

Живёт себе человек и живёт. Ремонтирует электропроводку, вкручивает лампочки и вдруг – бац! Нет, не током ударило, а что-то другое снизошло, свыше. И вот уже 10 лет как не отпускает. И ходит человек, вроде бы делает обычные дела – а внутри не дают покоя контакты, плюс и минус, которые нужно соединить тем самым важным словом, той жгущей фразой, чтобы зажглась лампочка поэзии. И лампочка эта вовсе не на потолке, ибо Наиль Ишмухаметов уже давно перерос тот давний потолок. Лампочка его – в небе.

В поэзии Ишмухаметова удивительным образом переплетается русское и татарское, славянская и азиатская Русь. Поэт признаётся, что в пожизненном плену у глаз Казани, и в то же время русскими песнями вскормлены его строки: «Степь да степь кругом, люди путь торят».

Книга, вместившая в лермонтовски-мистических цифрах 141 стихотворение, богата не только аллюзиями на Лермонтова. Тут и Пушкин, и Мандельштам с Буниным, и Некрасов с Блоком, и Чехов с Тютчевым. Поэзия для поэта не праздное действо, а нечто сакральное, куда не дозволяется вгрызаться «клинками улыбок» ослабленных лиц, и, может быть, одна только Болдинская осень со своей осиновой осью имеет право спросить с поэта... А от боли никуда не деться. Она всюду. И может быть, именно она та движущая сила, которая заставляет жить. Через боль – к вере, к высокому, не дающему покоя – и вновь поиски своей вершины, своего неба, своего Господа. «Господи, если ты – Истина, / Выслушай и рассуди – / Путь мой булыгами выстелен, / Вырванными из груди...». Время одарило не только «единственным из всех имён», но и своими неумолимыми жерновами. Не уберечься от их хищного оскала. Что мелькнёт в памяти напоследок? «Неба свинцовый камбий. / Срез годовых колец. / Саженец – белый камень. / Мокрый от пота отец». Но и в овеванные усталостью дни предухода одна лишь просьба сорвётся с уст:

Даруй в последние деньки / Кусочек неба. / Не надо зрелищ никаких, / Не надо хлеба.

Галина Булатова

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Э.Бреккель, «В одно ухо вошло и...осталось» Типография АвтоВАЗа. Тольятти, 2010 г.,185 с.

Довольно редкое для Тольятти издание – классический сборник афоризмов. Эрик Иванович Бреккель пишет афоризмы всю свою сознательную жизнь, а если быть точнее – почти сразу после переезда в Тольятти в 1968 году. Он был одним из первых строителей АвтоВАЗа, прошел путь от монтажника до главного инженера сборочно-кузовного производства. Книга «В одно ухо вошло.. и осталось» издана в вазовской типографии, что говорит о многом. Объем написанного в жанре афоризма значителен – около 200 страниц книги разбиты на тематические разделы, которых около 30. Неспешность и наблюдательность автора позволяют ему фиксировать вещи обыденные, очевидные, но редко замечаемые: «Если счастье улыбается, то каждому кажется, что это ему». Рассуждения о таланте, морали, ошибках, сознании, труде часто уходят в игровую, козьмапругковскую стихию: «Яблоко раздора чаще всего оказывается несъедобным». Если говорить о философии сборника, то это, следуя советам Эпиктета и Сенеки – чувство меры, золотой середины, иметь которую человек всегда желает, но редко достигает. И труд, и отдых, и радость, и горе, по Бреккелю – лишь очередной повод испытать самих себя, остаться человеком!! В целом нужно сказать, что афористика сборника рассчитана практически на всех читателей в возрасте от 15 до 85 лет. Поздравляем автора с выходом этой замечательной книги.

Каждый талантлив по-своему, бездарны все одинаково.

«СимбирЛит». Альманах. Выпуск №6, Ульяновск, 2014 г. 224 с.

Литературный альманах «СимбирЛит» издается на базе молодежного литературного салона при музее-квартире В.И.Ленина. Передо мной уже 6-й выпуск альманаха. В нем содержатся материалы: стихи, рассказы, сказки, эссе, очерки, статьи на самые разные темы – от любовной лирики до ВОВ. Руководитель салона и редактор альманаха Марина Субина по-настоящему любит свой родной город, знает его, пропагандирует. Видно, что человек на своем месте. Редактируемый ей альманах сделан добротным и красиво. Главная удача – проза номера. Короткие рассказы Елены Плотниковой, повесть Евгения и Кирилла Никишиных, географические заметки Сергея Серягина, краеведческие заметки Александра Ависа.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Общая эстетическая направленность номера – патриотическая, питающаяся любовью к своему Поволжью, Ульяновску! В альманахе много эссеистики о родном крае, персонажах литературных произведений, связанных с Симбирском. В общем, почитать есть что!! Пожелаем «Симбирлиту» и его редакции успехов и новых выпусков!

Среди наиболее известных и уважаемых фамилий симбирского купечества конца 19 века выделялись Шатровы, Кирпичниковы, Балакирициковы и Сачковы, в разное время избираемые на место городского головы местной городской думы. (Александр Авис «Странный дом»)

«Энциклопедия. Уральская поэтическая школа» Челябинск. «Десять тысяч слов». 2013 г. 607 с.

После трех томов «Антологии уральской поэзии» Виталий Кальпиди задумал и реализовал проект «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа (1981 – 2012 гг.)». Книга эта представляет собой широкое полотно, на котором вышита целая эпоха смыслов и имен уральской поэзии. Главы этой огромной, стильно изданной энциклопедии таковы: Персонажи уральской поэтической школы, культурный герой, инфраструктура, точки места, издательские инициативы, премии, фестивали, кодекс провинциального поэта и др. В предисловии сказано – уральское поэтическое движение появилось без видимых причин, не имело учителей и теоретических посылов. Поверить на слово хочется, но мы лучше проверим! Получается следующая картина – на Урале действительно оформилось около 30-ти лет назад мощное движение, инициированное В.Кальпиди, но почти сразу подхваченное В.Дрожащих, А.Санниковым, Е. Туренко, А.Петрушкиным и др. поэтами. Энергия и напор этих людей были таковы, что сейчас скорее следовало бы признать существование УПШ, чем бороться с этим устойчивым мифом. Единственное, что можно утверждать, и «Энциклопедия» это подтверждает – во многих отношениях уральские поэты и проекты являются лидерами современной литературы. Мощная школа видеоарта, издательства и журналы, фестивали и премии – Урал сейчас живет интенсивной и самодостаточной поэтической жизнью. У этих людей можно и нужно учиться!

Современная уральская поэзия – это единый психогеологический ландшафт и единая климатическая макроэстетика, скрепленные пластилиновой опалубкой единого информационного пространства. (В. Кальпиди)

КНИГА ЗА КНИГОЙ

С. Пиденко, «Прогулки по крепостной стене». Библиотека альманаха «Графит», Тольятти, 2014 г., 160 с.

Поэт и прозаик Сергей Пиденко пишет уже более 30-ти лет, а его первая книга вышла только сейчас. Это не плохо и не хорошо, оценки здесь вряд ли уместны!! Предположим, что все сложилось только сейчас, а это главное.

Книга носит на себе отпечаток хорошо продуманной музыкальной композиции. Рассказы, повесть, интервью перемежаются стихами самых различных жанров – от сонета до хокку. Центральным лейтмотивом всего творчества Пиденко является, пожалуй, глубокое погружение во внутренний мир современного человека, достоверный анализ его поступков и мыслей. Автор явно тяготеет к классической линии русской литературы, недаром И.Бунин, Ф.Достоевский и Д.Быков являются его любимцами! Автор умеет передать в своих произведениях и боль утраты, и глубинное одиночество, и печаль любви, и радость встречи!! Героям его произведений свойственно глубокое сочувствие общему строю жизни, умение сопереживать чужой боли, умение приходить на помощь в самые трудные минуты жизни. Именно этого, пожалуй, и делает книгу Сергей Пиденко интересной для самого широкого круга читателей!

Лучшие вещи книги: рассказ «Серебряная труба Арама», цикл стихов «Не умею молчать о любви», рассказ «За железной калиткой памяти», цикл стихов «Свидание с городом», рассказ «Картонная коробка на дороге» и др. Стоит еще сказать, что книга вышла в приложении к литературному альманаху «Графит», автором которого С. Пиденко неоднократно бывал.

Ангел заблудший, ангел уставший, / Мира печали на плечи взваливший, / Не опускай своих крыльев блестящих, / Небо над ними светлее и выше.

Сергей Сумин

«ЧЁРНЫЕ ДЫРЫ БУКВ». Альманах творческой лаборатории «Территория диалога» СГАУ. Выпуск 4. Самара. ООО «Медиа-Книга», 2014 – 184 с.

Концептуальное издание, структуру которого формируют конспекты лекций по философии и философские эссе, вокруг которых группируются художественные произведения, отражающие заданные темы, и, таким образом, иллюстрирующие главенствующее положение философии по отношению к

КНИГА ЗА КНИГОЙ

литературе. Представлены полярные точки зрения, от классической до новейшей философии, критически рассматривающей границы искусства. Особый вес этой концепции придают исследования и подходы, направленные на обнаружение универсальных элементов творчества в небιологических (постбиологических) системах. Представлен подход, противоположный воззрениям Андрея Белого, который утверждал, что именно вдохновение художника рождает новые ориентиры для развития научных идей. Структурная составляющая представлена текстами Михаила Богатова («Природа, мера и техника»), Дмитрия Клеопова («Символ и время у Мераба Мамардашвили и Александра Пятигорского»), Дмитрия Булатова («По ту сторону медиума»), Елены Богатыревой («К вопросу об «общем деле» искусства»). Организуемый контент обнаруживает разную степень понимания генеральной линии, но некоторым образцам присуща ясность мысли, не умаляющая художественности формы, например, эссе Дени Грозданова «Время как оно идет... и как оно ходит!», «Дневник Робинзона Крузо» Сергея Сумина или «Иероглиф» Леонида Немцева. С художественной частью сложнее: философия выигрывает благодаря ажурности своей логической конструкции, поэзия же, если верить Игорю Шайтанову, дело вкуса. Учитывая разницу метафизических весов участников диалога, благодарность редактора альманаха Елены Богатыревой авторам, «которые нашли в себе силы и время отважиться на высказывание и соизмерить свое присутствие с тем, что постоянно обнаруживает общий план упорной в своем воспроизведении иллюзии его наличия» выглядит чем-то большим, чем простая вежливость. «Уходите, великие желания, // Убирайся прочь, бессмертие. // Стирайтесь в пыль, горы духа, // Если вершина всего – одиночество». (Пауль Клее, за которым черные дыры последних слов издания).

Искусство – живая субстанция. Оно моментально реагирует на трансформации и инновации в жизни людей. Синтез современного искусства и науки – данность, обусловленная постиндустриальной эпохой.
(Николай Шлыков)

Вадим Леванов. Пьесы и другие произведения, опубликованные в журнале «Город». Литературное агентство В. Смирнова – Тольятти, 2013, 280 с.

В книге собраны пьесы и рассказы, опубликованные в тольяттинском городском журнале в период с 2000 по 2010 год. Наряду с пьесами, читки которых в авторском исполнении проводились в легендарном черном

КНИГА ЗА КНИГОЙ

подвальчике на Голосова, 20, в сборник попали и более широко известные, например, «Настройщик» или «Святая Блаженная Ксения Петербургская в житии», поставленная Валерием Фокиным на сцене Александринского театра Санкт-Петербурга. Важно присутствие в книге и второй части своеобразного, по словам автора, диптиха о добре и зле - пьесы «Кровавые барыни Дарьи Салтыковой, московской столбовой дворянки правдоподобное и елико возможно достоверное жизнеописание». Кажущаяся искусственность и схематичность сюжета этого, на первый взгляд, шокирующего произведения, в котором наряду с главной героиней действуют маркиз де Сад и святая Ксения Петербургская, в конечном итоге приводит к возникновению метафизической картины вселенской битвы добра и зла - кульминации развития стержневой темы творчества Вадима Леванова. Все представленные в книге произведения, начиная от романтического нуара ранней пьесы «Шкаф» и заканчивая хоррором «Геронтофобии», дают возможность проследить творческий путь Вадима Леванова и оценить присущую автору на всем его протяжении драматургическую зрелость, стилистическое разнообразие и мастерство владения словом. «Будь счастлив, неудавшийся музыкант, проигравший жизнь».

Елена Карева

Лада Дождь. «Мегажизнь». Тольятти, Библиотека альманаха "Графит", Вып. № 1, 2014 г. 148 с.

Книга "Мегажизнь" напоминает репортаж о пожаре в Риме, автор которого смотрит на город глазами Нерона, но не с безопасной высоты Меценатовой башни, а изнутри, находясь в обезумевшей толпе. Понимая масштаб трагедии лучше многих, потому что на его глазах рушится не уютный дом, не налаженная личная жизнь – гибнет цивилизация. И человеку, чтобы выжить в этой катастрофе, надо стать другим человеком. И разделаться с прошлым. "И время просто средство для мытья, Которым память, может быть, отмоеся".

Автор словно мстит миру за обманутые надежды, окончательно деромантизируя остатки света в нем, наотмашь об стену разбивая остатки изысканного хрусталя: "и я ...иду назад по звездам, как подохлым крысам".

Каково это, писать поэтическую летопись своего времени, находясь в эпицентре землетрясения? Совсем необязательно знать факты биографии поэта,

КНИГА ЗА КНИГОЙ

чтобы чувствовать, как кошмар "лихих девяностых" отзывается в этих стихах через слово, строчку, страницу... "Э-э, – скажет искушенный читатель, – знакома нам эта чернуха". И ошибется.

Конечно, автор говорит: да, я помню, помню, что писали Пушкин, Блок, Пастернак и десятки иных, да в нынешнем времени "ангел мой ест бутерброд с колбасой, Перед судьбой обнажая колено". Но совесть, долг, человечность на страницах этой книги горят не слабее, чем знаменитые слова на стенах дворца Валтасара. "Совесть – правильная сумма / Неслагаемых идей".

Когда-нибудь потом, спустя десятилетия, кто-то, читая эту книгу (будем надеяться на лучшее!), оторопее: каков же был мир этих дней, где "щеночком скулит Минотавр, прижимаясь к прохожим"?!

Но у меня, современника, нет ощущения, что автор сгущает краски, нагнетает страсти. Понятно, это время, в котором он жил и выжил. Повезло бы лирическому герою этой книги жить две с лишним тысячи лет назад, он бы, может, пробежал по Персеполису с факелом или, попозже, сам стал "Нероновым светильником" в Риме. Но его угораздило попасть во времена российских перемен, когда, как говорил Эсхил, было возможно всё и, значит, ничего уже не имело значения. Кроме стихов.

*"Орган, пишущий стихи, расположен в центре неба...
Гениальное всегда так светло и примитивно".*

Андрей Пермяков. «Сплошная облачность». Санкт-Петербург. Свое издательство, 2013 г. 56 с.

Странное чувство испытываешь, когда открываешь чью-то книгу и вдруг чувствуешь, что эта книга о тебе, будто видишь сон, сознавая, что сон, но непременно надо его досмотреть и понять что-то важное о жизни и о себе.

Это поэзия несбывшихся ожиданий, но все, что происходит, происходит именно с тобой. Не с автором, нет, и даже не с его лирическим героем. С тобой, читающим эти стихи. Стихи очень личностные, очень похожие на самого автора, мне это видно, поскольку посчастливилось встретиться с Андреем Пермяковым и даже немного поговорить, но стихи не замыкаются на авторе, всегда есть чей-то "этот легкий голос", всегда есть "я-человек и другой человек, и кто-то ещё прохожий". И всегда есть чувство, что этот "кто-то" – ты сам.

Эти слова и строчки – страшноватая мозаика отражений детства, юности, прошлого, где осколками Брэдбери, Окуджавы, Давид Самойлов и некий

КНИГА ЗА КНИГОЙ

чуть-чуть нескладный и растерянный человек из двадцатого столетия, с тоскою вглядывающийся в "неподвижный мрак" 21 века, отбрасывающий "тонкие тени на тонкие лица тех, кому ухаживать".

Это горькая и светлая музыка, которая вместо жизни, которая больше жизни, и уж если она кончится, то кончится все остальное.

Это мир, где панельная пятиэтажка играет в памяти роль древней Ассирии, а "Костромы-то и нет никакой", хотя через неё идут поезда, где летящая пчела способна оправдать даже плохие стихи, а между "людьми, посмотревшими друг на друга, вырастают паутинки", и важно успеть сказать: "Не пропадай?"

Пермяков все время говорит о самом простом, будто бы ни о чем, ничего никогда не договаривая, обрывая себя на полупhrазе, уверяет, что "это никогда не о судьбе", но читатель ясно видит: это все о судьбе, о жизни, о "человеке вообще" и конкретном живом человеке, которому светло, холодно и страшно. Но он все равно живет. Без скидок на время.

*А звездам и каплям дарована честная речь;
Правильно, Отче: бывают дары пустые.*

Сергей Пиденко

АВТОРЫ

Аристов Алексей. Родился в 1983 году. С 2007 по 2011 год вел литстудию при Волжском университете Тольятти. Кандидат филологических наук. Пишет стихи и прозу. Занимается переводами. Живет в Санкт-Петербурге.

Бараш Михаил. Прозаик, эссеист. Один из инициаторов литературного круга, в котором издавался альманах "Эпсилон-Салон" в начале 80-х годов. Культурный обозреватель газеты "Русская мысль" и журнала "Континент" в конце 80-х - начале 90-х. Живет в Париже.

Булатова Галина. Поэт, критик. Родилась в городе Горьком, окончила Куйбышевский институт культуры. Работала в системе детских и школьных библиотек города Тольятти. В настоящее время живёт в Казани. Автор книги стихов «Философия розы».

Дацкевич Илья. Родился в 1989 году. Окончил филологический факультет НГПУ им. Козьмы Минина. Лонг-лист «Литературрентген» в 2009-ом и 2011-ом. Публикации в журналах «Новая Реальность», «Знаки», «РЕЦ», "Ликбез", на сайтах "Молодая русская литература" и «Полутона». Живет в Нижнем Новгороде.

Денисова Любовь. Поэт. Родилась в 1986 году. По образованию – психолог. Живет в Тольятти. Публиковалась в сборниках «Между строк», альманахе «Графит».

Камышин Владимир родился в 1969 в г. Миассе Челябинской области. Кандидат юридических наук, доцент. В разное время работал в милиции, следователем, преподавателем вуза, старшим научным сотрудником, адвокатом. В настоящее время живет в поселке Билимбай Свердловской области.

Карева Елена. Поэт, критик, переводчик. Родилась в 1962 году. Автор двух стихотворных книг, а также многочисленных публикаций стихов и статей в журнале «Город». Живет в Тольятти.

Князев Андрей. Родился в 1972 году. Поэт, прозаик, музыкант. Активный участник поэтической группы «Олимпийские игры». Публикации в местной и столичной прессе. По профессии – программист. Живет в Тольятти.

АВТОРЫ

Кужак. Поэт. Автор книги «Пустыня оптимиста» (2012 год). Многочисленные публикации. Живет в Чебоксарах.

Москалюк Александра. Родилась в 1994 году. Учится на переводчика в ТГУ. Участвовала в выставке детских рисунков в Париже. Живет в Тольятти.

Муранова Дарья. Поэт. Родилась в 1989 году. Публиковалась в местных изданиях, журнале «Город». Живет в Тольятти.

Перегудов Дмитрий. Родился в 1987 году. Писатель, эссеист. Живет в Тольятти. Публиковался в местных изданиях, сборниках «Между строк».

Пиденко Сергей. Родился в 1960 году. Поэт, прозаик, бард. Печатался в белорусских и российских журналах и альманахах. Издал 2 книги белорусских русскоязычных авторов. Руководил клубом авторской песни «Бардовская среда». Живет в Тольятти. Автор книги "Прогулки по крепостной стене", 2014.

Сергеев Андрей. Родился в 1989 году. Аспирант Института филологии и журналистики СГУ, журналист. Победитель XI литературного молодежного конкурса памяти братьев Шнитке в номинации "Проза" в возрастной группе от 18 до 25 лет (2013). Живет в Саратове.

Сумин Сергей родился в 1973 году. По образованию – филолог. Опубликовано в сборниках «Нестоличная литература» и «Самарский верлибр», журналах «Волга» и «Гипертекст». Около 20 интернет-публикаций. Активно занимается самиздатом. Живет в Тольятти.

Савкин Андрей. Поэт. Родился в 1987 году. выпускник кафедры английского языка филологического факультета СамГУ, переводчик. Живет в Самаре.

Щелоков Сергей. Поэт, эссеист. Родился в 1974 году в Самаре. Окончил филологический факультет Самарского университета. Многочисленные публикации стихов. Живет в Тольятти.

Учаров Эдуард. Родился в Тольятти в 1978 году. Окончил Академию труда и социальных отношений (юридический факультет). Живёт в Казани. Стихи публиковались в журналах: «Дружба Народов», «День и Ночь», «Современная Поэзия» и других. Автор книг стихов «Подворотня», Краснодар, 2011 и «SOSстояние весомости», Казань, 2012.